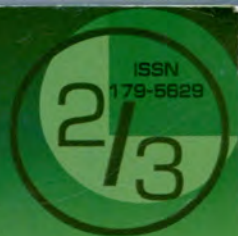

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 2–3, 2003

**Учредитель – Кубанский
государственный университет**

**Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год**

Главный редактор Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

- Т. А. Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У))
Л. А. Арутюнян, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ)
В. А. Бабешко, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ)
А. А. Бодалев, д-р психол. наук, проф., академик РАО
А. А. Гаврилов, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ)
С. Деллер, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США)
В. В. Знаков, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН)
Я. Л. Коломинский, д-р психол. наук, проф.
(Белорусская Академия образования)
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН)
Е. В. Морозова, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ)
Х. Пилкингтон, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания)
А. Л. Стризов, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ)
П. М. Хакуз, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ)
А. Ю. Чирг, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований)
В. К. Шаповалов, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ)
В. Ю. Шпак, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ)
Е. Р. Ярская-Смирнова, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ)

Редакционная коллегия:

- О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.;
Г. С. Курбатова, отв. секретарь;
Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук., проф.;
А. М. Ждановский, канд. ист. наук., доц.;
А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц.;
З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.;
В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

Адрес редакции:

350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н. Тел. (8612) 69-95-63, 69-95-64.

Дизайн художников М. Н. Марченко, С. Г. Ажгихина. Оригинал-макет Г. А. Литвяковой.

Подписано в печать 12.10.03. Уч.-изд. л. 14,75. Усл. печ. л. 13,8. Тираж 600 экз. Заказ №22.
Кубанский государственный университет, 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Отпечатано в типографии "Агропромполиграфист" 350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА	5
ПАМЯТИ Г. С. БАТЫГИНА	8
<i>Батыгин Г.С.</i>	
Производство научного знания	9
СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СПОСОБЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ	38
<i>ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА</i>	40
<i>Данилова Е.Н., Ядов В.А.</i>	
Неустойчивая социальная идентичность становится нормой в нестабильном социальном пространстве	40
<i>Бабич Н.С., Батыков И.В.</i>	
Измерение социальной дистанции	47
<i>Оберемко О.А.</i>	
Антонимический анализ Мы—Они-идентичностей	63
<i>ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ</i>	86
<i>Баранов А.В.</i>	
Историческое сознание в контексте региональной идентичности Юга России	86
<i>Савва Е.В.</i>	
Гиперпозитивная этническая идентичность и печатные СМИ: способы формирования образа "чужих"	97
<i>Улько Е.В., Бурмистрова Я.Н.</i>	
Исследование социальных факторов актуализации этнической идентичности	109
<i>ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ</i>	121
<i>Мирошниченко И.В.</i>	
Политические ценности социально-профессиональных групп	121
<i>Трофимова Г.Ю.</i>	
Представления подростков о "социальном завтра" на этапе профессионального самоопределения	131

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	140
<i>Тартаковская И.Н.</i>	
Гендерная идентичность в функционировании социальных сетей	140
<i>Черкашина Т.Ю.</i>	
Экономическая самоидентификация супругов в российских семьях	157
<i>Сапогова И.А.</i>	
Гендерные этапы молодежи	170
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЛИЧНОСТЬ, ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ	179
<i>Ожигова Л.Н., Бунчук С.Н.</i>	
Гендерные аспекты концепции устойчивого экономического развития: от междисциплинарности к системному подходу в решении гендерных проблем	181
<i>Осипова О.С.</i>	
Гендерные аспекты социальной мобильности	191
<i>Еремеева А.Н.</i>	
Российская женщина-ученый в XX веке: состояние и перспективы изучения темы	196
<i>Игнатенко В.В.</i>	
Исследование ценностных представлений и гендерной идентичности у социальных работников	209
<i>Лупенко Н.Н.</i>	
Гендерное неравенство и психологические проблемы женщин в бизнесе	211
<i>Рымарев Н.Ю.</i>	
Скрытый учебный план в школе и воспроизводство гендерного неравенства	213
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	217
<i>Кимберг А.Н.</i>	
Психологи Кубани на III съезде Российского психологического общества	217
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	220
CONTENT	222
SUMMARY	223

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Открывающий номер доклад Г.С. Батыгина о производстве научного знания – дань памяти об ушедшем из жизни авторитетном ученом и признание его вклада в развитие социальной науки в Кубанском госуниверситете. В тексте обсуждаются этические основания "науки как призвания" и коллективного предприятия, дается развернутая метафора социологии как постоянного производства метатекста стратифицированным и высокоспециализированным научным сообществом.

Главная тема номера – способы концептуализации и измерения социальной идентичности. В статье, публикуемой в начале теоретико-методологической рубрики, авторы Е.Н. Данилова и В.А. Ядов утверждают, что результатом болезненных реформ стало сужение социальных идентичностей к первичным группам и вытеснение на периферию предпочтений политических, гражданских и прочих идентичностей "большого общества"; в стремительно меняющихся обществах высокого модерна нормой становятся ситуативные, гибкие идентичности. Методику превращения шкалы социальной дистанции Богардуса в интервальную шкалу теоретически обосновывают и демонстрируют на малой выборке представителей русского этноса Краснодарского края Н.С. Бабич и И.В. Батыков. О.А. Оберемко предлагает технику антонимического анализа МЫ–ОНИ оппозиций, позволяющую классифицировать данные открытых вопросов в стратегии конструирования межгрупповых оппозиций, сводимые к стадиям самокатегоризации, предложенным Г. Тэджфелом и Дж. Тернером.

А.В. Баранов осветил сценарии политической мобилизации с помощью конструирования этнической идентичности

в академическом дискурсе Юга России. Е.В. Савва исследовала потенциал СМК по формированию ин/толерантной установки по отношению к этническим аутгруппам и тиражированию специфических форм этнической идентичности. Ряд объективных и субъективных факторов актуализации этнической идентификации рассмотрены в статье Е.В. Улько и Я.Н. Бурмистровой.

И.В. Мирошниченко утверждает, что профессиональная социализация в стабильных профессиональных группах по-прежнему может влиять на разделяемые политические ценности. В статье Г.Ю. Трофимовой на основе пилотажного исследования выдвигается предположение, что от типа школы зависит формирование перспективной идентичности.

Несмотря на господствующие в теории утверждения о процессе трансформации гендерной идентичности, проведенный И.А. Сапоговой опрос 243 старшеклассников г. Краснодара обнаружил воспроизводство традиционалистских гендерных стереотипов. И.Н. Тартаковская на материале исследования "бедных" домохозяйств в четырех российских городах анализирует особенности гендерного контракта в социальных сетях, приводит индикаторы трансформации гендерной идентичности в процессе совладания с трудной экономической ситуацией. Т.Ю. Черкашина по данным трех волн (1994, 2000 и 2001 гг.) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) рассматривает воздействие личных доходов супругов на субъективную статусную самоидентификацию; установлено, что выбор модели (максимизации и традиционной) статусной самоидентификации зависит от абсолютного совокупного дохода семьи.

Очередной научно-практический семинар по гендерным исследованиям наметил движение от личностно-психологической перспективы к междисциплинарному и систем-

ному подходу. Об этом идет речь в статье Л.Н. Ожиговой и С.Н. Бунчук. На гендерную асимметрию в современном российском обществе, проявляющуюся в преобладании вертикальной мобильности среди мужчин и горизонтальной – среди женщин, указала О.С. Осипова. А.Н. Еремеева рассмотрела презентации женщин-ученых в советской художественной литературе и кино и реконструировала ряд типичных образов. В.В. Игнатенко исследовала ценности и ролевое согласование у женщин – социальных работников. Н.Н. Лупенко эмпирически обнаружила гендерное неравенство прав и возможностей в сфере бизнеса, а также сочетание у женщин-руководителей повышенной ответственности с пониженной самооценкой. Н.Ю. Рымарев солидаризировался с базовыми тезисами гендерных исследований системы школьного образования.

Завершает номер сообщение о III съезде Российского психологического общества.

ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ БАТЫГИН 19.02.1951–01.06.2003

ПАМЯТИ

Г.С. БАТЫГИНА

ПРОИЗВОДСТВО

НАУЧНОГО

ЗНАНИЯ

Геннадий Семенович Батыгин в отечественной социологии служил эталоном профессионального отношения к делу и общения с коллегами. Делал он это как ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, как руководитель множества аспирантов, как основатель, главный редактор и издатель "Социологического журнала", как декан, а затем профессор социологического факультета Шанинской школы, как организатор интереснейших семинаров и блестящий лектор.

Геннадий Семенович ушел, и многие из тех, кто близко и далеко общались с ним, ощутили разницу между метафорическим и холодно описательным "не может быть, поверить не могу". Первое создает напряжение и объем, второе мир спрессовывает в свинцовую пластину, которая непомерно тяжела.

Разница особенно остра, потому что Геннадий Семенович – сама живая метафора объемного мира. Он пропускал этот мир через себя и перерабатывал – всерьез и с лукавой усмешкой. Глухой черный френч – это не столько броня (и тем более не маскировка), сколько ирония и самоирония. Но всерьез. Даже Ядов называет его Сенсеем – Учителем. Иронично, но всерьез.

В его мир двери были открыты. Для идущих. Только иди, и тогда у Учителя чему-нибудь научишься.

Учитель ставил на крыло: методически оснащал для полета, чуть ли не показывал, как методически правильно подпрыгнуть и расправить крылья: правильный метод – послушание ремеслу – обязательно поставит на крыло, а самостоятельный полет обязательно приведет куда-нибудь. Еще Учитель собственной спиной ограждал кусок пространства для первых – учебных – полетов.

Мы публикуем с небольшими сокращениями доклад Г.С. Батыгина, прочитанный в Кубанском госуниверситете 27 мая 2000 г. в рамках конференции "Содержание социально-гуманитарного образования в меняющемся мире".

ПРОИЗВОДСТВО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Г. С. Батыгин

Уважаемые коллеги! Позвольте рассказать вам о правилах производства научного знания. Я буду исходить из предположения, что наука не только отражает реальность, но и сама является "социальным фактом", т. е. своего рода идеальной реальностью, подчиненной объективным правилам. Мы можем трактовать науку как игру (иногда интеллектуальную), но и в этом случае правила игры не выбираются нами. Научный сотрудник должен подчинить свою жизнь определенного рода обетованию. Разумеется, эта игра – в том числе ее социологическая разновидность – не дает никаких преимуществ в познании мира. Созерцание художника, религиозный опыт и здравый смысл могут казаться более пригодными формами знания, и, действительно, никому из младших научных сотрудников и в голову не придет рассуждать научно, например, в разговоре с девуш-

кой. В этом отношении социология – одна из наиболее рискованных форм знания: внешнему наблюдателю практически невозможно отличить в ней научно обоснованное суждение от политических дебатов, самовыражения, публицистики, вещания, нравоучения, социальной проповеди или художественных образов. Критерий здесь тривиален: научное суждение может быть ошибочным (точнее, всегда является ошибочным), а другие формы знания – по ту сторону истины и лжи. Иное дело, что применение этого критерия – очень нетривиальная задача. Мы можем выбрать в саду познания тысячу тропинок, и наука – лишь одна из них и не имеет никаких явных преимуществ и в приближении к истине, и преимуществ практических. Нас может успокоить лишь то обстоятельство, что научная тропинка никогда не приводит к цели. Движение здесь – все, а цель – ничто. Главное, что мы должны двигаться к цели дисциплинарно организованными порядками.

Я рискну сформулировать выводы, а потом проиллюстрировать их. Первый вывод заключается в том, что дисциплинарно организованное знание воспроизводится не индивидом (индивидуальное творчество не имеет здесь принципиального значения). Научное знание производится не человеком, а корпорацией, как на заводе. В той степени, в какой совокупный текст науки стратифицирован, разделен по фронту и в глубину на "темы", "направления" и "дисциплины", стратифицированы и корпорации. Мы можем взглянуть на карту науки как бы сверху и увидим функциональную организацию наступления сил света на силы тьмы. Здесь нам понадобится понятие регулярного знания, которое создается регулярными частями научных сотрудников (хотелось бы добавить: "...где не властны слова и рубли, где все рядовые..."). Отсюда, в частности, следует, что у научного сотрудника отсутствует "Я", но выражено "Мы".

Второй мой вывод тоже основан на военной метафоре. Новое время создало регулярные армии, регулярное государство, регулярную науку и научные институты, похожие на институты власти (бэконовский "Бенсалем" – власть ученого совета – административный метаморфоз платоновской идеи "царственного плетения"). Так вот, внутри науки постоянно и исподволь происходит разрушение власти "ученого совета": межличностная коммуникация научных сотрудников преодолевает дисциплинарные и институциональные границы. Пример тому – радикальные изменения в формах воспроизводства научного знания, связанные с регламентами цитирования и информационным обменом в Интернете. Иными словами, происходит постоянное революционное преобразование институтов науки, и проблема в том, что "термидоры" здесь так же постоянны, как революции.

Третий вывод кажется мне особенно сомнительным. Огромная, фантастическая по своей сложности машина информационного обмена в науке работает впустую, гонит воздух, если нет личного общения научных сотрудников. Поэтому научное знание производится не в организованных научных корпорациях, а в межличностной интеракции. Несмотря на то что почти все значимые результаты публикуются, они доходят до ума только тогда, когда сообщены лично. Здесь работает удивительный феномен воспроизводства "гемайншафтных" социальностей внутри "гезельшафтных". В 1940-е гг. С. Стауффер показал, что если в армейских подразделениях нет чувства доверия, скажем, боевого братства, даже самые умные команды не "проходят", а если доверие есть, то даже глупые команды преобразуются в умные. Эффект Берельсона-Каца заключается в том, что массовая информация начинает действовать только тогда, когда она "ретранслируется" лидерами мнения в контактных группах. Аналогичная штука наблюдается в

научных сообществах. Говард Коллинз исследовал работу команды, разрабатывавшей новую модель лазерной установки (она называлась ТЕА-lazer, и это все, что я могу сказать о ней). Коллинз установил "эффект Коллинза": никому из исследователей не удалось воспроизвести модель действующей установки на основе опубликованных сведений, пока не вошли в прямой контакт. Успех зависит от личных контактов, когда ученые могут передавать друг другу нечто вроде "скрытого" знания. Задача формальной коммуникации, по Коллинзу, сводится к тому, чтобы легитимировать и систематизировать уже полученное знание. Я не вполне понимаю, как соотносятся в нашем ремесле письменная и устная речь, но кажется, это не только разные формы регистрации знания, но и функционально различные формы знания. Может быть, устная коммуникация оказывается не дополнением, а основой институционализированного знания. Не помешает более рискованное предположение: если научные сотрудники не говорят всего того, что пишут, то и думают они не все, что говорят. Где же тогда наука?

А теперь позвольте начать сначала. Мы будем иметь дело только с тем, что пишется. Тогда проблема сводится к исследованию совокупного текста дисциплины, который можно структурировать и подсчитать. Если так, то научный сотрудник – человек публикующийся. Кто не публикуется, тот не участвует в производстве знания. Многие из нас – чистые преподаватели и не тратят времени на сочинительство. Они выполняют свою работу, но, следуя нашему рискованному определению, мы должны исключить их из "игры". Никаких оснований для обиды здесь нет, хотя бы потому, что не известно, кто умнее и полезнее.

Итак, речь идет о совокупном тексте науки. Этот текст функционально эшелонирован. Мы знаем, что по социально-гуманитарным (поведенческим) наукам публикуется

133 237 статей в год (ошибкой регистрации я вынужден пренебречь). Позвольте мне не останавливаться на дисциплинарных разграничениях, поскольку я пользуюсь достаточно условными критериями библиографической классификации в области social and behavioral sciences. Сюда входят психология, социология, история, науковедение, криминология, отчасти философия и два десятка других наук. К этим 133 тысячам мы должны приплюсовать более 5 тысяч монографий, сборников и других материалов. Все это – ежегодные поступления в совокупный текст нашей дисциплины, а каков его общий объем – не известно. Суммирование ежегодных поступлений нам ничего не даст, поскольку мы не знаем ни "утечки", ни с какого времени считать. В нашем тексте присутствует наряду с прочими Декарт. Козьма Прутков рассказывает. Декарта спросили: "Сколько звезд на небе? – Мерзавец, нельзя объять необъятного, – ответил философ". Так вот. Ежегодный приток в совокупный научный текст создают 15 % научных сотрудников, точнее, те, кто числится "академиками" – научными сотрудниками и преподавателями. Надо что-то сказать об оставшихся 85%. Ясно, что это не "балласт", во всяком случае, они делают что-то другое. Далее, из тех, кто создает совокупный текст науки, цитируются 8–10 %. А остальные не цитируются. Что значит "не цитируются"? Вероятно, в большинстве случаев их публикации никем не читаются, а если читаются, то не считаются "интересными" (непонятно, что такое "интересная" публикация), а если считаются интересными, то не цитируются. Во всех случаях опубликованный научный результат не получает институционального (цитатного) воспризнания. Вполне возможно, что публикация является не только средством воспроизводства научного знания, но и формой легитимации существования научного сотрудника в корпорации. Наша республика ученых

очень похожа на обычную республику, и было бы по-пролетарски наивно возглашать: "Кто не работает, тот не ест!". Я не буду занимать ваше внимание структурными отличиями тех, кто публикуется и цитируется, от тех, кто не публикуется и не цитируется. Большинство из нас знает, что стоит за сотенными списками научных трудов и кто заседает в президиумах. Вот такой результат.

В библиографических указателях совокупный текст науки кажется дисциплинарно структурированным и логичным. Однако только 1/3 статей, цитируемых научными сотрудниками, публикуется в "профильных" журналах, 1/3 – в смежных и 1/3 – в журналах, не имеющих отношения к нашей дисциплине. Выходит, что дисциплинарно организованный текст создается из дисциплинарно неорганизованного материала.

Позвольте (в качестве примечания) рассказать, что такое научный журнал. Журнал – это не столько периодическое издание, сколько институциональный маркер школы, направления, дисциплины. Созданный как форма переписки в колледже, журнал является "публичным пространством" дисциплинарно организованного знания. Можно сказать, не дисциплина создает журнал, а, наоборот, журнал создает дисциплину. Есть журнал – есть дисциплина, нет журнала – ничего нет. Когда новая тема только создается, научные сотрудники публикуются диффузно. Довольно быстро они входят в контакт и обнаруживают заинтересованность публиковаться под одной обложкой. Создается "шайка" (люди живут "шайками" – главная социологическая истина), и журнал – ее институциональный маркер. Кажется логичным, что после журнала возникает необходимость в исследовательском институте (наоборот – уже извращение). Сначала возникает лаборатория, потом начинается позиционный конфликт и внутренняя борьба, лаборатория отделя-

ется, становится институтом. Затем создаются и учебные учреждения: учебный курс, специализация, кафедра, отделение, факультет, университет. Если факультет изоморфен республике, устанавливаются балансы сил, если же утверждается деспотия, все скорее рано, чем поздно, рухнет. Наука развивается благодаря внутреннему конфликту.

Я вернусь к 30-процентным структурным соотношениям. В некоторых науках соотношение нарушено. Например, в радиационной биологии больше 80 % цитируемых статей публикуется в профильных журналах. Это значит, что колледж умеет четко отделять своих от чужих и обладает высокой автономией от внешних влияний. Наиболее отчетливый критерий дисциплинарной автономии – терминологическая непроницаемость. Здесь тысяча опасностей, и главная из них – опасность генетического вырождения дисциплины, когда творческое оплодотворение ограничено замкнутым кругом особей. Это болезнь аристократическая. В социологических журналах баланс тоже нарушен, но наоборот. Получается своего рода конкубинат: в профильных изданиях публикуется всего около 20 % цитируемых статей, остальные статьи не имеют прямого отношения к дисциплине. Здесь бог знает что намешано. И тематика, и стилистика социологического текста выраженно контаминированы. Это болезнь неаристократическая. Хотя в генетическом отношении выживаемость таких беспородных видов должна быть высокой.

Герман Коген писал, что звездное небо над нами надо изучать по книгам. Иными словами, новое знание порождается самим знанием, и даже эксперимент и наблюдение могут иметь значение только тогда, когда они порождены языком дисциплины. Подсчитав общее количество процитированных автором статьи источников, мы можем сказать, что, в отличие от человеческой особи, статья порождается

не двумя акторами, а в среднем тринадцатью. Если усложнить проблему и подсчитать, сколько источников должен (в среднем) прочитать социолог, чтобы написать статью, можно предположить, что ее "рождение" требует участия сотен акторов. Скажем, смысл жизни научного сотрудника в том, чтобы, прочитав 253 статьи и книги, написать 254-ю. Разумеется, качество произведения непосредственно определяются кругом чтения, и неудачи объясняются без особого труда. Я бы не стал пренебрегать евристикой и селекцией в изучении производства научного знания.

Другое следствие этих параллелей – предположение о том, что в совокупном научном тексте возможны произведения, возникшие в результате вмешательства потусторонних сил, т. е. обходящиеся без всякого круга чтения и без всяких цитирований. Такие статьи называются гениальными, и в редакциях их не любят. Иногда пишут стандартный ответ: "Уважаемый коллега! Мы не можем опубликовать Ваше выдающееся произведение, потому что открытая Вами истина обесценивает все, что было опубликовано нами ранее, и все то, что мы предполагаем опубликовать".

Пойдем далее. Удивительно, что 50 % научных сотрудников получают первую информацию за год до ее опубликования – из устных источников. Это подкрепляет эффект Коллинза. Какую роль выполняет опубликованный текст в производстве знания? Что такое чтение в науке? Что читается и как читается? Было бы наивно думать, будто научный сотрудник читает статью от начала к концу. Опытный чтец читает с конца – с библиографического списка. И потом умело вычитывает несколько нужных предложений и, если надо, выписывает их. И все остальное уходит в отвал – шахтерский термин "отвал" кажется уместным. Сначала опознается тема (по основному заглавию, потом по заглавиям пристатейного списка), просматривается постановка

проблемы, экспериментальный материал и оборудование, затем читаются основные идеи. Так вот, читается обычно то, что знакомо, и цитируется то, что уже цитировалось. Станным образом, аналогичный механизм чтения действует и при обращении к смежным и "не имеющим отношения" областям. Именно здесь научный сотрудник обнаруживает то, что обозначается непонятным словом "новое". Кажется, именно этим, бессознательно функциональным, стремлением можно объяснить интерес научных сотрудников к не своим темам. Здесь можно сформулировать рецепт: когда в теме не видно выхода, надо залезать в чужой огород. Хотя это и небезопасно, но полезно.

Собственно говоря, проблема заключается в том, чтобы знать свое место в систематическом каталоге. Здесь не помешает справка о научном учреждении, осуществившем революцию не только в науковедении, но и в технологии производства научного знания. Это ISI – Институт научной информации в Филадельфии, созданный Юджином Гарфилдом. С 1974 г. институтом выпускается Индекс цитирования по социальным и поведенческим наукам, а также навигатор (Current Contents) по нескольким тысячам журналов практически на всех языках. Благодаря гарфилдовским инструментам сформировались ясные и отчетливые форматы публикаций "переднего края" науки.

Здесь нам опять понадобится метафора войны. Наука и война – почти одно и то же. Знание – сила. Дисциплинарно организованное знание убивает жизнь. Новоевропейская наука обозначила свое возникновение рембрандтовской картиной "Урок анатомии доктора Кюльпе": профессионалы вокруг трупа. В начале нашего века Генрих Риккерт, неокантианец, нимало не склонный к парадоксальности, говорит (вероятно, полемизируя с Ницше в его же стиле): "Чтобы познать жизнь, надо убить ее". Нельзя не согла-

ситься, что лучший диагност – патологоанатом. Объект психологического исследования называется "испытуемый". Уберем приставку – останется "пытуемый". "Исследователь" – "следователь". Кажется, я изрядно нагнал бутафорского ужаса...

Созданный модерном образ науки – это просвещение, "наступление сил света на силы тьмы". Светлое царство науки постепенно оттесняет силы тьмы и в процессе кумулятивного воспроизводства знания оставляет все меньше и меньше места невежеству. Создаются прозрачное царство будущего, проекты преобразования природной и социальной материи, и мы становимся все умнее и умнее (по сравнению с Аристотелем!.. – об этом немножко задумался Френсис Бэкон, но все-таки решился на "новый органон").

Передний край наступления науки на силы тьмы можно изобразить на штабной карте. Стрелами обозначены направления ударов соединений и фронтов, здесь укрепляюны, опорные пункты мельчайших армейских единиц – подразделений. Они похожи на лаборатории. Заметьте, что рядовой, сержантский и офицерский состав на картах науки не обозначаются. На переднем крае науки происходит непосредственное соприкосновение с противником, а направления главных ударов формируются в глубине обороны. На переднем крае создается специфический вид текстов, которые называются "статьи" – они отличаются своей стилистикой и композицией от всех других видов научных произведений. Собственно говоря, настоящая война происходит именно здесь. Слава богу, это метафора. Именно здесь люди сидят над микроскопами, убиваются на полевых работах, наблюдают подопытных крыс и других живых существ. Все это делается во имя "научной новизны". Научная новизна содержится только в статье, и статьи создаются только для этого. Таково функциональное назначение первого эшелона – "переднего края науки".

В начале своего рассказа я упомянул о журналах как форме научной переписки. Первый научный журнал назывался "Philosophical Transactions". Сэр Исаак Ньютон точно знал, кому адресована его статья. До сих пор стилистика и композиция статей несут на себе отпечаток эпистолярного этикета – это сообщение о результатах, которые представляют интерес для корпорации и существуют в рамках корпоративного языка (хороший эвфемизм для языка науки: "птичий язык"). Статья адресована членам своего дисциплинарного сообщества – и дисциплинарное сообщество существует постольку, поскольку оно объединено научной перепиской. Все, кому адресована статья, являются посвященными, а остальные – профаны. В этом отношении статью можно считать произведением корпоративного автора. Помимо всего прочего, это означает, что ответственность за "новизну" несет не только тот, кто написал статью, но и весь колледж – каждый обязан принять на себя ответственность за результат. Чтобы защититься от чужих, наука создает систему явных и неявных экспертиз, "трастов", этикетов, ритуалов и сословных предрассудков, а также правила нарушения правил.

Из всех четырех мертоновских принципов научного это-са более всего для переднего края важен принцип универсализма. Здесь не терпят ничего партикуляристского. Научный сотрудник должен превратить себя в незамутненное стекло и избавиться от национальности, пола, возраста, темперамента, даже интеллектуальных способностей. Он не имеет права написать в научной статье: "Я думаю...", – и должен формулировать так: "Данные показывают, что...". У меня есть безумная мечта создать шаблон научной статьи, где можно менять наполнение, оставляя неизменным формат. Например, стандартная статья начинается следующим образом: "Впервые проблема [относительной депривации]

была поставлена в работах [Сэмьюэла Стауффера] в [36-м] году...". Здесь же дается ссылка на публикации С. Стауффера. Точно так же могло бы начинаться произведение, которое я пытаюсь излагать: "Впервые проблема функционального эшелонирования совокупного научного текста была поставлена в работах Дерека де Солла Прайса в 1963 году". Вторая фраза статьи: "В дальнейшем эта проблема была развита в...". Здесь не так много идиотизма, как кажется на первый взгляд. Подчиняя себя текстовому стандарту, люди науки начинают думать по-новому и создавать особые, текстовые, сообщества. Назовем их вслед за Прайсом "незримыми колледжами".

Журнал "Philosophical Transactions" обозначил переход от личной коммуникации, доминировавшей в средневековых университетах, к коммуникации текстовой. (Вероятно, М. Маклюэн угадывал радикальность подобных переходов, когда говорил об устной, письменной и электронной культурах.) В последнем случае члены колледжа могут лично не знать друг друга. Зато они знают публикации переднего края и подчиняются его правилам, важнейшее из которых формулируется примерно так: прежде чем написать статью, следует прочитать все, что опубликовано по этой теме вчера, и внести в совокупный текст темы нечто вроде опровержения, т. е. новый научный результат. Опять же, мне не вполне понятно, что такое институт научной новизны. Два критерия кажутся значимыми, и оба тавтологичны. Во-первых, научная новизна – это опровержение предшествующего знания, обнаружение аномалии в тексте науки. Во-вторых, научная новизна создается статьей, а статья – это то, что имеет научную новизну (здесь мы не говорим об обзорных и реферативных работах). Разумеется, восприятие текста как "нового" нимало не зависит от намерений его автора, скорее, дисциплинарное сообщество постоянно

пишет совокупную статью, замысел которой заключается в проблематизации, постановке под вопрос всего того, что называется очевидным. Мне кажется особенно удивительным, что наука как будто предназначена для того, чтобы производить незнание. Правильно говорят опытные эксперты: "Проблема совершенно ясна, что свидетельствует о ее малоизученности".

Ну вот... Когда сформировался "передний край" – первый функциональный эшелон совокупного текста науки, появилась возможность говорить о науке как таковой. Ее смысл определился. До этого наука не отграничивалась от других форм дискурса – литературы, публицистики, философии, а здесь появилось довольно четкое разграничение форм знания на научное и ненаучное. Проблема отделилась от тайны. До этого мыслители были поэтами, пытались проникнуть в тайну, и Исаак Ньютон еще жил в герметической традиции. Сегодня мы должны заниматься поэзией во вне рабочее время. Это разграничение можно развить в духе культмассовой дискуссии о "физиках" и "лириках", противопоставления "двух культур", как это было сделано в бес тридере 1960-х гг. – книге Чарльза Перси Сноу. Кому-то нравится искать корень проблемы в функциональной асимметрии коры головного мозга. Нас же занимает стилистика научного текста.

Вероятно, почти все, находящиеся в этой аудитории, – социологи, психологи и историки. Мы можем поставить вопрос: все ли статьи, публикуемые в социологических, исторических и психологических журналах, являются социологическими, историческими и психологическими? Все ли статьи, публикуемые в научных журналах, являются публикациями "переднего края"? Все ли журналы, называемые научными, являются научными? Наверное, нет. Кроме специфического, "птичьего", языка научная статья отличается

от ненаучной вполне определенным коммуникативным заданием: она адресована членам колледжа, "своим". Статьям, адресованным профанам (здесь речь идет не о глупости, а о некомпетентности), "чужим", присущи особая стилистика, особое коммуникативное задание. Их цель – выразить чувство и "точку зрения", рассказать о том, что такое хорошо и что такое плохо, раскрыть глаза людям. Как и публикации переднего края, эти статьи могут быть хорошими, средними и плохими. Однако они не научны. Опубликованные в научном журнале, они являют собой отклонение. Если это случайность в совокупном тексте дисциплины, мы говорим о казусе. Если же ненаучные статьи (пока мы говорим о статьях, адресованных не столько коллегам, сколько людям) присутствуют в совокупном тексте дисциплины, так сказать, систематически, мы говорим о "химерах". Здесь я боюсь уйти в социальную историю общественных наук, наполненную опасными разновидностями химер: лженаукой, паранаукой и шарлатанством. Прошу поверить мне на слово: "лысенковщина" была присуща не только агробиологии и была порождена не репрессивной властью, а самим научным сообществом. Как только возникает химера "народной науки", распространяется убеждение – типичная ересь, что познание истины доступно всем. В нашем круге не принято говорить о вещах очевидных, например, о постижении истины, мы решаем задачи. Каждый имеет право постигать истину в меру своих сил и без меры. Но когда нарушается невидимая граница, отделяющая научное знание от профанного, начинается беда: появляется (как в шукшинском рассказе) умный белобрысый мужик и ставит перед наукой новые вопросы. Я воспроизведу текст по памяти, наверняка ошибусь:

– А как современная философия относится к проблеме невесомости?

- Да никак не относится...
- Натурфилософия относится к этой проблеме одним образом, а стратегическая философия иначе...
- Да нет такой философии – стратегической!
- Да, но есть диалектика природы. А природу, как известно, определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Так что, растерянности среди философов не наблюдается?..

Посмотрим на совокупный текст наших дисциплинарных областей. Есть историки, которые без затруднений проникают в менталитет эпохи и совершенно точно знают, что происходило в прошлом. В западной историографии этот феномен получил очаровательное наименование "folk-history". У нас есть увлекающийся историей академик, известный как "терминатор истории". Вероятно, есть психологи, которые считают себя душеведами и знатоками человеческих судеб. Я не уверен, что психолог должен быть знатоком человеческой души.

Реплика: Он должен быть душелюбом!

Душелюбом или душегубом... Позвольте мне ничего не говорить о социологии. Почти каждый социолог имеет собственное мнение о путях обустройства России, хотя далеко не каждый умеет подсчитать среднее квадратическое отклонение. В Лондонском королевском обществе, на гербе которого написано "Nullus in verba", интересовались прежде всего экспериментами. Если бы им, в напудренных париках, сказать о собственном мнении, они бы удивились: с собственным мнением нужно выступать в парламенте, на улице, где у всех есть мнение. Что же происходит на переднем крае наших дисциплин? Кажется, что производимый нами текст сильно контаминирован: Здесь, как на культурной свалке (Питирим Сорокин нашел хорошее американское слово "conger"), можно обнаружить все что

удовно. Если обратить внимание на стилистику, то рядом с наблюдениями и решающими экспериментами можно прочитать тексты, созданные в режиме вещания. Предположим, наука – это действительно виртуальный, искусственный мир игры, который направлен на познание того, что наука считает реальностью. Лишь бы он был отделен от других миров. Дерек Прайс имел основания назвать социальные и гуманитарные науки "ненаукой" (в науковедческом, а не в оценочном смысле).

А теперь посмотрим на другие функциональные эшелоны, организующие совокупный текст науки. Второй функциональный эшелон – монографии. Если в первом эшелоне производится научная новизна, то во втором новизна ни к чему. В монографии не нужна научная новизна, потому что ее основная функция – производство "темы", легитимного направления научной работы. Есть монография – есть тема. Нет монографии – нет темы. Поэтому, как правильно говорит И.В. Бестужев-Лада, научная монография – это надгробие научного исследования. Содержание монографии должно быть – по идее – опубликовано в статьях. Если цикл прохождения статьи занимает 1–2 года, то монография (нормальная) создается 3–5 лет (речь не идет только о сочинении текста). Когда монография закончена, тема закрыта, писать больше нечего. Говорят "тема исчерпана". Однако проблема становится более непонятной, люди продолжают работать, тема реконструируется. В колледже процесс реконструкции темы обычно сопровождается позиционным конфликтом, как правило, поколенческим, но и младшие научные сотрудники рано или поздно становятся старшими.

Я хотел бы обратить ваше внимание на социальную стратификацию научного сообщества, например, на внешний вид тех, кто вкалывает на переднем крае и тех, кто вы-

ступает во втором эшелоне. Младшие научные сотрудники сидят над микроскопами, бегают по полям, в свитерах, лохматые, испытывают все ощущения переднего края. Они и делают науку, не зная об этом. А во втором эшелоне – люди в костюмах, некоторые с накрахмаленными манжетами, монографии пишут. Здесь возникает и такой институт социального пространства, как "президиум". В 1947 г. возникла гениальная идея одеть научных сотрудников в мундиры. Военскому званию генерала армии соответствует ученое звание академика, и на мундире академика присутствуют золотые листья (лампасы на штанах также предусматривались). Тогда же были придуманы научные ордена – по нашей с вами специальности орден Чернышевского, его макет был довольно симпатичным, на орден Ушакова похож... Но, к сожалению, ученые, перед которыми власть тогда, как говорится, ходила на задних лапах, отказались носить мундиры, и они были переданы в прокуратуру. Прокуроры носят те, предназначенные для нас, мундиры.

Извините за отступление от темы... Старшие научные сотрудники, доценты и профессора производят книги. Книга – форма легитимации научного направления. Скорее всего, научное знание здесь не создается, а формируется – приобретает формы научного института. Третий эшелон – то, что называется учебной литературой. Если в монографиях научную новизну еще можно терпеть, то в учебниках она становится нетерпимой. Учебник – это формирование текстового канона. В.В. Рашковский исследовал феномен священнокнижничества на Востоке. Книги – и в европейской, и в восточной традиции – воспринимались как сакральный предмет, который содержит в себе тайну мира. Разве мог прикоснуться к книге непосвященный? В Древнем Египте это означало неминуемую смерть, но там предпочитали писать как можно меньше. В пифагорейской

школе особо уважали акусматы – устно сообщенные сведения. В иудейской традиции книжность и вера неразличимы. В старые добрые времена писатель должен был отвечать не только за то, что он написал, но и за то, как его поняли, поэтому массовые тиражи не одобрялись. Революция Гутенберга заключалась не в изобретении печатной доски, а в том, что книга стала предметом повседневного доступа, расколдовалась. Произошло нечто невероятное... Появился глагол "почитать". Письменное слово стало предметом ширпотреба. Но феномен священнокнижничества сохранился в совокупном тексте науки – в идее учебника. Функция учебника – создавать таких, как мы, иными словами, автор учебника должен сделать все возможное, чтобы следующее поколение научных сотрудников было не лучше нас. К счастью, хороших учебников не бывает (бывают плохие и очень плохие). Тем не менее научная социализация заключается не столько в передаче собственно научных знаний, сколько в усвоении обычаев науки: "диалектов", форм аргументации, этикетов и способов полемики, распознавания своих и чужих. Отклонение от норм, особенно неписаных, всегда означает некоторую патологию, которая может быть интерпретирована либо как шалопайство, либо как гениальность, что, в принципе, одно и то же. Но гении должны быть гонимыми, а тем, кто не знает "правил игры" прекращается доступ к науке.

Позвольте еще раз вернуться к первому эшелону. На переднем крае совокупного текста науки создается специфический элемент социального контроля, который называется gate-keeping: в роли привратника, охранника совокупного научного текста выступают научные журналы. Это не единственная преграда на пути к тексту. Тора и корпус Талмуда являются лучшие образцы преград, препятствующих неподготовленному человеку понять смысл написанного. То же са-

мое происходит в науке. В журналах осуществляется первая селекция, отделение своих от чужих. В лучших журналах мира отклоняется 90 % входящего потока рукописей. Понятно, что вокруг хороших журналов идут постоянные скандалы. А в слабых, второсортных журналах ничего не отклоняется, там, как говорится, everything goes. Сейчас каждый из нас может выложить свое произведение на Web-сайт или опубликовать в безразмерном электронном журнале. Но цена этой публикации невысока, даже если качество статьи высокое. Таков парадокс, связанный с техниками формирования "трастов" в науке... Чем сильнее gate-keeping – охрана текста от профанного воздействия, тем яснее нормы научного знания, тем сильнее дисциплина (в этой неслучайной омонимии для меня важнее интеллектуальная сила и независимость научной дисциплины, например, математики, а не строгость наказания; интеллектуально социология несоизмеримо слабее многих дисциплин отчасти потому, что здесь позволено если не все, то многое).

Следующий – четвертый – эшелон совокупного научного текста находится еще дальше от переднего края. Я бы не отделял его от третьего, потому что опять же речь идет об учебной литературе – хрестоматиях. Но все-таки отделить придется, поскольку функция хрестоматий не столько социализировать научных сотрудников, сколько "канонизировать" некоторые тексты. Например, некоторые из произведений называются классическими. Можно предположить, что в сильных науках классические тексты создаются на основе представленных в них открытий или решающих экспериментов. А в слабых науках классика может изготавливаться примерно так же, как изготавливаются рекламные образцы. Они могут быть высокого качества, но в самом лучшем случае не перестают быть (лучшими) рекламными образцами, и английское слово "promotion" как нельзя луч-

ше обнаруживает смысл "the making of classics". Для объяснения этой формы текстообразования в науке мы должны работать с вненаучными формами знания: классовым сознанием, мифом, предрассудком, media. Статья Уотсона и Крика – классика, но это принципиально иная классика чем, скажем, "Немецкая идеология". В соответствии с хрестоматийными канонами некоторые тексты предназначены для заучивания наизусть. Когда я цитирую наизусть следующую мысль: "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, не зависящие от их воли отношения, которые соответствуют определенному этапу развития их материальных производительных сил..." и вижу радостное изумление на лицах собеседников, я знаю, что мы одной крови, нас роднит предисловие к "Критике политической экономии" 1857 г. Благодаря философскому факультету МГУ я точно знаю, что такое материя, знаю определение классов и ответ на вопрос: "Кто отделался парой статей фельетонного характера и ушел в кусты?". В этом отношении я продукт четвертого эшелона философии.

Если наши юные коллеги подумают, что они интеллектуально свободны, они рискуют ошибиться. Посмотрите на список десяти лучших социологических книг XX в., и вы обнаружите "Социологическое воображение" Чарльза Райта Миллса. Непревзойденный бестселлер истекающего столетия – книга Д. Рисмена и соавторов "Одинокая толпа" (суммарный тираж более 1 млн экземпляров). А спросите что они внесли в нашу дисциплину. Лучше всего сегодня идут книги постмодернистов, и Мишель Фуко остается кумиром очень влиятельного сегмента социальной науки. "Добраться до широкой публики и заполнить ее сны – в этом состоит постмодернизм по-сегодняшнему", – эта мысль Умберто Эко кажется мне достаточной, чтобы по

нять в принципе, как изготавливается "классика". Сдается, что нам, преподавателям, не мешало бы рекомендовать студентам и аспирантам не читать бестридеров, чтобы не портить вкус.

Пятый эшелон – глубокий тыл науки. В Москве находится Высший аттестационный комитет, где регулируется присуждение ученых степеней и присвоение ученых званий. Пятый эшелон создает весьма специфический текст – диссертацию. Ее функция – воспроизводство таблицы о рангах, научной гратификации. Дело в том, что вознаграждения в науке устанавливаются в зависимости не от "конечного результата", а от ранга. Если кто-то скажет, что диссертация должна содержать научную новизну, тот не ошибется: все мы, члены совета, должны считать, что основные положения и выводы диссертации характеризуются новизной. Здесь же, в пятом эшелоне, формируются специфические ролевые репертуары и ритуалы гратификации: оппонент, ведущая организация, "рыба", явочный лист, форма б, банкет. Но это не имеет отношения к тому, что делается в первом эшелоне. Нам, науковедам, было бы интересно узнать, кто и с какой целью читает диссертации.

Седьмой эшелон – в самом глубоком тылу. Там планируют войсковые операции по глобусу. Это создание историографии науки, мифа об истории дисциплины, "звездных" имен, энциклопедий и терминологических словарей. Здесь наука понимает сама себя. Если мы согласимся с тем, что есть какая-то "парадигма" (А.Н. Александров точно подметил, что "парадигма" – признак неполноценности дисциплины), то, кажется, парадигма создается как раз в седьмом эшелоне. Историю науки делают люди на переднем крае, которые не знают, что они делают историю науки, а в шестом эшелоне знают, что они делают историю науки, но науку они не делают.

И наконец, я прокомментирую тезис о, выражаясь научно, неконсистентности институциональной организации неформальной коммуникационной сети. Здесь нам опять понадобится индекс цитирования. С 1975 г. индекс Гарфилда стал незаменимым индикатором рынка научных идей. Справедливости здесь не больше, чем в жизни. Работает "закон Матфея": тому, кто имеет, присовокупится, а у того, кто не имеет, отнимется и то, что имеет. Кто имеет высокий индекс цитирования, тот цитируется еще больше, тот получает ассигнования, лаборатории, заказы на книги, его имя входит в хрестоматии. А теперь возникает вопрос кто цитирует? Здесь действует "невидимая рука": цитирует профессиональное сообщество, создающее текст дисциплины. Текст дисциплины открыт (сказано: "Двери Торы открыты"), любой человек всегда может получить нужную статью. Для этого существуют библиотечно-библиографические коммуникации, но надежнее и дешевле запросить копию статьи у автора. Стоит только отправить почтовую карточку с просьбой прислать копию научной публикации. нормальный научный сотрудник как сумасшедший побежит на почту и вышлет письмо, либо воспользуется мэйлом. Он сделает это для того, чтобы мы его процитировали. Получение грантов во многом зависит от индекса цитирования. Если так, то, что может университетское начальство? Может мешать работать, но в той степени, в какой ссылка на статью становится "деньгами", средством обращения в науке, возникает независимость индивидуального актора от институтов научного контроля. Точнее, создаются альтернативные институты власти и контроля. Но кажется правдоподобным, что производство знания отделяется от административного контроля. Можно предположить, что огромное увеличение за последние годы количества проводимых летом уоркшопов, узких рабочих конференций обу-

словлено формированием сетей цитирования и "незримых колледжей". Мы собираемся небольшими группами, чтобы обсудить, как жить дальше. А путь предопределен: создание исследовательского проекта, темы, журнала и, наконец, факультета. Происходит активное реструктурирование научного текста – хороший сотрудник фактически перестает работать в своем университете. Не имеет значения, в какой стране человек живет, его национальность, язык (предполагается, по умолчанию, что он знает английский, кто не знает английского языка, тому в науке делать нечего). Это, конечно, дискриминация, но мы должны воспринимать эту дискриминацию как факт. Что же из этого следует? Следует жить. Жить, работать и знать всех, кто публикуется по нашей узкой теме. Чем уже наша тема, тем мы сильнее и самостоятельнее. Похоже, "невидимые колледжи" становятся сильнее, чем научные институты. Надежда только на то, что они сами станут институтами.

Вопрос: Можно ли уточнить четыре принципа научного этоса. Первый четко прозвучал: универсализм. А остальные затерялись... где-то там в изложении... Можно еще раз повторить?

Г.С. Батыгин: Да, извините. Итак, четыре принципа научного этоса. Первый принцип основан на парсонсовском различении универсализма и партикуляризма: знание не зависит ни от каких частных аргументов, но только аргументов самого знания. Иными словами, запрещено ссылаться на свойства говорящего (пишущего). Например, некто говорит: "Я прав, потому что я профессор". Тогда мы подумаем: "Твое место на площади". На площади говорят: "Я – профессор", "Я – гений", "Я болею за народ" и т.п. Задача универсалиста заключается в том, чтобы аргументы не зависели от говорящего. *Ad hominem* аргументация запрещена. В Спарте проблему говорящего решали просто: если

значимую мысль в совете высказывал плохой человек, просили встать хорошего человека и повторить ее. А в науке человек вообще игнорируется. В этом плане научный сотрудник не имеет родины, национальности, языка, пола, возраста, умственных способностей... Единственное исключение, которое Вебер допустил – по-моему, ошибочно – интеллектуальная честность.

Второй принцип – как его назвать? Сказать "незаинтересованность" нельзя, Мерптон говорит о *disinterestedness*, а не *uninterestedness*...

Реплика: Беспристрастность?

Г.С. Батыгин: Тоже не очень хорошо. Там "страсть" в основе слова. А тут речь идет не о страсти, а об интересе. Страсть тут не нужна. Давайте изобретем неологизм – напомним "внезаинтересованность". Например, мы говорим, что наше исследование будет полезно для общества, но это не научный аргумент. Американской психологической ассоциацией запрещены исследования, связанные с манипулированием поведением. Это, по второму принципу, неправильно. Ради понимания можно экспериментировать и с людьми. Хотя в приличном обществе говорить об этом не принято. Но если есть теневая экономика, то почему бы не быть теневой психологии и теневой социологии? Беспристрастность и внезаинтересованность парадоксально отделяют научного сотрудника от человека. Эрнст Теллер, изобретатель водородной бомбы, говорил: "Наше дело – изучить термоядерный процесс, а применять его – дело политиков". Преувеличим: научный сотрудник не человек, а странное живое устройство для понимания. Это свойство профессионального отношения к миру: врач не должен сочувствовать больному, следователь не должен ненавидеть подсудимого, бюрократ следит за тем, чтобы он сам не нарушал порядок. Когда великого русского историка пере-

вели из попечителей учебного округа в министры и он прочитал адресованное министру собственное прошение, он наложил визу: "Отказать". То же происходит и в науке.

Третий принцип – "коммунизм". В русских изданиях он переведен неправильно – "всеобщность". Действительно, наука – единственный регион жизни, где реализован принцип коммунизма. Научное знание только тогда легитимно, когда оно является достоянием всех. Знание – только то, что опубликовано, а что не опубликовано – того нет. Наверное, были тысячи Ньютонов, но на самом деле их не было. Кроме того, знание не убывает при расходовании – в отличие от экономического ресурса.

Реплика: Коммунаризм?..

Г.С. Батыгин: "Коммунаризм" – от слова "коммуна". А здесь имеется в виду общность имущества. Коммунизм возник как движение за обобществление имущества в начале XIX в. В данном случае коммунизм – движение за обобществление знания. Поэтому будем считать, что все мы коммунисты. Мертон детально рассмотрел амбивалентность норм в науке и показал, что приоритет устанавливается только при условии публичного представления знания.

Четвертый принцип – "организованный скептицизм". Речь идет об ответственности каждого члена колледжа за все, что написано братом (сестрой) по разуму. Организованный скептицизм лежит в основе полемики и аргументации в науке. Почему скептицизм? При обсуждении научного текста следует выдвигать опровергающие аргументы. Это зависит не от личного мнения, а от функциональной необходимости контроля за производством знания. Там, где, скажем, ослаблен принцип организованного скептицизма, дисциплинарное сообщество вырождается в секту, а дискуссия – в спор. В споре диспутант защищает свою позицию, а в дискуссии все, в том числе автор идеи, ищут оп-

ровергающие аргументы. В этом смысле научный сотрудник – сам себе оппонент. Здесь работает принцип "адвоката дьявола": члены колледжа привели все контраргументы и вынесли заключение: "Пока убедительных опровержений тезиса не обнаруживается, будем считать его правдоподобным". Почему организованный скептицизм? В дискуссии должны участвовать все члены колледжа – тот, кто молчит, соглашается, все равно принимает на себя ответственность за ошибку. Назовем это принципом круговой поруки и не ошибемся. Позор падает на всех. И это так. Как редактор я вижу это вполне отчетливо. Буквально: "Капля дегтя портит бочку меда". Стоит только опубликовать в журнале одну позорную статью, тридцать великолепных статей не компенсируют позора. Ответственность несут не только редактор и члены редколлегии, но и все, кто публикуется в этом сегменте совокупного научного текста. Я думаю, что научная школа и направление как социальный институт создаются для того, чтобы сделать явными границы ответственности и сказать: "Мы к ним не имеем отношения".

Вопрос: Как вы считаете, каково соотношение реальной науки, о которой вы говорите, и мифологии? Почему я об этом спрашиваю? Мне показалось, что в том образе науки, который вы обрисовали, есть определенный заряд мифологии. Я имею в виду мифологию Ренессанса с ее рационализмом, механицизмом и т.п.

Г.С. Батыгин: Вы совершенно правы. Только я бы связал науку как форму знания с Просвещением. Я не уверен, что наука более прогрессивна, чем религия и мифология, во всяком случае, наука не вытесняет миф. Есть тысяча аргументов в пользу тезиса о науке как современном мифе. Тот образ науки, о котором я рассказывал, содержит определенный "заряд" мифологии. Ваше мнение подкрепляется мощными тезисами Фейерабенда, который был убежден, что наука – это миф, порождающий культурную и эписте-

мическую репрессию. История антиинтеллектуализма прослеживается по крайней мере от киников – одних из самых отчаянных интеллектуалов классической Греции. Антисфен и Диоген знали, что всякое рассуждение – ложь, недостойная философа-собаки. Это действительно так. Руссо добавил к этому тезису примечание о том, что рассуждающие не способны на чувство и сострадание и глубоко несчастны. Пусть так, но наука отличается от мифологии инструментальной рациональностью и сомнением во всем, кроме научного метода. Миф основан на ценностно-ориентированном либо традиционном действии и является собой некую тотальность, не поддающуюся опровержению. А наука – такой миф, который постоянно стремится опровергать самого себя. Кажется, что в научном знании ценностей нет. М.Л. Гаспаров пишет: когда я говорю "Это четырехстопный ямб", я исследователь, а когда говорю "Четырехстопный ямб мне нравится", я сам объект исследования. То же самое и в социологии. Если я утверждаю, что "все лебеди – белые", мы должны верить в появление тысяча первого черного лебедя и ждать этого со дня на день. А если я буду утверждать, что "русский (или нерусский) народ является носителем глубоких нравственных начал", я поставлю себя вне игры – здесь не может быть ничего, что опровергнет мой миф. Кроме того, научному мифу присуща установка на безысходность. В отличие от великих пророков мы знаем, что наше дело безнадежно.

Вопрос: Как Вы думаете, существуют ли в нашей отечественной науке, гуманитарной науке, некие другие представления о том, что такое наука? Или то представление, которое Вы здесь развиваете, есть единственно верное представление, неоспоримая истина? Что же, критерии научности, которые Вы предлагаете, – единственны? Есть ли какие-нибудь другие модели, может быть, они несовместимы с Вашей моделью?

Г.С. Батыгин: У меня своих представлений вообще нет. Я стараюсь быть по возможности прозрачным стеклом, чтобы, прочитав как можно больше статей, скажем, 253, собрать все до кучи и изложить понятнее. Во что-то приходится верить как в наиболее правдоподобное. Я верю в процедуру и стандартную концепцию науки. Но эту веру не обязательно навязывать. Есть и другие модели. Стандартная концепция науки много и, как мне кажется, неубедительно критиковалась. В книге "Наука и социология знания" Майкла Малкея развернута аргументация в пользу того, что наука — это человеческая деятельность. В книге В.С. Швырева "Научная деятельность" эта идея развернута в сильном теоретическом ключе. В монографии В.С. Степина о классической, неклассической и постклассической моделях науки можно найти версию "парадигмального" подхода к оправданию множественности истин. Книга Джилберта и Малкея "Открывая ящик Пандоры" содержит увлекательный анализ разговоров между учеными. Благодаря Куну и "экстерналистскому" направлению в методологии науки можно считать теории "парадигмами", делающими невозможным достижение консенсуса. В центре внимания ставится проблема конфликта и диссенсуса. Таким образом, предназначение "парадигмы" заключается в том, чтобы балканизировать научную дисциплину. В социологии это сделать легко, здесь каждый сам себе методолог. А в стандартной концепции науки "парадигмы" не нужны. Очень влиятельное направление в социологии науки — Strong Program и так называемая этнография науки (Woolgar, Latour, Knorr-Cetina, Collins). Наука исследуется как форма повседневной деятельности ученых, и здесь, как мне кажется, есть допущение, которое нельзя считать очевидным. Они полагают, что все, что делают ученые, является научной деятельностью.

Я не считаю, что мое представление о науке, стандартное представление, единственно верное. Но я, вслед за Поппером, считаю, что теоремы и другие идеи существуют в "третьем мире" и не имеют никакого отношения к тому, что вытворяют научные сотрудники в быту и даже в служебных помещениях. В основе современной атаки на инструментальный разум лежит убеждение в том, что ясные и отчетливые идеи несовместимы со свободой. Модные социологи-постмодернисты убедительно доказывают, что наука – это инструмент, символический капитал, создаваемый интеллектуалами для осуществления собственного господства. Я не считаю такого рода аргументы осмысленными. Здесь есть нечто от психоаналитической манеры приписывания тайной болезни. Иное дело, что за призывами освободиться от разума, пола, статуса стоят не научные темы, а "публичные агенды" и интересы массовых движений, партий, литературного бомонда и т.п. Все это не представляет для нас интереса. Я готов повторить вслед за Шмуэлем Айзенштадтом: "Мосты в этой крепости должны быть подняты".

Несомненно, наука поверхностна. В этом ее очарование. Хорошо, что поверхностна не только наука, но и искусство. Позвольте мне в заключение процитировать фрагмент из эссе Рильке о Родене: "Есть только одна-единственная, тысячекратно подвижная, изменчивая поверхность. В эту мысль можно когда-нибудь вместить и весь мир, и он упростится и задачею дастся в руки тому, кто так мыслит. Ибо нечто становится жизнью в зависимости не от великих идей, а от того, создадут ли из них ремесло, повседневность, стойкую до конца". Спасибо!

СОЦИАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ:
СПОСОБЫ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
И ИЗМЕРЕНИЯ

Мы публикуем подборку материалов Всероссийского семинара "Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения", организованного НИИ социально-гуманитарных проблем Кубанского госуниверситета при поддержке Института "Открытое общество" (Фонд Дж. Сороса, Россия). Семинар проходил 16–19 ноября 2003 г. в рамках сетевого факультета SOCIOLOGICUM (декан – проф. В.А. Ядов), объединяющего социологический факультет Государственного университета гуманитарных наук (г. Москва) и социологические отделения Кубанского, Нижегородского и Новосибирского госуниверситетов.

Термин "идентичность" стал чрезвычайно модным в последние десятилетия. Естественно, в обвальном потоке публикаций всякая тема и всякий термин размываются, теряют свои очертания, наполняются совершенно не консистентными смыслами. Поэтому, представляя сборник материалов семинара с "интригующим" ключевым термином, нужно очертить границы его понимания участниками.

В сборнике не говорится об идентичностях таких социокультурных и политических объектов, как Россия, объединенная (или недообъединенная) Европа, Восток и Запад, евразийство. От подобных сконструированных профессионалами символических сущностей организаторы старались уйти не потому, как заявлено в предисловии,

что они не важны, а потому что это увело нас от всяких попыток инструментально ухватить ускользающую от методиста социальную идентичность индивида.

Нет в сборнике и размышлений о персональной, или личностной, идентичности, чья главная регулятивная функция заключается в сохранении преемственности и тождественности индивидуального Я в потоке сменяющих друг друга жизненных ситуаций, иногда предъявляющих несовместимые ожидания.

Речь идет о феномене определения индивидом себя в терминах социальных общностей – реальных групп и виртуальных сообществ.

НЕУСТОЙЧИВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТАНОВИТСЯ НОРМОЙ В НЕСТАБИЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. Н. Данилова, В. А. Ядов

Кризис идентичности россиян как продукт трансформаций. Можно смело утверждать, что постсоветский кризис социальной (т.е. групповой) идентичности с ответом на вопрос "Кто есть Мы?" – продукт болезненных для людей реформ [2–4; 8]. Петр Штомпка обозначил этот эффект термином "культурная травма" [7].

Вместе с тем, как свидетельствуют наши многолетние исследования, наступает определенная стабилизация социальных идентификаций россиян. Начиная с 1992 и до 2002 г. мы фиксировали основные тенденции и изменения в социальном самоопределении: кого люди считают "своими"?

Именно первичные группы (близкий круг общения, включая семью, друзей и товарищей по работе) составляют устойчивый базовый комплекс групповых идентификаций. Но почти все идентификации, которые относятся к большим общностям, – нестабильны. При этом политические идентичности "Мне близки люди с такими же политическими взглядами" отторгнуты на периферию идентификационных предпочтений.

Понятно, что главными ресурсами выживания остаются персональные сети общения: круг знакомых и близких, вызывающих доверие. Это по существу не отличает россиян от остальных народов развитых стран. Активность в обустройстве личной жизни, ориентацию на частную жизнь

можно трактовать как признак становления "современного" общества, в котором, однако, все неустойчиво, нестабильно.

В современной социологии начинают лидировать концепции общества "позднего модерна" Энтони Гидденса, цивилизации повышенных рисков Ульриха Бека и постмодернистские идеи: утверждается в качестве нормы социальной жизни нестабильность, незащищенность, недоверие к официальным государственным институтам, неуверенность в будущем и т.п.

Скорее всего, именно поэтому происходит стабилизация социального самоопределения в кругу близких, что обеспечивает некоторую защищенность; все иные идентификации, т. е. те, что связаны с большими социальными общностями, – нестабильны.

Особо заметные изменения претерпевали идентификации по критерию соотношения с тем или иным социальным слоем. Все больше людей соотносят себя с определенной доходной группой, но такие группы также неустойчивы. Люди рассматривают свое положение в понятиях "выигравших" или "проигравших" в результате реформ.

Трансформации гражданской идентичности – процесс вовсе парадоксальный. Идентичность "советского простого человека" была надэтнической и утверждала становление "исторической общности „советский народ“". Около половины населения в поздние 1990-е гг. на вопрос "Кого Вы считаете близкими, кто для Вас "Мы"?" отвечали: "Мы – это советские люди".

В 1990-е гг. наблюдалось возрождение этно-национального самосознания. Начиная с 1994 г. наши опросы фиксируют "подтягивание" категории "люди той же национальности" к базисным идентичностям: близкие, семья, сверстники, коллеги. Утрата по сути имперского государства во

многим объясняет трудности формирования собственно российской гражданской идентификации

Южноафриканский психолог ДеПриз после прихода к власти Нельсона Манделлы фиксировал феномен социальной идентификации "от противного": чтобы осознать "кто мы – белые африканеры", надо сначала понять, кто есть "они" – бывшие в бантустанах черные. Примерно то же самое и с русскими в России: свою этничность русским приходится осознавать, вглядываясь в балтийцев, в народы Средней Азии и кавказцев. Причем болезненность самоидентификации в качестве русского этноса оборачивается поиском русской национальной идеи, каковую никому пока что сформулировать не удалось.

Параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам, исключая высокий рейтинг президента. Такой рейтинг, по мнению Ю. Левады, можно рассматривать как сугубо символический, коль скоро доверие гаранту Конституции и законности не сопровождается достойным уважением к государственным институтам власти – Думе, Правительству, органам правопорядка и т.п.

И все же российские граждане начинают чувствовать себя увереннее, адаптируясь к тому состоянию общества, каковым оно фактически является. Заметный сдвиг произошел в период с 1998 по 2002 г. На вопрос "Кто Я?" в 1998 г. (опрос проводился до августовского финансово кризиса) ответили: "Я – жертва реформ" 38 % из 1 600 респондентов. Сегодня таких ответов – 27 %. Растет и доля относящих себя к числу тех, кто добился успеха: в 1998 г. – 69 %, в нынешнем году – 76 %. В 1998 г. бедными определяли себя 39 %, сейчас – на 14 % меньше. Правда, число считающих себя обеспеченными практически не изменилось.

Обнаружилась крайне важная тенденция к интернализации личности – готовности отвечать за себя, не надеясь ни на кого, в том числе и на власть. В 1998 г. половина россиян определяла себя теми, кто "принимает судьбу, какова бы она ни была", сейчас таких меньше половины (46 %), а доля тех, кто не ждет манны небесной и сам делает свою судьбу от 60 % в 1993 г. поднялась до 75 % в 2002 г.

В каком социуме адаптируются российские граждане? По фундаментальным показателям состояние, в которое пришла к началу нового тысячелетия Россия, опираясь на итоги многолетних дискуссий [5; 6], можно описать следующим образом.

В экономике – стагнация индустриального общества, притом, что в будущем предстоит прорыв к обществу постиндустриальному, т.е. такому, в котором затраты на производство средств жизнеобеспечения уступают затратам на научные разработки, информационные сети, развитие культуры и образования.

В современной России основные ресурсы государства направлены на поддержание и развитие промышленности и технологий ушедшего века, так что новым поколениям предстоит осуществить разворот в направлении постиндустриализма.

В идеологии и системе ценностей элит и новых поколений раскол на традиционалистов и прозападников – факт общеизвестный, по выражению А. Ахиезера, "Россия – расколотое общество".

В политической системе доминирует этатизм: государственные институты довлеют над гражданскими, последние остаются в зародышевом состоянии.

По уровню "прозрачности" новых правил Россия резко отстает от балтийских, центрально- и восточноевропейских стран, а по уровню коррупции – наоборот.

В государственном устройстве – тенденция к унитаризму и сдерживание процессов демократического федерализма с достаточной автономией субъектов федерации, включая муниципальные органы самоуправления и, что особенно важно, этнонациональные образования субъектов федерации.

В демографических процессах – стабилизация неблагоприятных показателей здоровья населения, низкая рождаемость и высокая смертность. Это приведет примерно через 20 лет к сокращению населения почти в два раза, обилию пенсионеров, которым следует обеспечить достойные условия жизни.

В социальном поле – высокий уровень имущественного и общекультурного расслоения и крайне низкий уровень социальной защиты.

В культуре и образовании – тенденции к увеличению разрыва между населением "столиц" и "провинции".

В геополитической стратегии государства – прагматизм, т.е. долгосрочная политика не сформулирована и вряд ли может быть жестко определена не только по причинам внутрироссийских процессов, но и вследствие состояния миросистемы к началу века.

В гражданской самоидентификации предстоит травма преодоления имперского и великодержавного синдрома.

Итак, россияне адаптируются к тем не лучшим условиям жизни, в которых большинство из них сегодня находится. Это напоминает состояние больного, перенесшего сложную, болезненную операцию, положение которого медики оценивают формулой "состояние стабильное".

Предстоят новые "кризисы" идентичности. Сдвиги в социальных идентификациях российских граждан будут связаны с целым рядом макросоциальных изменений.

Во-первых, речь идет о достаточно продолжительном периоде перехода к высоким технологиям. Переход обес-

ценит множество профессий индустриального общества и востребует ускоренное производство специалистов, необходимых в обществе постиндустриальном.

Во-вторых, с резким уменьшением численности населения и ростом доли людей пенсионного возраста, вынужденным привлечением мигрантов из других стран предстоит коррекция в восприятии когорты "стариков". К пожилым сегодня не наблюдается отношения отчужденности, но нет и отношения готовности помочь на улице, в транспорте и т.д. Ситуация этнонациональной толерантности вовсе отсутствует, так что с притоком мигрантов неизбежно возникает проблема переоценки "Мы – Они" взаимоотношений.

В-третьих, преодоление синдрома "великодержавности" займет длительное время и по-прежнему будет оставаться зоной напряжения в идентификационных предпочтениях.

В-четвертых, неконтролируемые природные и социальные риски в миросистеме потребуют самоопределения по критериям "потерпевшие – избежавшие риска", "оказывающие помощь – не оказывающие таковой".

Мы полагаем, что неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой современных обществ.

Еще раз обратим внимание на то, что в современной социологической теории, в отличие от классики XIX и начала XX в., произошел сдвиг к принципиально иной концепции, а именно утверждению непрерывности социальных изменений. В теории социальных институтов утверждается неoinституционализм (ее основатель Д. Норт стал нобелевским лауреатом по экономике). Главное в новом институционализме – сдвиг в сторону принятия изменчивости социальных институтов как их оптимального состояния. Нормы и правила, поддерживаемые этими институтами, должны оперативно реагировать на внутренние перемены в обществе и глобальные процессы.

Как замечает Зигмунт Бауман, ситуация в современных обществах существенно отличается от той, что была до середины минувшего века, и важнейшим элементом этой перемены становится приход новой "краткосрочной" ментальности на смену "долгосрочной" [1, с. 29]. Он пишет, что молодых американцев со средним образованием в течение их трудовой жизни ожидает по меньшей мере 11 перемен рабочих мест, что на рынке труда лозунгом дня стала гибкость, "флексибельность". Добавим также, что нынче никого не удивляют краткосрочные браки или совместное проживание с другом/ подругой без регистрации брака и т.д.

Спрашивается: на каком основании мы можем ожидать устойчивых идентификаций?

В нестабильном мире принципиально невозможна стабильная социальная идентичность. И тогда то, что мы называем "кризисом идентичности", вовсе не кризис, но нормальное состояние личности, принуждаемой объективными условиями динамичных социальных процессов постоянно отслеживать изменения в своем социальном самоопределении и по общественному статусу, и в этнонациональных взаимодействиях (пример: разделение народов на "цивилизованные и нецивилизованные" сообщества), и в области семейных новаций (вплоть до однополых семей), и в гражданских самоопределениях. Сейчас это особо обостренно воспринимается населением стран ЕС, а завтра не менее остро будет затрагивать и россиян по мере того, как государства СНГ будут либо сближаться в более тесное сообщество, либо некоторые из них начнут тяготеть к другим межгосударственными союзам, что вовсе не исключено.

Вывод таков. Собственно кризисной идентичностью разумно считать состояние людей, не способных в силу разных причин (в том числе и вследствие психологический ригидности) адаптироваться к меняющимся условиям жиз-

ни. В широком же смысле наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности. И процесс этот следует не драматизировать, а принимать как социальный факт.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002.
2. Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2001. № 5.
3. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
4. Данилова Е.Н. Кто есть "Мы" в России и Польше? // Россия: трансформирующееся общество / Ред. В.А. Ядов. М., 2001.
5. Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2003.
6. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / Под ред. В.А. Ядова. М., 2003 (в печати).
7. Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социс. 2001. № 1.
8. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3-4.

ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ

Н. С. Бабич, И. В. Батыков

Общие теоретические координаты наших исследований задаются ориентацией некоторых современных концепций общества на пространственное моделирование. По словам Пьера Бурдьё, "прежде всего социология представляет собой социальную топологию" [2, с. 55]. Данная работа описывает одно из направлений эмпирического обоснования топологических моделей социума. Мы все живем в некоем физическом пространстве и по необходимости в нем же строим свои социальные отношения. Геометрия окружающего мира

структурирует наше мышление на самых глубоких уровнях. Так, известно, что именно пространственное расположение объектов влияет на их семантическое освоение людьми в раннем возрасте [5]. Неудивительно поэтому, что наиболее доступная для восприятия форма представления социальной информации – разнообразные геометрические конфигурации. Однако эти конфигурации редко связаны с реальным физическим пространством. Подобная связь и выступает объектом нашего теоретического интереса.

Собственно социологические и социально-психологические пространственные модели на сегодняшний день в России остаются достаточно редкими [6; 8]. Их авторы склонны к двум крайностям: математизации либо философизации социального пространства. Обе тенденции сходятся в своей внеэмпиричности. Наш же подход характеризуется перспективой, открывающейся в теории измерений.

Мы стремимся создать такой способ описания (т.е. комплекс средств измерения и интерпретации данных) социальных феноменов, который бы с удовлетворительной точностью отражал их расположение в физическом пространстве. Решение этой сверхзадачи требует множества шагов, и первый из них – помещение социальных моделей в условия метрических пространств, т.е. таких множеств, для которых задана функция расстояния. Для того чтобы d можно было считать функцией расстояния (метрикой), она должна отвечать следующим аксиомам:

- 1) $d(a,b) > 0$; –
- 2) $d(a,b) = 0$ тогда и только тогда, когда $a = b$;
- 3) $d(a,b) = d(b,a)$ (аксиома симметрии);
- 4) $d(a,b) + d(b,c) > d(a,c)$ (правило треугольника).

Конечно, повсеместная метризация – это утопия. Но вполне реальной нам представляется выработка такого социального показателя, который отвечал бы критериям

функции расстояния и мог служить для ориентации, нормировки и валидации других средств измерения. Естественным выбором в этом случае является социальная дистанция.

Согласно определению П. Н. Шихирева, которое отражает общую традицию, социальная дистанция – это "восприятие различия социального статуса участниками социального взаимодействия" [14, с. 128]. Она связана с референтным компонентом идентичности, поскольку основана на соотнесении с другими группами (множествами агентов и позиций). Мы принимаем данную дефиницию в качестве отправного пункта своих рассуждений.

Это определение накладывает важные ограничения на применение понятия. Прежде всего, термин "социальная дистанция" можно использовать только для характеристики относительно стабильных и прозрачных культурных миров. Между индейским вождем и русским крепостным не было никакой социальной дистанции. Она не появилась бы даже при их встрече и длительном общении, потому что два презентуемых ими статуса не сопоставимы между собой. В свою очередь, такая сопоставимость имеет чисто количественное происхождение. Для возникновения социальной дистанции необходимо достижение определенной частоты контактов между представителями двух групп. Единичный случай социальной дистанции в нашей интерпретации не имеет особого смысла, поскольку вслед за Э. Богардусом мы не пытаемся соотносить ее со структурой личности [3].

В практике исследований конструкт "социальная дистанция" чаще всего относят к межнациональным отношениям. Как и всякая метафора, это понятие подвержено размыванию. Например, весьма авторитетными исследователями-этнологами оно используется "в широком значении как мера сходства или различия не только в социальных

позициях, но и в макросистемных социальных и социально-политических ориентациях этнических групп" [11, с. 9]. Такая ситуация, конечно, не способствует росту точности измерений, зато она создает эвристический потенциал, который в результате подобного роста может реализоваться. И этот потенциал сопряжен отнюдь не только с этнической идентичностью. Дистанцирование может возникать на основе любых критериев социального деления, особенно критериев стратификационных [10].

Концепция социальной дистанции базируется на метафоре, понятной благодаря когнитивной роли пространственного опыта. Расстояние органично выражает различие, и это проявляется в математической организации социологических данных, отдельные измерения которых можно представить в виде координат. Тем проще предположить, что эти координаты в некоторых случаях соответствуют геометрии реального мира, т. е. социальных феноменов. "Это не означает, что любой социологический термин, который кажется геометрическим, на самом деле является геометрическим понятием, – утверждает Курт Левин. – Например, термин „социальная дистанция“, вероятно, не является геометрическим понятием" [7, с. 74]. Скорее всего, основанием для подобных суждений послужило очевидное несоответствие между возможными способами измерения социальной дистанции и математическими аксиомами расстояния.

Достижение нашей задачи – исправление такого положения – предполагает некоторую реинтерпретацию статусов шкал социальной дистанции для согласования с метрическими критериями и модификацию этих шкал с целью повышения уровня измерения до количественного (интервального). Для этого мы предпримем небольшой теоретический анализ, а также обсудим методические выводы нашего собственного исследования, в котором изучалось со-

циальное дистанцирование представителей русского этноса Краснодарского края от семи национальностей (армяне, греки, турки-мехетинцы, адыгейцы, курды, немцы, евреи). Опрос проходил по стихийной выборке объемом в 320 человек от 18 до 60 лет, 57 % из которых были женщины. Анкета включала шкалу Богардуса по пять градаций и "линейку" в пять ячеек для графического дистанцирования к каждой национальности.

Шкала Богардуса – основной инструмент измерения социальной дистанции. Часто отмечаются солидный возраст и популярность этого инструмента [13], но нам удалось обнаружить лишь три широко доступные русскоязычные публикации [4; 12;13], из которых можно извлечь указания по его применению. Шкала Богардуса представляет собой набор из утверждений, предлагаемых респонденту и содержащих допущение разных видов социальных контактов с представителями других социальных групп. Приведем пример.

Считаете ли Вы возможным для себя:

Породниться с немцами посредством брака?

а) Да б) Нет

Иметь среди немцев близких друзей?

а) Да б) Нет

Работать вместе с немцами?

а) Да б) Нет

Жить с немцами по соседству?

а) Да б) Нет

Жить с немцами в одной стране?

а) Да б) Нет

Как видим, шкала Богардуса, основана на прямом самоотчете о предполагаемом поведении, что остро ставит вопрос об искренности респондентов. В общем виде эта проблема не имеет решения [9], поэтому нам остается только соблюдать элементарные правила опросов (такие, как ано-

нимность) и убеждать в этом респондента. Сам автор шкалы социальной дистанции не считал количественное измерение установок надежным и самодостаточным, а дополнял его личными интервью [3], но придуманная им процедура может иметь очень высокие показатели устойчивости измерения. Так, в американском исследовании 1993 г. [17] расщепление пополам дало результат 0,95, а корреляция с данными Богардуса за 1925 г. составила 0,71.

Что касается геометризации, то первая аксиома метрики для шкалы Богардуса выполняется в силу процедурных условий, происходящих в свою очередь из обыденной концепции расстояния. Второе условие метрики можно легко интерпретировать с позиции теории идентичности. Отсутствие социальной дистанции означает, что группа принимается как "своя", и арифметическое равенство отражает этот факт.

В имеющейся практике наибольшие затруднения вызывает третья аксиома расстояния (правило симметрии), которая очевидно не выполняется для шкалы Богардуса и выполняться не должна, потому что тогда теряет смысл само измерение социальной дистанции по этой шкале. Мы будем расценивать нарушения аксиомы симметрии как неоднородность (анизотропию) социального пространства. Если бы мы вздумали измерять географические расстояния, умножая на время скорость автомобиля, движущегося с постоянной прикладываемой силой, мы бы тоже пришли к выводу о несоблюдении третьей математической аксиомы. По той простой причине, что с горы автомобиль ехал бы быстрее, чем в гору. Точно так у крепостной крестьянки меньше препятствий для брака с графом, чем у графа с крепостной крестьянкой, хотя социальная дистанция между ними одна. Эмпирическую полезность нашей интерпретации можно оценить после создания и применения поправок на анизотропию. В идеале измерения по двум отличающимся статусным группам, скорректированные на основе

внутренних для этих групп данных, должны совпадать, и это будет критерием валидности поправок.

Неоднородное социальное пространство порождается различной природой установок к социальной дистанции между меньшинствами и доминирующими группами. Шкала Богардуса, например, была создана исходя из перспективы большинства. Миноритарная же социальная дистанция "основана скорее на реакции меньшинства на свое ощущаемое отвержение или принятие доминирующей группой, чем на реакции доминирующей группы на меньшинство" [18, р. 17]. Из этого можно, как это делают цитируемые авторы, вывести необходимость шкалы, обратной богардусовской, с целью представления перспективы меньшинства. "Обратная" шкала содержит конструкции типа "допустили бы они?..", "возможно ли для них?..".

Еще более широкие перспективы открываются, если мы такую обратную шкалу предложим и представителям доминирующей группы. Поскольку мы говорим только о восприятии различия социальных статусов, логично включить в опрос и восприятие чужого восприятия этого различия. Поэтому "обратная" шкала социальной дистанции применима к группам независимо от их статуса.

Можно представить себе, по крайней мере, три вида установок к социальной дистанции, непосредственно измеряемых шкалами, подобными богардусовской:

"я – они" – классическая шкала;

"они – я" – "обратная" шкала;

"я – они", как думают они, – придуманная нами шкала, которую можно назвать "взаимно обратной". ("Взаимно обратная" шкала формулируется через вопросы типа "как Вы думаете, они считают, что для Вас возможно?..".)

Комплекс таких измерений содержит информацию о восприятии не только статусных различий, но и различий в восприятии статусов, и различий в восприятии восприятия.

внутренних для этих групп данных, должны совпадать, и это будет критерием валидности поправок.

Неоднородное социальное пространство порождается различной природой установок к социальной дистанции между меньшинствами и доминирующими группами. Шкала Богардуса, например, была создана исходя из перспективы большинства. Миноритарная же социальная дистанция "основана скорее на реакции меньшинства на свое ощущаемое отвержение или принятие доминирующей группой, чем на реакции доминирующей группы на меньшинство" [18, р. 17]. Из этого можно, как это делают цитируемые авторы, вывести необходимость шкалы, обратной богардусовской, с целью представления перспективы меньшинства. "Обратная" шкала содержит конструкции типа "допустили бы они?..", "возможно ли для них?..".

Еще более широкие перспективы открываются, если мы такую обратную шкалу предложим и представителям доминирующей группы. Поскольку мы говорим только о восприятии различия социальных статусов, логично включить в опрос и восприятие чужого восприятия этого различия. Поэтому "обратная" шкала социальной дистанции применима к группам независимо от их статуса.

Можно представить себе, по крайней мере, три вида установок к социальной дистанции, непосредственно измеряемых шкалами, подобными богардусовской:

"я – они" – классическая шкала;

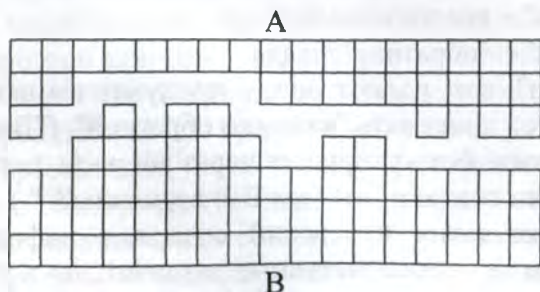
"они – я" – "обратная" шкала;

"я – они", как думают они, – придуманная нами шкала, которую можно назвать "взаимно обратной". ("Взаимно обратная" шкала формулируется через вопросы типа "как Вы думаете, они считают, что для Вас возможно?..".)

Комплекс таких измерений содержит информацию о восприятии не только статусных различий, но и различий в восприятии статусов, и различий в восприятии восприятия.

Простые арифметические соотношения между шкальным значениями (их можно осуществлять как на отдельных респондентах внутри групп, так и между группами) позволяют оценить степень напряженности сил в социальном пространстве и их направление, т.е. выявить структуру анизотропии. Возможно, поправка на неоднородность, созданная таким образом, позволит хотя бы частично метризовать показатели социальной дистанции, приблизив их к идеалу физически валидируемой конфигурации.

Отличие физического пространства от социального состоит в том, что первое "определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство – по взаимоисключениям (или различиям) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций" [2, с. 35]. Взаимоисключение позиций происходит примерно по следующей схеме: невозможно быть одновременно дворянкой и жениться на крестьянине, невозможно работать в ЦК КПСС и в то же время дружить с диссидентами. Подчеркнем, что речь идет о социальной, а не физической невозможности. Эта теоретическая конструкция имеет наглядный эмпирический референт. Если мы графически представим шкалу Богардуса, не усредняя ее, для двух оценивающих друг друга социальных групп, то можем получить, например, следующую картину:

Столбцы означают индивидов – представителей групп А и В, а количество ячеек – величину социальной дистанции (число отрицательных ответов по шкале Богардуса). На рисунке видно, что группа А слабее дистанцируется от В, чем В от А. В такой форме мы визуализируем еще и власть над социальным пространством, поскольку именно асимметрия власти порождает социальную анизотропию [10]. Мы видим не только, какие позиции подвергаются исключению, но и кто именно их исключает. Осмысленное изображение межгрупповых дистанций также можно построить в виде двух линейных наборов пар точек либо ячеек, скомбинированных по условию $d(A, B) = d(B, A)$.

Шкала социальной дистанции обладает таким важным качеством, как кумулятивность. При взгляде на список вопросов становится ясно, что вероятность положительных ответов на них монотонно возрастает. Однако эта ясность порядка, интуитивная доступность иерархии таят в себе и определенную опасность. "Согласно предположению порядка, люди используют особую иерархию отношений – иерархию, которая может быть ассоциирована с высоким индивидуализмом и индивидуальной мобильностью, характерными для западных обществ. В незападных обществах, которые обычно являются более коллективистскими, эта иерархия может и не существовать, или быть представлена в другой форме" [20, p. 133].

Искажения порядка респондентом, отвержение контактов менее близких, чем уже принятые, называются нешкалируемыми ответами. Их отношение к общему числу ответов определяется как коэффициент репродуктивности Гуттмана и служит для характеристики качества измерения по кумулятивным шкалам [4]. В известных нам исследованиях репродуктивность шкалы Богардуса не представляла серьезных проблем. Тем не менее гипотеза одномерности

социальной дистанции не подтверждается экспериментами с модификацией, совмещающей шкалы Богардуса и Лайкерта, даже если вводится всего три градации [20].

Особая ценность нешкалируемых ответов (если не прибегать к объяснению невнимательностью или хулиганскими побуждениями респондента) заключается в их высокой достоверности. Ложь, как правило, преследует своей целью убеждение партнера по коммуникации. Очевидно, нарушение правил логики не служит убеждению и потому несовместимо с ложью. Кроме того, нарушения кумулятивности, видимо, маркируют латентные структуры социального пространства. "Если в данных, полученных при использовании шкал социальной дистанции, встречаются "нелогичные"... индивидуальные паттерны ответов, причиной чаще всего бывает влияние другой переменной" [4, с. 126]

Упорядоченность одной формы шкалы Богардуса для представителей разных культур может существенно варьировать, вплоть до того, что социальная дистанция по отношению к своей группе может оказаться выше, чем к чужим [20]. Отметим, что когда речь идет не о национально-культурных или расовых, а о стратификационных критериях идентификации, такая ситуация является вполне нормальной и сопровождает социальную мобильность.

Очевидно, шкала Богардуса в том виде, в каком она используется во всех известных нам исследованиях, относится к ординальному уровню измерения. Нет никаких оснований полагать, что градации соответствуют реальным числам, а психологическое расстояние между ними одинаково. Это значит, что не имеет смысла вычислять степенные средние (в том числе среднее арифметическое, как в работах [15; 17]) и применять параметрическую статистику.

Повышение уровня измерения и обеспечение интервальности используемой нами шкалы связано с одним основ-

ным условием: нашей способностью выявлять равенство отрезков шкального континуума, т. е. способностью сказать, что $5 - 3 = 4 - 2$ для значений, присвоенных ответам респондентов. Ю.Н. Толстова утверждает: "Нередко мы можем допустить, что суждения, отнесенные к соседним ячейкам, равно отстоят друг от друга. Правомерность такого допущения связана с определением количества используемых ячеек: если мы хотим, чтобы получаемую шкалу можно было считать интервальной, требуется, чтобы это количество было относительно большим" [13, с. 63]. Пять использованных нами градаций и семь градаций классического варианта шкалы Богардуса недостаточны для допущения интервальности. Оно начинает работать в области, определенной Терстоуном с 11 суждений [4, с. 127], при условии соблюдения процедур отбора.

Главная проблема, которая видится нам в интервализации шкалы Богардуса, — это совмещение увеличения числа градаций с сохранением кумулятивности. Отбор и упорядочение суждений по методу Терстоуна в целом способствует созданию одномерного континуума, но не является его гарантией. Увеличение же числа градаций повышает вероятность нешкалируемых ответов до уровня, когда коэффициент репродуктивности приобретает критически низкие значения. Заранее сложно оценить, сыграет ли это обстоятельство важную роль в согласовании конструкта социальной дистанции с функцией расстояния. Вполне возможно, что арифметическое тестирование нешкалируемых ответов покажет их пространственную метрическую адекватность. Однако нам кумулятивность представляется концептуально необходимой, поскольку она обеспечивает непрерывность социального пространства. В связи с этим мы полагаем, что к результатам измерения по модифицированной шкале Богардуса следует применять специальную процедуру бес-

печения кумулятивности. Она заключается в отсеке нешкалируемых ответов и отдельной их интерпретации. В своем исследовании мы тестировали нешкалируемые ответы методами неоконченных предложений, семантического дифференциала и фокусированного интервью. В результате удалось выделить три модели интерпретации искажения порядка.

Мы обнаружили, что нарушения иерархии ответов могут быть связаны не с нарушениями семантической иерархии, а с ее диспропорциями. Приведем яркий пример. Структура ответов респондента по всем этносам выглядит так: да–нет–нет–нет–да. При этом евклидовы расстояния, рассчитанные на основе семантического дифференциала, показывают кумулятивность по всем пяти грациям, но три средних суждения образуют компактную группу, резко отделенную от остальных. Парные евклидовы расстояния составляют от первого к последнему пункту соответственно 5 – 0,5 – 0,8 – 1,2 – 6. В неоконченных предложениях респондент определяет коллегу по работе как "товарища", а соседа – как "почти друга". Очевидно, для этого человека дружба образует область наибольшей интимности, охватывающую сослуживцев и соседей, и исключаящую представителей аутгрупп, в то время как брачные стратегии эти же группы допускают.

Вторая модель интерпретации заключается в односторонней проницаемости социального пространства. Респонденты, согласившиеся вместе работать, дружить или даже вступать в брак с представителями другой национальности, но не допускающие их в качестве граждан своей страны, часто комментировали это следующим образом: "Я же могу поехать к ним (в Армению, Германию и т.д.) и там работать (жить, дружить, жениться)". В данном случае мы имеем дело с радикальной анизотропией, и такая модель восприятия

социального пространства в дальнейшем может послужить одним из решающих тестов в геометрическом согласовании социальной дистанции.

Наконец, третья интерпретация нешкалируемых ответов состоит в экстерриториальности социальных отношений респондентов. В качестве объяснений они выдвигают тезис о том, что необязательно, например, жить по соседству и даже в одной стране, чтобы дружить. Можно делать это по переписке, через Интернет и т.д. Пожалуй, таким объяснениям не стоит слишком доверять, потому что они исходят из простого отрицания кумулятивной логики, и это может быть приемом оперативного самооправдания.

Отметим, что предложенные нами модели способствуют пространственному истолкованию данных. Разумеется, это лишь первый шаг, и если соблюдение кумулятивности действительно окажется ценным условием в геометризации социальной дистанции, в дальнейшем потребуется составление коллекции интерпретаций, более или менее исчерпывающей объяснения нешкалируемости.

До сих пор остаются не вполне ясными существенные проблемы в формулировке вопросов для рассматриваемой шкалы. Вероятно, восходящий или нисходящий (как в примере) порядок может существенно влиять на распределение ответов. Скажем, для приведенного образца может наблюдаться меньшее число нешкалируемых ответов, потому что большинство респондентов способно легко усмотреть логические противоречия в своих установках при такой форме вопроса и исключить их из самоотчета.

Как и всякий инструмент, включающий теоретически сконструированные индикаторы, шкала Богардуса нуждается в содержательной валидизации, оценке "представительности данной совокупности измерений по отношению к концептуальной структуре переменной – признака" [4,

с. 117]. Стандартная процедура такой оценки опирается на суждения экспертов, являющихся специалистами в соответствующих областях. Однако в нашей ситуации теоретическое понятие имеет метафорическое происхождение из жизненного мира. Поэтому в случае валидизации метафоры социальной дистанции компетентными экспертами могут считаться представители изучаемой социальной группы. А это значит, что отбор суждений по методу Терстоуна одновременно послужит содержательной валидизацией конструируемой шкалы.

В своем исследовании мы получили следующие корреляции (по Спирмену), значимые на уровне 0,01, между шкалой Богардуса и самодистанцированием: для армян – 0,86, греков – 0,78, турков-месхетинцев – 0,82, адыгейцев – 0,85, курдов – 0,84, немцев – 0,79, евреев – 0,78. Достаточно высокие корреляции имеют, по крайней мере, три важных следствия. Во-первых, это содержательная валидизация метафоры социальной дистанции. Хотя она проведена не на количественном уровне, мы можем смело утверждать, что тенденции пространственного мышления респондентов совпадают с тенденциями шкальных значений: порядок дистанцирования для обоих случаев очень близок. Во-вторых, такая близость вселяет большой оптимизм по поводу построения терстоуновской шкалы социальной дистанции. Обычные люди вполне адекватно воспринимают используемую метафору, а значит, не будет особых сложностей в упорядочении суждений вдоль континуума расстояния. В-третьих, в исследованиях социальной дистанции, при ресурсных ограничениях, можно не обращаться к специальному конструированию шкал, а ограничиться самодистанцированием.

Существует масса приложений разрабатываемого нами инструментария и некоторые подтверждения того, что со-

циальная дистанция эффективно связана со структурами социального и физического пространства. Известно, к примеру, что если каждый отдельный человек пожелает жить в среде, в которой как минимум половина соседей принадлежала бы к его социальной группе, в конечном счете это приведет к тому, что все соседи каждого жителя будут принадлежать к этой группе [1].

Референтная идентичность, разделяющая социальное окружение по принципу "мы – они", скорее всего, играет существенную роль в возникновении и развитии конфликтов, и измерение межгрупповых установок в отношении объективных условий такого разделения представляет большой практический интерес. Опыт нашего исследования подтверждает гипотезу о том, что к незнакомым социальным группам, как правило, вырабатывается большая социальная дистанция, хотя, конечно, не всегда знакомство способствует сближению. "Для того чтобы контакт сокращал социальную дистанцию, вовлекаемые в него группы не должны соперничать, а их статус должен быть относительно равен" [15, р. 404].

Социальная дистанция также является важной гипотетической переменной в объяснении так называемого эффекта третьего лица [19], который заключается в убеждении о большем влиянии сообщений (как правило, СМИ) на аут-группы. Предполагается, что социальная дистанция положительно связана с этим эффектом, потому что он работает на поддержание позитивной идентичности. Однако все исследования данной проблемы проводились без непосредственного измерения социальной дистанции, на основе априорных предположений об относительном порядке групп согласно ее теоретическому конструкту [16], что еще раз напоминает о важности поставленной нами теоретико-методологической задачи.

Библиографический список

1. Будон Р. Место беспорядка. М., 1998.
2. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
3. Девятко И.Ф. Измерение установок: становление социологической парадигмы // Социологические исследования. 1991. № 6.
4. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.
5. Гринфилд П.М. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях // Психолингвистика. М., 1984.
6. Качанов Ю.Л. Политическая топология. М., 1996.
7. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
8. Мостовая И.В., Угольницкий Г.А. Социальное пространство: эвристика математического моделирования // Социологические исследования. 1999. №3.
9. Мягков А.Ю. Вопросы методики стимулирования искренних ответов в социологическом опросе // Социология: 4М. 2002. № 15.
10. Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Социальная дистанция и специфические условия полуформализованного интервью. Практика исследования аристократии и крупной буржуазии // Социология: 4М. 1995. № 5-6.
11. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 2000.
12. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М., 1999.
13. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии. М., 1998.
14. Шихирев П.Н. Дистанция социальная // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
15. Cover J.D. The effects of Social Contact on Prejudice // Journal of Social Psychology. 1995. Vol. 135. № 3.
16. Eveland Jr. et. al. Rethinking the Social Distance Corollary // Communication Research. 1999. Vol. 29. № 3.
17. Kleg M., Yamamoto K. As the World Turns: Ethno-Racial Distances after 70 Years // Social Science Journal. 1998. Vol. 35. № 2.
18. Lee M.Y., Ray M.C. The Reverse Social Distance Scale // Journal of Social Psychology. 1996. Vol. 136. № 1.
19. Perloff R.M. The Third Person Effect: A Critical Review and Synthesis // Media Psychology. 1999. Vol. 1. № 4.
20. Weinfurt K.P., Moghaddam F.M. Culture and Social Distance: A Case Study of Methodological Cautions // Journal of Social Psychology 2001. Vol. 141. № 1.

АНТОНИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЫ-ОНИ-ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

О. А. Оберемко

Данная статья продолжает идею ряда работ, написанных по материалам проектов, реализованных под руководством В.А. Ядова, посвященных исследованию социальной идентичности [4; 5; 7]. В указанных работах классифицировались ответы на открытые вопросы о самоотнесении респондентов к МЫ – ингруппам – и противопоставлении аутигруппам – ОНИ.

Упрощенно идею этой модели исследования можно свести к следующему тезису: скажи мне, как ты называешь группы, к которой ты себя относишь и которой ты себя противопоставляешь, и я определю горизонты твоего социального мира, акторов его осевого противостояния, доступные для социальной адаптации ресурсы и возможности для новых солидарностей.

Одним из базовых допущений этих работ служит идея о том, что групповая идентичность может служить показателем адаптивности, ресурсности, включенности в общество или маргинальности конструируемых в переходных условиях групповых солидарностей. Это допущение можно возвести к одному из положений концепции диспозиционной регуляции личности, согласно которому в социальном становлении субъекта происходит "последовательное расширение границ активности личности, источник которой со стороны субъекта – потребность... в... расширяющихся условиях полноценной жизнедеятельности человека" [9, с. 108]. Сопоставление с социодемографическими, установочными и прочими характеристиками открывает поле, с одной стороны, для кластеризации массива и приписывания полученным кластерам образов социального мира, а с

другой – для локализации в социальном пространстве текущих солидарностей и социальных разломов.

В подавляющем большинстве указанных работ списки МЫ- и ОНИ-идентичностей анализировались отдельно. Между тем производство социальной идентичности есть взаимообусловленное отнесение себя к некоторой общности людей (ингруппе, МЫ-группе) и противопоставление себя как члена группы иной общности (аутгруппе, ОНИ-группе) [12, р. 65–93; 7, с. 9; 13, р. 8, 12–13]. Именно в противопоставлении МЫ–ОНИ отражаются важные когнитивные характеристики конструируемого субъектом социального мира – характер конституирующих жизненный мир межгрупповых взаимоотношений. Таким образом, единицей анализа является пара МЫ–ОНИ самокатегоризаций, высказанная одним респондентом в ответ на соответствующие 2 открытых вопроса.

1. На протяжении жизни мы встречаем разных людей. С одними мы легко находим общий язык, чувствуем близость. Они нам понятны, иные же всегда остаются чужими, даже если мы их хорошо знаем.

Итак, есть люди, о которых мы можем сказать: "ЭТО – МЫ". Если говорить о Вас лично, о ком Вы могли бы сказать: "ЭТО – МЫ"?

2. Только что мы говорили о людях, о которых можно сказать "ЭТО – МЫ". А кто для Вас люди, к числу которых Вы себя не относите, о ком Вы могли бы сказать: "ЭТО ДРУГИЕ, НЕ МЫ", или "ЭТО – ОНИ". Назовите таких.

Для анализа мы взяли данные 187 формализованных интервью, собранных в рамках методологического практикума проф. В.А. Ядова со студентами-социологами Государственного университета гуманитарного образования (г. Москва), Кубанского и Нижегородского государствен-

ных университетов*. По замыслу проекта опрашивались представители (не менее 20) четырех (предположительно) низкоресурсных и одной высокоресурсной группы населения разных возрастов: школьники, мигранты, милиционеры, пенсионеры, учителя. После выбраковки мы для анализа оставили 184 пары.

Цель анализа состоит не в описании реальности, а в том, чтобы наметить круг вопросов, предназначенных для уточнения субъективных смыслов, которые могут вкладывать респонденты, отвечая на вопросы, кто – МЫ и кто – ОНИ.

Мы исходили из двух допущений. Во-первых, мы "наивно" полагали, что использованные формулировки вопросов позволяют выявлять центральные, т.е. наиболее значимые и наименее связанные с конкретными обстоятельствами интервью, идентичности [11]. Во-вторых, мы постулировали возможность исследовать социальную идентификацию в русле методологии индивидуальных различий, против чего высказывались некоторые авторы [13, р. 9].

Согласно *теории социальной идентичности*, когда субъекты относят окружающих их людей к разным категориям (производят социальную категоризацию), они одновременно производят собственную социальную идентичность. Распределяя других по отличающимся группам, субъект тем самым утверждает собственное членство в своей группе, принадлежность к той категории людей, к которой он сам себя относит и в терминах которой себя определяет. При этом групповая номинация приобретает ценностные коннотации и эмоциональную нагрузку. После самокатегоризации запускается процесс сравнения *своей группы с другими группами, значимыми для оценки собственной групповой идентичности*. По итогам межгруппового срав-

* Практикум осуществлялся в рамках Программы поддержки кафедр Институтом "Открытое общество".

нения конструируется позитивное отличие своей группы МЫ, которое встраивается в систему номинаций других групп, имеющих иные ценностные коннотации и иную эмоциональную нагрузку [10, р. 60–67].

Здесь важно подчеркнуть, во-первых, что идентичность именно *конструируется* *, и, следовательно, процесс идентификации опосредованно связан с "объективными" характеристиками противопоставляемых групп, а во-вторых, что интерпретация происходит посредством *противопоставления*.

Исследователи семантики тоже полагают, что лексическая антонимия отражает реальность не прямо, а опосредованно, "на уровне осмысления и оценки предметов и их свойств" [6, с. 56]; семантика антонимов "формируется не столько на отражении абсолютных (объективных) свойств, признаков и их отношений в реальной действительности, сколько на их оценке и сравнении относительно других" [8, с. 192; 2, с. 284]. Отсюда возникла идея выделить из полученного семантического пространства типовые стратегии противопоставления МЫ–ОНИ на основе разработанного Л.А. Новиковым [6] логико-семантического анализа антонимии, в рамках которого антонимическими считаются пары противоположных по смыслу понятий, обозначающих предел некоторого качества [6, с. 33]. В зависимости от характера противоположения выделяются разные виды антонимии.

Приступая к классификации стратегий противопоставления, мы предварительно укажем на одно содержательное различие, позволяющее выделить 2 больших класса пар.

Под * "конструированием" понимается приведение в систему информации о мире, организации этой информации в связанные структуры с целью постижения ее смысла" [1, с. 182].

Поскольку мы анализировали пары именных понятий, вырванных из текста и контекста, речь идет только о парадигматических свойствах антонимов [2, с. 284–285].

К первому классу мы отнесли пары, в которых центром, или ориентиром для самокатегоризации и противопоставления, является не МЫ, а Я. Критерием отнесения пар к этому классу служит возможность немаркированного (не несущего специфического смыслового значения) употребления с МЫ притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа, т.е. *МОИ друзья, сверстники, МОЙ коллектив, МОЯ семья* и т.п. такую идентичность мы назовем "приватизированной" *.

Ко второму классу мы отнесли пары, которые строятся на основе МЫ как надындивидуальной, социальной категоризации; возможное употребление с этими номинациями местоимения МОЙ мы считаем маркированным, так как оно несло бы специфическую характеристику, ср.: *МОИ госслужащие, рабочие, бедные, люди среднего достатка* и т.п. Здесь мы имеем социальную идентичность, определенную абстрактно, безлично.

Стратегия 1 абсолютного противопоставления

Самый очевидный для обыденного сознания тип противопоставления в лингвистике называют антонимией *комплементарности* (дополнительности); он соответствует логическим отношениям контрадикторности (противоречивости, несовместимости) *:

Эту идентификационную конструкцию неправильно называть личностной, поскольку функция личностной идентичности заключается не в обозначении принадлежности к группе, а в сохранении непрерывности личностного Я во времени и пространстве сменяющих друг друга ситуаций.

* Не все авторы этот тип противопоставления относят к антонимии: "Антонимы имеют противоположные или обратные, но не *противоречащие* (курсив. – О.О.) значения" [2, с. 284].

женатый-холостой, живой-мертвый,
истина-ложь, влажный-сухой **

1. Глубинная идея этого типа противопоставления – различать наличие и отсутствие некоторого признака, качества [3, с. 22–23].

2. В этом типе оппозиции парные члены исчерпывают родовое понятие целиком ($p + q = U$). Составляющие пару понятия выступают как качественные (в противоположность относительным) полюса, между которыми не может быть градации выраженности признака. Дело не только в отсутствии слова с промежуточным значением, а в том, что средний, промежуточный член вообще нельзя помыслить и дать даже аналитическое описание [6, с. 79].

3. Комплементарность отличает от (других видов) антонимии двусторонняя импликация; A не содержит черт $\neg A$. Чего нет в одном, то есть в другом [6, с. 53].

Верно: $p \rightarrow \neg q$ если женатый, то не холостой

Верно: $\neg p \rightarrow q$ если не женатый, то холостой

Лингвистические характеристики вполне поддаются социологической интерпретации.

Комплементарное противопоставление представляет собой тотальное бинарное противопоставление несовместимых, взаимоисключающих, положительно выраженных понятий равного объема, что создает высокую напряженность между ними. Это противопоставление в пределах соответствует "манихейскому", фундаменталистскому образу раскола мира на две половины мира как арены бескомпромиссной борьбы, где "третьего не дано", где нельзя не участвовать в схватке и где граница между противоположностями непроницаема: с этим "врагом" нельзя и невозможно иметь дело,

** Примеры приводятся по [6].

нет способов на него воздействовать, его можно только уничтожить.

Нет среднего состояния, и невозможно помыслить снятие конфликта. Если срединное положение и возможно, то оно не имеет собственного полноценного существования, подобно тому, как в классическом марксизме *мелкая буржуазия* в ситуации кризиса *обязана* либо пополнить ряды пролетариата, либо стать на сторону нетрудовой буржуазии. Такое противопоставление конструируется как осевое, центральное, устойчивое и тотальное.

Можно предположить, что употребление полярных понятий при производстве групповой идентичности будет свидетельствовать о конфликтной интерпретации социальной реальности межгруппового взаимодействия, о крайней степени определенности и непроницаемости межгрупповых границ.

На основе комплементарной антонимии используются языковые противопоставления, не требующие никакого или требующие минимального специального контекста для осмысления; МЫ и ОНИ – зеркально противоположные друг другу, полярные понятия. Следует ожидать высокой вероятности того, что при назывании одного из членов пара легко будет построена по ассоциации. Моделью абсолютного противопоставления является оппозиция *друзья – враги*.

К стратегии прямого приватного противопоставления **Я1** мы отнесли всего две пары:

друзья – недруги, друзья – враги.

В парах социального противопоставления (**МЫ1**) доминирует конструирование примордиальных и близких к ним по характеру общностей, которое несет сильную этическую нагрузку. *Разделяющая* противоположности *граница* – четкая и плохо проницаемая: перевод объекта из одной половины требует значительных когнитивных усилий. Сюда мы отнесли следующие пары:

*работяги – туеядцы,
создатели человеческих благ – потребители,
рабочие люди – люди из другой страны,
русский народ – западные народы, россияне – иностранцы,
патриоты – враги, русские – враги,
русские из Грозного – чечены,
истинные христиане – религиозные фанатики,
грамотные славяне – мусульмане, добрые – высокомерные.*

Стратегия 1а функционального противопоставления

Эту стратегию мы возводим к векторным и конверсивным антонимам. Глубинная идея *векторной* антонимии – выражать противоположную направленность действий, признаков, свойств, или противоположность:

*вход–выход, подъем–спуск, атака–контратака,
симпатичный–антипатичный.*

Конверсивная противоположность описывает одно и то же событие с точки зрения противопоставленных друг другу участников ситуации или взаимодействия [6, с. 238]:

купля–продажа, проигрыш–выигрыш *.

Как и комплементарная, векторная и конверсивная противоположности выражают дихотомический признак и не допускают существование промежуточных, средних членов. Например, между атакой и контратакой нет срединного члена; попытка его реконструкции (не атака, и не контр-

В рамках нашего анализа мы пренебрегаем тонкостью различий между векторной и конверсивной антонимией: *народный–антинародный, атака–контратака* тоже можно трактовать как описание "одного и того же события с точки зрения противопоставленных друг другу участников ситуации или взаимодействия", а в *купле–продаже, проигрыше–выигрыше* видеть "противоположную направленность действий".

атака) взорвет семантическую ось и даст новую оппозицию: наступление—затишье.

Как и абсолютное противопоставление, векторную и конверсивную антонимию составляет биполярный континуум *противопоставления*, который отражает бинарное, не допускающее третьих членов напряженное противопоставление. Отличие векторной и конверсивной антонимии от комлементарности состоит в том, что противопоставление не расширяется до вселенских масштабов и ограничивается частным функциональным контекстом. Существующее напряжение не предполагает устранения одной из сторон. Например, исполнитель и заказчик имеют противоположные интересы, но удовлетворить их ни одна из сторон в одиночку не может. Нельзя купить без продавца, без левой стороны не отыщется правая и т.п.

Таким образом, пара "производители – потребители благ" будет отнесена к разряду тотальной дихотомии, а "исполнители – заказчики" – к локальной, как отражающая ситуацию с функциональной, менее эмоциональной точки зрения. (Тот факт, что обе пары могут иметь одних референтов, мы рассматриваем как аргумент в пользу конструктивистского подхода к изучению идентичности.)

Функциональное противопоставление мыслится как оппозиция дискретных понятий, не оставляющая места для градуальности внутри семантической оси.

На этих видах антонимии строится стратегия функционального противопоставления. Антонимы этой группы, в отличие от абсолютного противопоставления (стратегия 1), составляют "малые универсумы", которые существуют внутри крупного и толерантного контекста (социума), предполагающего, например, функциональное (левый столбец) или рыночное (правый столбец) разделение труда:

*водители грузовых автомобилей – ГИБДД,
студенты – преподаватели, программисты – заказчики,
работчие пансионата – отдыхающие, предприниматели,
сотрудники д/о Колонтаево – отдыхающие,
директора – рабочие, школьники – учителя.*

Все пары относятся к классу социальной идентичности
МЫ 1а.

Стратегия 2 – статусного сравнения

Логическую основу центрального с точки зрения лингвистики вида антонимии составляет контрарная противоположность:

Контрарные антонимы отличаются от антонимов других видов рядом свойств.

1. Оба понятия имеют положительное содержание, уравнены в объеме и определенности.

2. Антонимическое микрополе представляет собой континуум, в пределах которого определенное свойство предметов изменяется постепенно, без резких границ и переходов [6, с. 33, 57]. Поэтому составляющие противоположность видовые понятия по своему значению являются относительными, т.е. допускают степени сравнения.

3. Сумма крайних членов не исчерпывает родового понятия; между полюсами выстраивается целый ряд понятий (континуум), выражающих степень близости/дальности к полюсам: $p + q \neq U$; $p + \neg p + \neg p \dots + \dots \neg q + q = U$. Поэтому отрицание одного члена оппозиции не означает автоматическое тождество с противоположным членом; здесь работает только односторонняя частичная импликация:

Верно:	$p \rightarrow \neg q$	Если он молодой, то не старый
Неверно:	$\neg p \rightarrow q$	Если он не молодой, то старый

4. Глубинная идея антонимии этого типа сводится к противопоставлению "больше–меньше" по сравнению с некоторым средним членом, выступающим в качестве нормы [7, с. 285; 6, с. 50]: не широкий, не узкий, а нормальный, средний; не белый, не черный, а серый (никакой).

<i>Молодой</i>	<i>немолодой</i>	<i>...</i>	<i>нестарый</i>	<i>Старый</i>
<i>Белый</i>	<i>светлый</i>	<i>серый</i>	<i>темный</i>	<i>Черный</i>
<i>Широкий</i>				<i>Узкий</i>
<i>Шире нормы</i>			<i>Уже нормы</i>	

Между крайними понятиями контрарной антонимии мыслится континуум переходных понятий. Бинарная шкала заменяется на порядковую, мир видится через призму двух полярных идеально-типических понятий, пространство между которыми заполнено полутонами обыденной, эмпирической действительности. Здесь предполагается менее напряженное, менее героическое и более сложное мировидение с зыбкими, подвижными границами, допускающими переходы.

Принципиальное различие между комплементарностью и контрарностью состоит в том, что в первом случае противопоставляемые понятия дискретны, имеют четкие, непроницаемые границы, во втором случае противопоставляемые понятия плавно переходят одно в другое.

Дискретность и градуальность тоже могут интерпретироваться как показатели простоты/сложности (стереотипизованности) картины социального мира.

Контрарному (градуальному) сравнению соответствует стратегия стратификационного сравнения. Ее программная идея маркировать "больше–меньше" на фоне (имплицитного) среднего члена, выступающего в качестве социальной нормы, в чистом виде представлена парой бедные–богатые.

Присутствие контрарной логики в конструировании оппозиций МЫ–ОНИ можно увидеть в парах, где только один из членов выражен относительным прилагательным.

Отталкиваясь от полюса, выраженного прилагательным, можно предположить (см. далее), что для бедных людей новые русские являются прежде всего представителями группы богатых (что дает основание считать в данном случае эти понятия синонимичными). Соответственно, для тех, кто противопоставляет себя богатым, первым признаком своей группы – беженцы, переселенцы, пенсионеры – является относительная, в сравнении с ОНИ и "нормой", бедность.

В употреблении "эвфемизмов" (например, переселенцы вместо бедные) можно увидеть интенцию приблизить свою группу к срединному положению, "норме". Если эта интерпретация правильна, тогда эвфемизмы свидетельствуют о более тесной актуальной, субъективной связанности с социумом, чем в случае категоризации МЫ-группы как бедных.

Тематически в парах, отнесенных к стратегии МЫ2, отчетливо выделяются классические критерии стратификационного сравнения: *богатство, власть, престиж*.

1. Богатство

бедные – богатые (2), бедные – новые русские,
безработные – бизнесмены, пенсионеры – олигархи,
писатели – бизнесмены, рабочий класс – богатые,
рабочие – новые русские (2), служащие – бизнесмены,
служащие – новые русские, учителя – торговцы,
пенсионеры молодые – нувориши, рабочие – богатые
и властные, рабочий класс – новые русские,
рабочий класс – торгаши-перекупщики,
сотрудники правоохранительных органов – новые русские.*

* В скобках указано количество упоминаний больше 1 раза.

2. Власть

*рабочий класс – элита, пенсионеры – политиканы,
интеллигенты – политики, интеллигенты – элита
государственная, интеллигенция – власть имущие (2),
интеллигенты – администрация, пенсионеры – правительство,
пенсионеры – члены правительства, учителя – власть имущие
(2), учителя – представители власти,
чудаки-инженеры – жлобы-чиновники.*

В последней паре можно видеть и противопоставление по критерию престижа в части чудаки – жлобы.

3. Престиж

*интеллигенты – хулиганы, интеллигенция – маргиналы,
интеллигенция – тунеядцы, рабочие – бандиты,
ученики – бомжи, учителя – наркоманы, учителя – бомжи,
люди с высшим образованием – преступники,
интеллигенция – преступники.*

Сквозь призму этого критерия можно рассмотреть также следующие 3 пары:

*интеллигенция – крестьяне, рабочие – безработные,
интеллигенция – активисты необразованные.*

В приведенных примерах МЫ неизменно стоят ниже, чем ОНИ, по параметрам богатства и власти и выше, чем ОНИ, по параметру престижа.

По-видимому, к стратификационным критериям также можно отнести категории места * и времени.

4. Место

*рабочие – местное население, беженцы – высшая политическая
власть и преступный мир, беженцы – богатые, люди,
живущие в общежитии – люди высокого благосостояния,
переселенцы – богатые, беженцы – коренные жители,
беженцы – местные жители,
мигранты вынужденные – местные жители.*

5. Время

*пенсионеры – молодежь (3),
люди 70–80-х – люди новой системы.*

* Она появилась благодаря мигрантам.

Если пенсионеры мыслят границу между собой и молодыми как непроницаемую, то эти пары будут отнесены к стратегии абсолютного противопоставления.

Разделение на МЫ и ОНИ не имеет вселенского характера борьбы добра со злом, поскольку подразумевает существование третьих сторон. Конструирование идентичности по этому пути предполагает сосуществование разных классов в рамках крупной социальной структуры. МЫ и ОНИ не являются врагами; МЫ и ОНИ – просто иные (different).

Полагаем, что ни ингруппа, ни аутгруппа не занимает в такой картине мира центральную часть сцены.

Для стратегии Я2 характерно сужение собственного социального пространства до контактных групп и неравное противостояние с большим обществом.

1. Богатство

*круг общения – бизнесмены, работники завода – новые русские,
семья – имущие, семья – богатые*

2. Власть

*коллеги – чиновники, мое окружение – власть,
родные – власть имущие, родственники – олигархи,
семья – олигархи, семья – власть (2), сослуживцы – новая элита
рабочий коллектив – власть,
знакомые по производству – власть держащие,
коллеги моего поколения – люди властных структур*

3. Престиж

*друзья – безразличные люди, подруги – люди озлобленные,
коллектив – преступники, семья – преступники, семья – мафия,
семья – алкоголики, семья – тунеядцы, эгоисты,
члены семьи – жлобы, друзья – бандиты, преступники,
коллеги – бандиты, преступники,
единомышленники – идущие по головам,
единомышленники – люди якобы голубых кровей,
коллектив – криминальные элементы*

Большинство приведенных противопоставлений стратегии Я2 делалось в горизонте "большого общества". В собранном массиве оказалось 3 пары, горизонтом противопоставления которых служили группы контакта; в этих парах МЫ противопоставлялись ОНИ по параметру власти:

*друзья – начальство, единомышленники – администрация,
коллеги по работе – начальники*

Стратегии 2а – нормативного противопоставления меньшинству

Несколько иначе воспроизводится контрарная логика в стратегии нормативного противопоставления меньшинству. Если в статусном сравнении МЫ и ОНИ выступают как крайние члены, между которыми мыслятся срединные члены, то при нормативном противопоставлении ингруппа выступает средним членом (нормой), а ОНИ вытесняются на периферию:

Полюс	Середина	Полюс
<i>Статусное сравнение</i>		
МЫ		ОНИ
<i>Нормативное противопоставление</i>		
ОНИ	МЫ	ОНИ

МЫ – это "нормальные", "обычные", "как все" люди, не имеющие позитивно выраженных качеств и выступающие в качестве срединного члена, ОНИ – маркированные члены противопоставления, имеющие позитивно выраженные качества.

МЫ – нормальные; МЫ > ОНИ

*люди, Россия – новые русские, обычные пенсионеры – богатые,
домохозяйки – жены новых русских,
люди среднего достатка – высокого достатка,
обычные люди – военные*

В некоторых парах аутгруппа едва ли не выводится за границы "нормального" общества, по меньшей мере, маргинализуется, а ингруппа репрезентирует собой все общество или ее центральную, сердцевинную часть, соблюдающую закон и приличия.

*граждане – преступники и правонарушители,
общество – преступники, граждане России – не дорожающие
интересами общества, российский народ – преступники,
россияне – деградирующие по собственному желанию,
люди – преступники, жители России – девианты*

В этой стратегии оппозиции строятся по знакомым уже параметрам богатства и престижа. По аналогии со стратегией статусного сравнения можно предположить, что и в стратегии нормативного противопоставления могут встретиться другие стратификационные критерии власти, места, времени и т.п.

Появление среди аутгрупп военных, функционально отличающихся от "нормальных" людей, позволяет предположить возможность аналитического выделения "гибридных" стратегий.

Стратегия 2б – нормативного противопоставления большинству

Зеркальным отражением предыдущей стратегии представляется такое конструирование, при котором ингруппе приписывается наличие позитивных качеств, а аутгруппе – их отсутствие.

МЫ – специфические; МЫ < ОНИ

*люди мне симпатичные – люди несимпатичные мне,
друзья – неприятные мне люди*

Социальная перспектива данной стратегии отразилась в следующих парах (МЫ26):

*верующие – неверующие, интеллигенция – неинтеллигенция,
наше старшее поколение – люди не моего поколения,
стремящиеся к цели – не имеющие никакой цели*

Уязвимым местом в выделении этой стратегии является сходство с абсолютным противопоставлением. В частности, пару россияне – иностранцы (МЫ1) можно легко преобразовать в россияне – нероссияне (МЫ26). Легкость лексической замены дает основание для сомнений в строгости выделения стратегий.

Спасти предприятие – укрепить различие – может только интерпретация. Мы исходим из того, что в абсолютном противопоставлении (1) обе стороны мыслятся в позитивных терминах, имеют равный понятийный объем и одинаковую степень определенности, тогда как в стратегии 26 (и 2а) одна из сторон определена менее четко и выражена меньшим по объему понятием.

Снова обратимся к лингвистике, где негативные противопоставления (неконтрарная антонимия) [6, с. 84–85] характеризуются следующим образом:

1. Отрицание ослабляет противопоставление [6, с. 29, 237] и не образует крайних, предельных противоположностей. Нелюбовь показывает отсутствие любви, но не утверждает ненависть, а недружеский – это еще не враждебный [6, с. 53–54, 143]. То есть отрицание не всегда обращается в крайнюю противоположность и приобретает собственное позитивное, определенное значение, как в случае: друг – не друг – недруг ($\neq$ враг).

белый

небелый

2. Собственное, позитивное значение имеет только один член противопоставления, тогда как отрицание делает значение менее определенным, менее предметным, менее конкретным и придает ему больший объем.

3. Неконтрарная противоположность задает только один полюс, второй полюс отсутствует, может выходить за пределы родового понятия и даже "взрывать" его [6, с. 25–26, 45]. Из-за этого в подобных парах не создается напряжения, и поэтому не все авторы относят их к антонимическим [6, с. 84].

Таким образом, неконтрарная антонимия представляет собой однополярное противопоставление, в котором полюс задается понятием с позитивным значением и меньшим, по сравнению со своим отрицанием, объемом. Отчетливую, непроницаемую границу имеет лишь один, позитивный, член пары, тогда как второй член четкой границы не имеет, поскольку не выражает позитивного понятия и обозначает "все остальное".

Неконтрарная оппозиция понятия делит мир на две части: меньшую по размеру, замкнутую, свою "ойкумену" и весь остальной мир, с которым ингруппа имеет непосредственную границу. МЫ лишены *их* качеств, ОНИ лишены *наших* качеств; мир ОНИ вообще лишен положительных качеств. Содержание и границы множества МЫ мыслятся более определенно, чем содержание и границы ОНИ. ОНИ могут вообще не иметь границ, границу имеем только "держащие оборону" МЫ. Осмысление ОНИ с отрицанием приводит к асимметричному противопоставлению: понятие МЫ – более четко определено и меньше по объему, а ОНИ характеризуются расплывчатостью и неопределенностью.

Стратегия 3 – близости/дальности отношений

К стратегии конструирования идентичности по близости/дальности отношений (ЯЗ) мы отнесли 26 пар.

МЫ – близкие, ОНИ – далекие

*"банда" – друзья, друзья – коллеги, друзья – соседи (2),
коллектив – друзья, коллектив – спортклуб,
родственники – молодежь, сверстники – общество,
семья – соседи, семья – знакомые (3), семья – все человечество,
семья – студенты, друзья – знакомые, знакомые дальние (5), се-
мья – друзья, друзья лучшие (6),
семья – коллеги по борьбе с РЭУ и поликлиникой*

Номинации МЫ и ОНИ суть вешки, которые устанавливают различные степени близости–дальности внутри целиком принятого мира.

В приведенных парах одни и те же номинации могут включаться как в состав МЫ, так и в состав ОНИ в зависимости от конкретного контекста и названного первого члена оппозиции. Между МЫ и ОНИ нет непроходимой границы, обе группы (за редким исключением) являются группами прямого контакта.

Этой стратегии конструирования скорее свойственно не противопоставление, а различие: мир населен разными людьми, и они различаются по близости отношений к Я.

Понятия МЫ и ОНИ более или менее симметричны в своей определенности, конкретности в отличие от следующей стратегии ЯЗа.

Стратегия 3а – обособления от чужих

К стратегии ЯЗа мы отнесли пары, где ОНИ определяются с помощью оператора "не", который обозначает четкую границу между своим, обжитым миром (ойкуменой) и миром незнакомых, чужих людей, с которыми нет контакта.

ОНИ – чужие, с кем нет контакта

*друзья – одноклассники, с кем не общаюсь,
одноклассники – люди, с кем нет отношений,
сослуживцы – незнакомые, друзья – незнакомые,
знакомые – незнакомые, все, кто вокруг меня, – чужие,
семья – не семья*

В некоторых парах можно заметить, что между противопоставляемыми общностями нет общих границ, поскольку их разделяют промежуточные группы, выполняющие роль буфера. Например, между сослуживцами и друзьями, с одной стороны, и незнакомыми – с другой (см. третью и четвертую пары), помещаются, как минимум, знакомые, которые более многочисленны и менее близки, чем сослуживцы (и друзья).

Мир ОНИ нам совсем неизвестен и чужд, поскольку отделен от нас буферной зоной. Ничего определенно плохого о нем неизвестно. Он может стать врагом, а может стать частью нашего мира. Отношения к аутгруппе могут стать более определенными, если появится контакт; тогда возможен переход к иной стратегии интерпретации (конструирования), к большей четкости образа.

Если, отвлекаясь от "наивной" посылки, признать, что наша методика фиксировала не ядерные идентичности, а ситуативные, и что конструктор в разных ситуациях по отношению к разным ОНИ может придерживаться разных стратегий, то можно увидеть, что стратегии ЯЗ и ЯЗа строятся по одной логике близких–дальних отношений и дополняют друг друга. Область стратегии ЯЗа начинается там, где заканчивается освоенный мир стратегии ЯЗ. Соотношение между этими областями можно схематически представить в виде круга с четкой границей: Я находится в центре "своего мира", где область МЫ плавно переходит в слабо размеченные области ОНИ (по стратегии ЯЗ), внеш-

ную область "своего мира" населяют разного рода "чужие", с которыми Я не имеет контактов.

Обе последние стратегии отражают личностную – из центра концентрических кругов – перспективу на социальный мир; ближе к центру образ ОНИ более четкий, конкретный и, возможно, менее стереотипизированный.

В итоге неклассифицированными остались 19 пар (10 % от массива), что неплохо для эмпирической классификации:

*азербайджанцы – нечестные сотрудники,
государственные служащие – коллеги,
граждане России – люди среднего возраста,
коллектив – часть коллектива (2),
люди, обиженные своими – люди с достатком,
судостроители бывшие – армяне,
азербайджанцы, россияне – друзья-интеллигенты,
русские – русские (часть меня), свое поколение – не родственники,
спортсмены – родственники, социологи – интересные люди,
волонтеры – сектанты, женщины – заключенные,
нация – общество, родители – больные люди,
друзья – иностранцы, народ – люди, общество – друзья.*

Резюме

Приступая к "пасьянсу" с парами противопоставлений, мы пытались построить континуум "более простых" и "более сложных" конструкций межгруппового взаимодействия. Очевидно, что попытки в едином измерении ранжировать респондентов по "простоте-сложности" успехом не увенчались.

Вместо этого оказалось, что выделенные нами стратегии объединяются в три блока: противопоставление, сравнение и различение, которые напоминают этапы конституирования групповой идентичности, выделенные в теории Тэджфела – Тернера.

Если эти соответствия верны, то полученная нами классификация отражает не только разнокачественные картины мира, но и динамику производства социальной идентичности, на каждом этапе которого возможны разные стратегии конструирования, складывающиеся под влиянием особенностей жизненной ситуации.

Стратегии МЫ–ОНИ оппозиции

1. Различение	2. Сравнение	3. Противопоставление
По близости	Статусное	Функциональное
По свойству	Нормативное> Нормативное<	Абсолютное

По-видимому, гипотезу о ресурсности и адаптированности индивидов со сложной картиной мира следует отвергнуть. "Слабые" противопоставления скорее связаны с меньшей определенностью групповых образов и межгрупповых границ, тогда как стереотипизированность образов и употребление языковых оппозиций – с завершенностью социальной идентификации.

Однако завершенность, т.е. стереотипность, не обязательно говорит о напряженности, конфликтности картины мира, свидетельством которых является конструктивная непроницаемость границ между ин- и аутгруппами. Например, при логическом сходстве между функциональным и абсолютным противопоставлением в первом случае (как и во всей верхней строке таблицы) целый мир и устоявшиеся в нем отношения принимаются, а во втором случае (и во всей нижней строке) по расколотому миру проходит непроницаемая граница.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Трудности социального познания: "образ мира" или реальный мир? // Социальная психология в современном мире. М., 2002.
2. Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
3. Апресян Ю.Д. Современная лексическая семантика. II. Синонимические средства языка и правила перефразирования (лексические антонимы) // Русский язык в национальной школе. 1972. № 3.
4. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
5. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.
6. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М., 1973.
7. Социальная идентификация личности: Годичный отчет за 1992 год по разделу подпрограммы "Человек в кризисном обществе" общегосударственной программы "Альтернативы социальных преобразований в российском обществе" / Под ред. В.А. Ядова. М., 1993.
8. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
9. Ядов В.А. Социальная психология личности // Социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979.
10. Crocker J., Luthanen R. Collective Self-Esteem and Ingroup Bias // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 58.
11. Gurin P., Markus H. Group Identity: The Psychological Mechanisms of Durable Salience // Revue Internationale de Psychologie Sociale. 1988. Vol. 1.
12. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Behavior // Social Science Information. 1974. Vol. 13. № 2.
13. Turner J.C. Some Current Issues in Research on Social Identity and Self-Categorisation Theories // Social Identity / Ed. by N. Ellemers et al. L., 1999.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЮГА РОССИИ

А. В. Баранов

Историческое сознание становится актуальным во времена болезненных кризисов, сопровождаемых утратой либо расколом "духовного ядра" локальной цивилизации, когда преобладает инверсионное восприятие прошлого (или сплошная "черная дыра", или "утраченный рай").

В данной статье представлена топика академического конструирования региональной идентичности Юга России, отраженная в вышедших после 1987 г. публикациях, поскольку именно на Юге противоречия и тенденции регионализма проявляются наиболее весомо в России вследствие этнической и цивилизационной мозаичности территории.

Теоретическая основа нашей статьи – инструменталистский подход, связывающий сознание идентичности с историческими факторами развития общества. Предполагается, что основа самосознания индивидов, групп и общества – их долгосрочные интересы [3, с. 29].

Идентичность можно определить как устойчивое самосознание, в основе которого лежит чувство принадлежности к "своей" общности людей. Идентичность, согласно взглядам американского психолога Э. Эриксона, является главным интегративным фактором поведения индивида. Идентичность определяет приверженность своей цивилизации, религии, мировоззрению, исторической картине мира, типу поведения. Идентичность упорядочивает окружаю-

шую нас действительность, создавая устойчивые комплексные образы "своего" и "чужого". Идентичность складывается не только на индивидуальном, но также на групповом и социальном уровнях [2, с. 41–42]. Значение идентичности определяют три важные потребности людей: в принадлежности к сообществу, в позитивной самооценке и в безопасности. Идентичность всегда сочетает в себе два комплекса представлений: позитивный и негативный. Это объясняется самими мыслительными операциями разграничения и определения жизненных явлений. К глубоко архаичным пластам сознания восходят дуальные оппозиции "добро – зло", "порядок – хаос", "свой – чужой" и т.д. Следовательно, идентификация невозможна без сравнения партнеров общения, что позволяет ориентироваться в упорядоченном таким образом мире.

В зависимости от типа стратификационной системы и социокультурных условий идентичность может быть жесткой или размытой. Социальные группы и индивиды проявляют в своем поведении многие виды идентичностей – этническую, половозрастную, религиозную, политическую, культурную, территориальную и т.д. Виды идентичностей взаимосвязаны и часто накладываются один на другой, усиливая чувство самобытности (этническая и религиозная, профессиональная и половая и др.).

В нашей статье внимание сосредоточено на региональной идентичности, которая приобрела особую силу и значение в условиях глобализации и вызванного ею передела мирового политического пространства. Известно мнение П. А. Сорокина: "Люди, живущие в одной местности, в деревне, в городе, в одном округе, – несмотря на множество различий между ними, не могут не иметь ряда общих интересов, вытекающих из совместной постоянной жизни в данном месте" [27, с. 209].

Ряд цивилизационных признаков (тип и уровень религиозности общества, индивидуализм либо корпоративизм, темп и тип развития) вызывает долгосрочные различия символов региональных идентичностей между собой. В. А. Ачкасов и С. А. Бабаев отмечают, что в процессе самоидентификации личность может быть ориентирована культурными стереотипами на идеальный образ настоящего, будущего или прошлого [2, с. 45–46]. Нацеленность на "золотой век" в прошлом побуждает создавать идентичность на основе идей общего этнического или расового происхождения, конфессии, обычаев, традиционных ценностей.

Сильное влияние на тип региональной идентичности оказывают также краткосрочные факторы: слабость общегосударственной идентичности в постсоветской России, сужение пространства повседневного жизненного цикла большинства россиян, амбиции региональных элит. С точки зрения текущей конъюнктуры идентичность можно рассматривать как "фактор политической легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона", как это делает Е. Ю. Мелешкина [21, с.126].

В итоге взаимодействия долгосрочных и краткосрочных факторов во многих субъектах Российской Федерации сложился "паттерн регионального развития – исторически формирующийся тип воспроизводства региональной идентичности". Данное понятие ввели Г. Люхтерхандт, С. Рыженков и А. Кузьмин. По мнению этих исследователей, паттерн становится своеобразным "социокультурным кодом" региона и определяет тип его развития [17, с. 13–15].

Следует сделать важную оговорку: реальность намного богаче объяснительных схем. Часто встречается множественная идентичность (по определению Г. Маркса). Индивид может добровольно и искренне проявлять приверженность к нескольким реальным либо ментальным сообществам.

вам [32, р. 71–72, 86]. Методики политического анализа пока еще плохо "улавливают" стереоскопичность региональных идентичностей. Юг России относится к многочисленным "контактным зонам" цивилизаций, в которых обычно региональная идентичность наслаивается на этнокультурную и религиозную. Как отмечают независимо друг от друга Д. Мейберн, Льюис и К. Дженкинс, в таких общественных состояниях идет политизация этничности. Последняя используется как важная мотивация раскола общества, служит важным средством достижения политических целей [20; 31]. В российской этнополитологии, политической психологии и социологии наиболее системные исследования темы предпринимали М. Н. Губогло, В. А. Ачкасов и С. А. Бабаев, Л. С. Гатагова, М. В. Савва [9; 2; 8; 26].

Историческое сознание способствует становлению этнической идентичности. Эта задача осуществляется путем произвольной выборки фактов прошлого и их пристрастного истолкования ради текущих политических целей. Важно отметить, что историческое сознание становится в данном отношении мифологическим и стихийно – в итоге массовой самоидентификации "простых людей" на уровне обыденных представлений, и целенаправленно – как результат самоопределения элит этнодвижений и их PR-деятельности.

Этнополитическая мобилизация – это процесс, с помощью коего этническая группа (реальная или ментальная) использует этнические ценности, мифы и символы как главный ресурс обретения политической либо государственной организации, конструирования общей идентичности (по В. А. Ачкасову и С. А. Бабаеву). Этапами освоения внутренних ресурсов мобилизации выступают:

- 1) конструирование и мобилизация "народности";
- 2) политизация этнического наследия;
- 3) этническое "очищение" от якобы чуждых иноэтничных либо общемировых ценностей [2, с. 60–63].

Обыденное массовое сознание включает в себя комплекс традиционных знаний, представлений, отношений к реальности, ценностей, а также мнений и настроений по текущим вопросам политики. То есть массовое сознание состоит из двух компонентов: инерционных долгосрочных и динамичных краткосрочных. Массовое сознание имеет такие "родовые" черты, как структурная неопределенность, противоречивость оценок реальности, эмоциональность, стихийность и одновременно беззащитность перед манипуляциями пропаганды. Ядро массового обыденного сознания – мифология. Миф воспринимается на уровне чувств, эмоций, подсознательных и бессознательных желаний. Как полагает В. Полосин, политический миф включает в себя компоненты:

- 1) архетип – многократно возникающий в общественной жизни и запечатленный в менталитете алгоритм развития;
- 2) смысл, эмпирически созданный в общественных традициях;
- 3) систему образов-символов, "переводящих" рациональный опыт истории "на язык" мифов [25, с. 47].

В итоге мифы создают и поддерживают коллективные идентичности, в нашем случае – региональные и этнополитические. Тем самым мифы облегчают создание привлекательной картины мира, компенсируют для людей возможный стыд перед своим провинциализмом.

Политолог В. А. Ачкасова выделяет 3 направления мифологизации массового сознания [3, с. 75–77]. Во-первых, человек теряет личную идентичность, "растворяется" в своей группе и начинает враждебно относиться ко всей внешней среде. Именно этнические и религиозные признаки человека легче и быстрее всего подвергаются такой активизации.

Во-вторых, представления о причинах и ходе политических процессов становятся персонализированными. Создаются образы идеального героя-вождя и столь же идеально-го "своего сообщества". Им противопоставлен образ врага – носителя абсолютного зла.

В-третьих, восприятие пространства и времени становится локальным и цикличным. Настоящее выглядит как слабое напоминание о "золотом веке" героев прошлого. Территорию сообщества наделяют священными чертами, а часто даже сочиняют их благодаря произвольному объяснению исторических факторов.

На другом – рациональном – уровне сознания мобилизация проявляется в концепциях профессиональных историков, этнологов, политиков. Многие исследователи на постсоветском пространстве подтверждают на своем горьком примере предупреждение Э. Хобсбаума: "Ни один серьезный историк... не может быть завзятым политическим националистом", так как "национализм требует слишком большой веры в то, что явно не существует". Следовать национализму – "значит иметь неверное представление о своем прошлом" [29, с. 37–38].

Авторы системного исследования "Национальные истории в советском и постсоветском государствах" под редакцией К. Аймермахера и Г. А. Бордюгова (1999 г.) выявили некоторые общие закономерности этномобилизации в исторической науке в странах СНГ. Историческое прошлое переписывается по шаблону, возвеличивающему нынешние национальные государства или регионы. Идет переписывание фактов прошлого для того, чтобы сконструировать "великие традиции предков" современных (на самом деле подчас молодых этносов). Л.С. Гатагова пишет об историках республик Северного Кавказа, что их "свобода от партийной цензуры обернулась несвободой теперь уже от нацио-

нальных элит" [23, с. 266]. Аймермахер и Бордюгов выделяют некоторые направления такого "творчества" – "удревнение" своего народа, героизацию, завышение уровня развития, сосредоточенность на конфликтах с соседями-иноверцами [23, с. 13–14]. Рецензент данной монографии О. Г. Буховец особо выделяет по бесцеремонности созданные мифы о том, что балкарцы и карачаевцы – наследники Шумера, адыги – потомки шумеров и хеттов, вайнахи – древних египтян и этрусков, осетины – индоариев, половцы (кыпчаки) якобы были предками... казаков и даже немцев. Наибольший простор для фантастических сочинений дает древняя история и, как ни парадоксально, история советского периода [7, с. 153–154].

Какова же региональная специфика этнополитической мобилизации на Юге России в аспекте исторического сознания? Юг России – регион с преобладанием корпоративных и умеренно-консервативных ориентаций политической культуры. Его идентичность была ярко выраженной даже в советский период, в том числе в славянских областях с былыми казачьими традициями [22, с. 252–330; 5, с. 267–312]. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением И. Малякина [18, с. 110–111], который полагает, что у краев и областей России к распаду СССР не было своего "мифогенного потенциала". Им-де в лучшем случае приходилось опираться "на крайне скудный багаж региональной мифологии советского периода, как правило, не укорененной глубоко в массовом сознании и имевшей официально-парадный характер". На наш взгляд, приведенная цитата близка к истине только применительно к молодым регионам Сибири и с натяжкой в случае центра Европейской России. Напротив, Дон, Кубань, Нижнее Поволжье имеют глубоко укоренную в дореволюционной политической традиции систему региональных ценностей и мифов.

Пространство Юга России достаточно резко делится на два социокультурных сегмента, качественно разнотипных и все же единых политически: с преобладанием славянского населения (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье, Черноморское побережье, Нижнее Поволжье) и с преобладанием автохтонных народов Северного Кавказа (республики в составе РФ). Определенной контактной зоной, пограничным "микстом" выступают нынешняя территория Адыгеи и ряд городских анклавов в республиках (Владикавказ, Каспийск, Кизляр).

Для первого ареала роль базовых стереотипов исторического сознания играют следующие утверждения:

- извечное тяготение восточнославянского мира к Причерноморью и русское присутствие в нем (акцентируемые события: Тмутараканское княжество, разгром Хазарии, женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне и т.п.);

- противостояние "леса" и "степи", земледельцев и кочевников;

- разрушительность влияния Османской империи и Персии на Кавказе;

- цивилизующая и умиротворяющая роль Российской империи на Юге страны, своего рода культургрегерство;

- роль казачества как "держателей щита" на рубеже света и тьмы, России и Востока [19].

Данная расстановка смысловых акцентов не случайна. Она закрепляет в массовом сознании общероссийскую идентичность, которая особенно остро воспринимается в условиях пограничного и нестабильного региона. Политологи давно осмыслили феномен имперства и традиционализма военных окраин цивилизационных ареалов (Д. Бурстин, Д. Элазар). Применительно к истории России этот феномен глубоко исследован М. К. Любавским, Н. М. Ядринцевым, а на современном материале Юга страны –

ны – Е. В. Морозовой, О. В. Матвеевым, В. А. Колосовым и А. Д. Криндачем [16; 30; 22; 19; 12].

Одновременно и благодаря имперству, как ни парадоксально это звучит, стереотипы исторического сознания русских Юга носят подчеркнуто регионалистский характер. Таковы двойная идентичность ("мы вместе с Россией" вместо "мы – Россия"), москвоборчество и автономизм, апология казачества как носителя смыслового ядра культуры [13; 15].

Стереотипы исторического сознания в ареале республик Северного Кавказа носят более традиционалистский и однородный, чем в краях и областях региона, характер. На глубинном уровне это объяснимо циклическим ритмом исторического времени и социокультурных изменений. Сознание в республиках региона относительно более целостно и ценностно, а не расколото и прагматично. Из данных черт ментальности следуют наблюдаемые эмпирически стереотипы исторической памяти:

- идея мифической "северокавказской цивилизации", игравшей весомую роль в мировой политике и этнически родственной первичным цивилизациям Шумера, Вавилона, Египта и т.д.;

- модель "потерянного рая" – общества до российского завоевания Кавказа "огнем и мечом";

- восприятие Кавказской войны и имамата Шамиля как ориентиров национально-исторического возрождения;

- акцентирование конфликтных аспектов и проявлений в противоречивой системе отношений между Россией и политическими образованиями региона;

- умолчание о мозаичности и цивилизационной неоднородности Северного Кавказа, конструирование мифа о дуальной оппозиции "Россия – весь Кавказ" [11; 4; 24].

Следует подчеркнуть, что упомянутая тенденция не является единственной и господствующей, а тем более по-

всеместной в исторической науке и публицистике республик региона. Документально обоснованные и толерантные оценки исторических традиций даны в многочисленных работах [1; 6; 10; 14; 28]. Речь идет не об оценке персональных взглядов, а о смысле основного русла развития историографии, которое поощряется и направляется курсом региональных властвующих элит.

На наш взгляд, императивы национальной безопасности и территориальной целостности России ставят неотложную задачу перед научными сообществами и СМИ, формирующими в немалой мере историческое сознание, – поддерживать интеграцию историко-этнических представлений, преодолевать замыкание в кругу конфликтных застарелых претензий. Это требует целенаправленной и скоординированной деятельности по созданию приоритетных ценностей: мира, межэтнического согласия, взаимного уважения и признания равного достоинства каждого этноса. Данная работа должна стать одним из направлений общей этнополитики государства и региональных органов управления.

Библиографический список

1. Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М., 2002.
2. Ачкасов В.А., Бабаев С.А. "Мобилизованная этничность": Этническое измерение политической культуры современной России. СПб., 2000.
3. Ачкасова В.А. Региональный политический ландшафт России: столкновение интересов. СПб., 2002.
4. Байрамкулов А.М. И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. Ставрополь, 1998.
5. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.
6. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
7. Буховец О.Г. Клио на пороге XXI века: искушение национализмом... // Вопросы истории. 2002. № 3.
8. Гатагова Л.С. Чему мы учим // Родина. 2000. № 1/2.

9. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.
10. Джимов М.М. Адыги в XX веке // Гуманитарная наука Юга России в XX веке. Краснодар, 2000.
11. Доного Х.-М. Сказание о Шамиле. Махачкала, 1997.
12. Колосов В.А., Криндач А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Полис. 1994. № 6.
13. Корень Р.В., Горельченко Н.Н. Азбука возрождения казачества. Ставрополь, 1998.
14. Куракеева М.Ф. Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков. Черкесск, 1994.
15. Куцев Г. Этническая история казачества. Краснодар, 1996.
16. Любавский М.К. Очерк русской колонизации с древнейших времен и до конца XX в. М., 1996.
17. Люхтерхандт Г.М., Рыженков С.И., Кузьмин А.С. Политика и культура в российской провинции. М.; СПб., 2001.
18. Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. 2002. № 3.
19. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: Этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002.
20. Мейберн-Льюис Д. Демократия, тоталитаризм и этнический плюрализм // Расы и народы. М., 1997. Вып. 24.
21. Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999.
22. Морозова Е.В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998.
23. Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999.
24. Половинкина Т.В. Черкессия – боль моя. Майкоп, 1999.
25. Полосин В. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. М., 1999.
26. Савва М.В. Мифоидеологемы – знамена сепаратизма // Вестник Евразии. 2001. № 3.
27. Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т.2.
28. Хлынина Т.П. Становление советской государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003.

29. Хобсбаум Э. Введение к книге "Нации и национализм после 1780 г.: Программа, миф, реальность" // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

30. Ядринцев Н.М. Собрание сочинений: В 2 т. Тюмень, 2000.

31. Jenkins C. Resource Mobilization: Theory and the Study of Social Movement // Annual Revue Social. 1983. Vol. 9.

32. Marks G. Territorial Identities in the European Union // Regional Integration and Democracy: Expanding on the European Experience. Lanham; Boulder; N.Y.; Oxford, 1999.

ГИПЕРПОЗИТИВНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПЕЧАТНЫЕ СМИ: СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА "ЧУЖИХ"

Е. В. Савва

В современном российском (и не только российском) обществе культивирование толерантности стало осознаваться в качестве одной из актуальных задач. Утвержденная Президентом РФ Государственная федеральная целевая программа "Формирование установки толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)" подтверждает указанный факт.

Толерантность – многоуровневое понятие, наиболее простой трактовкой которого является определение ее как терпимости к чужим мнениям, верованиям, поведению. Однако даже в таком понимании можно выделить несколько аспектов проявления толерантности: как ценность, как поведенческая норма, как регулятор социального взаимодействия. В связи с этим представляется удачным определение толерантности, данное В.А. Лекторским: "уважение к чужой традиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога" [10, с. 11]. Можно также выделить несколько относительно самостоятельных видов толерантности, что связано с полисубъ-

ектностью понятия. Таким образом, если исследуется сфера межэтнических отношений, речь должна идти об этнической толерантности.

Возникает закономерный вопрос: существует ли связь между этнической идентичностью и этнической толерантностью/интолерантностью? В качестве гипотезы выдвигается следующая идея: уровень этнической толерантности зависит от того, какой вид этнической идентичности в настоящее время преобладает в обществе.

К числу малоизученных относится вопрос о механизмах формирования установок толерантного сознания и о роли различных социальных институтов в данном процессе.

В данной статье будет сделана попытка ответить на вопрос: обладают ли СМИ потенциалом для формирования толерантных/интолерантных установок в обществе и, следовательно, влиянием на степень распространенности определенных видов этнической идентичности?

Постановка данного вопроса вынуждает определиться с базовыми понятиями, используемыми в работе, а именно: этническая идентичность и этническая толерантность.

Понятие "идентичность" как междисциплинарное стало употребляться благодаря Э. Эриксону, согласно которому идентичность – это прежде всего поиски своего "я" ("я-концепция", "я-система") в конкретном историческом контексте. Потребность в позитивной идентичности определяется Э. Эриксоном как базовая. Для раскрытия темы данной статьи следует акцентировать внимание на следующем положении теории Э. Эриксона: позитивная идентичность строится за счет негативных стереотипов "чужих". "Любая позитивная идентичность... определяется и через негативные образы, и следует признать то неприятное обстоятельство, что наша господом дарованная идентичность живет за счет унижения других" [23, с. 312–313].

Наиболее признанной теорией социальной идентичности, применяемой для анализа феномена этнической идентичности, является теория Г. Тэджфела и Дж. Тернера. Согласно их модели, базовую потребность в самоуважении индивид реализует через групповое членство. Индивиды ищут позитивные различия, сравнивая свою группу с другими [1, с. 33–47].

Таким образом, когда мы говорим о социальной идентичности, как и в случае с толерантностью, речь идет о многоуровневом и сложносоставном понятии. Этничность – это один из пластов социальной реальности, значение которого может усиливаться или уменьшаться.

Введение в российскую научную лексику термина "этническая идентичность", во-первых, несколько запоздало по отношению к западным исследователям, во-вторых, породило ряд проблем методологического характера. Возник вопрос о соотношении понятий "этническая идентичность" и "этническое самосознание", о смешении понятий групповой и индивидуальной идентичности, а также о том, насколько по-разному подходят к трактовке данного понятия сторонники конкурирующих теорий примордиализма, инструментализма и конструктивизма. В данной статье автор не ставит перед собой цели проанализировать все аспекты затянувшегося спора. Для оценки деятельности СМИ в формировании установок толерантного сознания важно обратить внимание на два момента. Сторонники умеренного примордиализма (к радикальному направлению автор относит социобиологический примордиализм, согласно которому этническая идентичность – это единство крови) рассматривают этническую идентичность как культурно детерминированный феномен, а среди характеристик культуры подчеркивают ее относительный консерватизм. Для них этническая толерантность – прежде всего проблема взаи-

Наиболее признанной теорией социальной идентичности, применяемой для анализа феномена этнической идентичности, является теория Г. Тэджфела и Дж. Тернера. Согласно их модели, базовую потребность в самоуважении индивид реализует через групповое членство. Индивиды ищут позитивные различия, сравнивая свою группу с другими [1, с. 33–47].

Таким образом, когда мы говорим о социальной идентичности, как и в случае с толерантностью, речь идет о многоуровневом и сложносоставном понятии. Этничность – это один из пластов социальной реальности, значение которого может усиливаться или уменьшаться.

Введение в российскую научную лексику термина "этническая идентичность", во-первых, несколько запоздало по отношению к западным исследователям, во-вторых, породило ряд проблем методологического характера. Возник вопрос о соотношении понятий "этническая идентичность" и "этническое самосознание", о смешении понятий групповой и индивидуальной идентичности, а также о том, насколько по-разному подходят к трактовке данного понятия сторонники конкурирующих теорий примордиализма, инструментализма и конструктивизма. В данной статье автор не ставит перед собой цели проанализировать все аспекты затянувшегося спора. Для оценки деятельности СМИ в формировании установок толерантного сознания важно обратить внимание на два момента. Сторонники умеренного примордиализма (к радикальному направлению автор относит социобиологический примордиализм, согласно которому этническая идентичность – это единство крови) рассматривают этническую идентичность как культурно детерминированный феномен, а среди характеристик культуры подчеркивают ее относительный консерватизм. Для них этническая толерантность – прежде всего проблема взаи-

модеиствия носители различных этнических культур Конструктивизм ввел ценное рабочее понятие обучения этничности. Ведущая роль в обучении отводится интеллектуальной элите, которая навязывает свое представление об этнических границах, используя потенциал подконтрольных социальных институтов: система образования, СМИ.

Автор не разделяет один из постулатов радикальных конструктивистов, состоящий в том, что этническая идентичность является легко "конструируемым" феноменом, слагающимся из произвольного набора элементов. Такое сложное явление, как этничность, не представляется возможным объяснить с помощью "единственно правильной теории". По нашему мнению, научные поиски должны сосредотачиваться в направлении синтеза трех основных теорий этничности: примордиализма, инструментализма, конструктивизма.

Таким образом, мы можем говорить об этнической идентичности как об осознании индивидом своей принадлежности к этнической общности. Этническая идентичность – результат социализации личности. Несмотря на то что стремление к позитивной идентичности имеет универсальный характер, желаемый результат не всегда достигается. Поэтому этнопсихологи совершенно обоснованно выделяют несколько видов этнической идентичности. В данной статье важно обратить внимание на три вида этнической идентичности: позитивная этническая идентичность, гиперпозитивная этническая идентичность, негативная этническая идентичность [15, с. 34, 80; 18, с. 104; 22, с. 109–111]. Г. У. Солдатова определяет позитивную этническую идентичность как такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультур-

ного взаимодействия в полиэтническом мире. Этническую идентичность по типу "нормы" характеризует высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам [18, с. 104]. Большинство исследователей относят завершение формирования этнической идентичности к старшему подростковому возрасту. Однако появился ряд исследований, в которых утверждается, что в более старших возрастных группах этническая идентичность может переосмысливаться [19, с. 35–48].

В противоположность "норме" гиперпозитивная этническая идентичность характеризуется сверхположительным эмоционально-оценочным отношением к "своим" (ингруппе) и различной степенью выраженности негативного отношения к "чужакам" (аутгруппе) [22, с. 110].

Негативная этническая идентичность определяется негативным эмоционально-оценочным отношением к "своим" при позитивном отношении к "чужим" [22, с. 111]. Таким образом, уровень этнической толерантности в обществе напрямую зависит от того, какой тип идентичности характерен для данных социальных общностей.

Следует отметить, что надежного политического механизма, позволяющего направленно формировать у граждан полиэтнического государства нормальную этническую идентичность, на сегодняшний день не существует. Исследователи идентичности среди прочих факторов воздействия выделяют как относительно самостоятельную деятельность СМИ. "Этнизация" СМИ усиливается в кризисные моменты жизни общества.

Исследования последних лет дают негативные оценки воздействия российских СМИ на уровень толерантности. Общим мнением стало признание способности СМИ создавать и усиливать негативные стереотипы "чужаков", которые являются социально-психологическим инструментом фор-

мирования гиперпозитивной этнической идентичности. Результатом исследования проблемы этнической толерантности в материалах российской прессы стала формулировка некоторых методологических подходов к анализу газетных текстов. Так, В. К. Малькова выделила вопросы, рассмотрение которых необходимо для диагностики этнической толерантности в СМИ: 1) важно выяснить, в каких этнокультурных условиях работает издание (или другое СМИ), чья деятельность подвергается диагностике; 2) важно рассмотреть и общий облик самого издания; его популярность, тип, направленность и т.д.; 3) важно рассмотреть и саму толерантную или интолерантную деятельность этого издания, изучив его содержание и все элементы текста, которые могут встретиться читателю [12, с. 103–104]. В. К. Малькова выделяет три основных метода исследования этнической толерантности в СМИ: метод анализа лексем; метод анализа этнических стереотипов; метод диагностики толерантности по идеологемам [12, с. 114–160]. До настоящего времени в научном сообществе нет даже подобия согласия по поводу роли СМИ в формировании данного стереотипа. Так, Л. М. Дробижева считает, что "антикавказские" установки россиян во многом объясняются многократными трансляциями из Чеченской Республики, показывающими чеченцев, исполняющих ритуальный танец "зикр" и отправляющих намаз [24, с. 201]. В противовес данному подходу А. В. Малашенко констатирует, что "чеченофобия" как частный случай кавказофобии состоялась вопреки усилиям большинства средств массовой информации, которые стремились создать в общественном мнении России облик несчастного, но гордого чеченца [11, с. 13].

Важно отметить, что негативное влияние публикаций в СМИ на напряженность межэтнических отношений далеко не всегда бывает осознанным. Как писал известный французский исследователь социальных проблем Пьер Бурдьё,

"случается также, что журналисты из-за неумения сохранить дистанцию, необходимую для размышления, играют роль пожарника, который еще больше раздувает пожар. Они способствуют созданию события, подняв шум вокруг того или иного происшествия (например, вокруг убийства одного молодого француза другим, тоже французом, но "африканского происхождения"), а потом начинают разоблачать тех, кто подливает масла в огонь, который они же сами и разожгли" [2, с. 84–85].

Наше исследование по проекту "Пресса, власть и этнический конфликт" выявило две основные группы пишущих о состоянии этнических отношений в Краснодарском крае. Представители первой из них выступают с позиций защиты традиционного уклада жизни и прав этнического большинства, определяя себя в качестве "патриотов". Вторая группа выступает под лозунгом защиты либеральных ценностей, прав этнических меньшинств. Для обеих групп характерно жесткое требование безусловной поддержки своей позиции и эмоциональное игнорирование аргументов противоположной стороны. При всем высоком накале их противостояния позиции этих групп очень близки, поскольку в равной мере радикальны. Они близки по целому ряду показателей: высокому уровню эмоциональности публикаций, использованию приемов манипуляции в текстах, отказу от анализа аргументов противоположной стороны по существу и подмене такого анализа разбором своих представлений о мыслях "противника", высокому уровню вовлеченности в деятельность адвокатируемых общин, движений, организаций и постоянной апелляции к их мнению. И та, и другая группа пишущих, если вернуться к определению Э. Эриксона, "живут за счет унижения других". В печатных СМИ, финансируемых краевой властью, в роли "чужих" чаще всего выступают представители этнических меньшинств.

Анализ публикаций в краевых газетах за 1989–2002 гг. позволяет выделить следующие способы формирования негативных установок в отношении "чужаков".

Увеличение масштаба проблемы. Для этого способа характерно то, что реально существующая проблема подается с резким увеличением масштаба. Например, если проблема в действительности существует в ряде населенных пунктов, то в информационном сюжете она представляется общей для региона. Так, в опубликованном газетой "Кубань сегодня" обращении Совета атаманов Кубанского казачьего войска говорится: "В край, где исконно преобладало русское и славянское население, в последнее время прибыло значительное количество армян, турок-месхетинцев, курдов и других этнических групп. Поселившись компактно, они принесли в станицы, города и районы Кубани иной образ жизни и буквально выжили русских из родных мест" [16]. Действительно, журналистами приведены сведения о давлении на старожильческое население некоторых хуторов и станиц со стороны мигрантов с целью покупки домов местных жителей и создания локальных этнических анклавов. Однако совершенно очевидно, что эта проблема локальна и нехарактерна для "станций, городов и районов Кубани" хотя бы в силу того, что во многих населенных пунктах края сколько-нибудь значительных по численности диаспор нет. В результате в общественном мнении Кубани возникло представление об относительном благополучии этнических отношений в своем населенном пункте и об их ухудшении по мере территориального и психологического отдаления от респондента. Это подтверждается результатами массового социологического исследования, проведенного в ноябре 2001 г. по заказу Южного регионального ресурсного центра в рамках проекта "Юг России – регион национального согласия и мира".

Связывание проблем. Взаимоувязывание в общественном мнении двух или нескольких проблем, каждая из которых обладает собственным конфликтогенным потенциалом, значительно усиливает его. Для прессы Краснодарского края характерно связывание миграционной проблемы и проблемы межэтнических отношений и тесная привязка их к острым социальным проблемам. Приведем вывод Ю. Джибладзе, сделанный в ходе осуществления проекта "Язык вражды в российских средствах массовой информации": "В Краснодарском же крае язык вражды фокусируется на проблеме миграции, это совершенно очевидно. По типам языка вражды лидируют три категории: 1) приписывание криминальных наклонностей какой-то этнической группе; 2) создание негативного образа этнической группы; 3) призывы не допустить закрепления той или иной группы на этой территории" [5, с. 14].

При этом за счет постоянной демонстрации угроз миграции для старожильческого населения миграция фиксируется общественным мнением только как иноэтничная (по отношению к доминирующему этническому большинству края), хотя национальный состав миграционного потока примерно соответствует национальному составу старожильческого населения края. В общекраевом масштабе больший отклик находит такая подача впечатлений о миграции, которая не выделяет какую-либо одну этническую общность в миграционном потоке, а акцентирует внимание на его "нерусском" характере: "Подсчитано, что сейчас каждый пятый житель края – мигрант. Все идет к тому, что очень скоро на Кубани произойдет радикальная смена этнического состава. Кто будет доминировать, нетрудно догадаться (поезжайте на побережье, походите по городским рынкам)" [7].

Акцентирование негативных стереотипов этнических "чужаков". При этом, по мнению авторов, наибольший эф-

фект имеет усиление стереотипов агрессивности и враждебности по отношению к "своей" общности или государству. Иллюстрацией этого механизма может служить опубликованное в краевой официальной газете "Кубанские новости" стихотворение "Суверенитет", начинающееся словами:

Грузины не любят Россию,
Армяне не любят Россию...[8].

Уровень ксенофобии данного стихотворения не позволяет процитировать его полностью.

В ряде печатных материалов сделана попытка систематизировать претензии, предъявляемые иноэтничным мигрантам от имени местного старожильческого населения: "Все это можно было бы объяснить и отрегулировать, если бы курды соблюдали российские законы:

- признавали традиции, обычаи, уклад жизни принявшего их населения;

- участвовали наравне со всеми в общественно-полезном труде;

- платили налоги, чтобы получать пособия и льготы;

- соблюдали элементарные правила общежития;

- как следует воспитывали своих детей и посылали юношей на службу в армию;

- участвовали в общественной жизни населения приютивших их сел... Эти "если бы" можно долго продолжать..." [14]. Сама попытка разобраться в претензиях к мигрантам, даже плохо осуществленная, полезна – с нее обычно начинается диалог. Но необходимо отметить нелогичность целого ряда претензий. Так, лица, не имеющие гражданства России, не могут служить в Российских вооруженных силах. Как было сказано в той же статье, "среди них немало лиц без российского гражданства и даже иностранных граждан". Можно констатировать, что в кубан-

ских печатных СМИ отсутствует диалог этнических общин, а также диалог по линии "местное старожильческое население – мигранты", а выражаемые СМИ претензии, как правило, имеют чрезмерно общий характер и не могут в таком виде выступать в качестве основы диалога.

Повышение эмоционального уровня проблемы. Эмоциональный накал публикаций в кубанской прессе по обсуждаемому вопросу достаточно высок. Это проявляется в подчеркнутой тревожности заголовков и текстов, что достигается через ассоциации с широко известными "горячими точками": "Кубанские Балканы?" [4], "Ферганские погромы повторяются на Кубани?" [17], "У Кубани есть шанс стать ...вторым Косово" [3] и т.д. Следующим широко практикуемым способом проявления высокой тревожности является демонстрация уровня депривации этнического большинства: "Поднимаемся с колен!" (подзаголовок материала – "Заметки с первого русского собрания Кубани") [13], "Если станут убивать русского, то никто и не шелохнется" [6], "Способны ли русские защитить себя?" [20]. Еще один конкретный способ – категорическое разделение на "своих" и "чужих", в ходе которого исчезают все полутона и формируется образ врага: "На выборы идут две общественно-политические силы. Одна – патриоты. Другая – мировая закулиса вместе с "пятой колонной", искусно играющая в многообразии политических партий, избирательных блоков и платформ" [9].

Использование фактора внешней угрозы в связи с проблемами межэтнических отношений. Особенно актуально это в отношении турок-месхетинцев, лингвистически и культурно связанных с Турцией. Среди многочисленных примеров – публикация в "газете армян Юга России" "Еркрамас" статьи "Янычары плаща и кинжала. Турецкие шпионы заплотонили Россию" [21].

Необходимо подчеркнуть, что воздействие прессы на этнополитическую ситуацию не сводится к нарушению прав меньшинств. Пресса национальных объединений использует тот же набор механизмов, что и краевые газеты. Последние годы отмечены новым явлением в информационных войнах на территории Краснодарского края – использованием функционерами одной национальной организации "нейтральной" массовой газеты против другой диаспоры. В качестве примера можно привести публикацию "Троянский конь" месхетинской проблемы. В чью пользу незаконная миграция?" за подписью "Отдел мониторинга СМИ Центра этнополитологических исследований" в газете "Кубань сегодня".

Таким образом, в условиях социального кризиса печатные СМИ используют набор выявленных механизмов (отметим, что он нуждается в детализации) для создания гиперпозитивной этнической идентичности большинства населения за счет этнических "чужаков". Открытыми остаются вопросы: насколько эти механизмы действенны и какова их роль в общем ряду факторов, влияющих на идентичность; возможно ли управление массовым сознанием не только в плане усиления негативных стереотипов, но и для решения противоположной задачи – усиления толерантности.

Библиографический список

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002.
2. Владов А. У Кубани есть шанс стать ... вторым Косово // Кубань сегодня. 2000. 23 июня.
3. Гармаш С. Кубанские Балканы? // Кубанские новости. 2001. 27 марта.
4. Джигбладзе Ю. Хейт-спич – язык вражды: Круглый стол 27 июня 2002 г. // Открытый миръ. Краснодар. 2002. № 17.
5. Если станут убивать русского, то никто и не шелохнется // Кубань сегодня. 2001. 19 янв.
6. Карасев И. Ползучий этнический переворот? // Кубанские новости. 2001. 31 мая.

7. Касмынин Г. Суверенитет // Кубанские новости. 2000. 29 нояб.
8. Кондратенко Н.И. Скажите свое слово на выборах // Кубань сегодня. 1999. 10 дек.
9. Лекторский В.А. Толерантность, плюрализм и критицизм // Толерантность и полисубъектная социальность. Екатеринбург. 2001.
10. Малащенко А. Ксенофобии в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999.
11. Малькова В.К. Методы диагностики этнической толерантности в СМИ (на примере российской прессы) // Диагностика толерантности в средствах массовой информации. М., 2002.
12. Молоканов Г. Поднимаемся с колен! // Кубань сегодня. 2000. 15 марта.
13. Нагорный Ю. Застолбились курды в Еленовке // Кубань сегодня. 2000. 28 окт.
14. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994.
15. Обращение // Кубань сегодня. 2000. 22 нояб.
16. Рыжков Л. Ферганские погромы повторяются на Кубани? // Комсомольская правда – Кубань. 2001. 21 апр.
17. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
18. Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002.
19. Харченко Н. Способны ли русские защитить себя? // Кубань сегодня. 2000. 23 июня.
20. Хинштейн А. Янычары плаща и кинжала // Еркрамас. 2001. № 11.
21. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
22. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
23. Этносоциология. М., 1998.
24. Tajfel H., Turner J. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The social psychology of intergroup relations. Montrey, 1979.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. В. Улько, Я. Н. Бурмистрова

Радикальные социальные трансформации не могут не отразиться на возможностях ориентации человека в социальном мире, определении своего места в нем, на выстраи-

вании жизненных перспектив и конкретных стратегий социального взаимодействия. В условиях "социальной нестабильности... модифицируется процесс социального познания, т.е. процесс конструирования образа социального мира, если учесть, что важным фактором этого процесса выступает активность субъекта, совершающего ментальную реконструкцию этого мира" [1, с. 257].

Многие исследователи сосредоточили свое внимание на изучении изменений социальных стереотипов и ценностных приоритетов [1; 7; 10; 13], а также общего кризиса социальной идентичности современного человека [1; 3; 5; 6; 9; 11]. Одной из ведущих человеческих потребностей является потребность в связи с окружающим миром, избежания неопределенности путем самоотождествления с какими-либо идеями, ценностями, социальными стандартами. В ситуации кардинальных социальных изменений, с исчезновением старых и возникновением новых общностей, человек испытывает затруднения в отнесении себя к определенной группе, которая дала бы ему чувство причастности и защищенности, надежной опоры в понимании сложного и противоречивого мира. Некоторые исследователи выделяют две тенденции в идентификациях россиян: обращение к группам близкого окружения (семья, друзья, товарищи по работе) и к примордиальным группам (пол, национальность) [5; 6; 9].

В поисках того неизменного, на что можно было бы опереться при определении себя в изменчивом социальном мире, человек нередко обращается к собственной этнической идентичности. Под этнической идентичностью мы понимаем осознанное человеком отнесение себя к какой-либо этнической общности. Значение этнической идентичности в процессе социального ориентирования человека, ее стабилизирующую и компенсирующую роль, устойчивость этни-

ческих стереотипов в условиях масштабных социальных изменений подчеркивает ряд исследователей [5; 8; 9; 11].

С нашей точки зрения, перспективно выявление факторов и ситуаций, способствующих актуализации этнической идентичности в сознании человека. Но прежде надо рассмотреть релевантные трактовки родового понятия "идентичность" в современной психологической литературе.

В общетеоретическом плане в психологии в настоящее время нет единой трактовки понятия "идентичность", несмотря на солидную традицию изучения. Это понятие все чаще используется психологами наряду с близкими категориями "Я-концепция", "образ-Я", "картина-Я", самость и т.п. Вероятно, притягательность идентичности заключается в возможности эмпирического исследования личности как неповторимой уникальной сущности. Однако найденный компромисс не устраняет методологических проблем анализа личности, а обостряет их. Существенной трудностью при изучении идентичности является нередуцируемость к статичной форме структур самосознания личности, которая отражается в соотношении личностной и социальной идентичности.

Одним из первых исследователей, детально разрабатывавших категорию идентичности в психологии, был Э. Эриксон [14]. Отмечая одномоментную сложность и неоднородность данного личностного образования, Э. Эриксон аналитически выделял три уровня человеческой природы: индивидный, личностный и социальный. В этом контексте личностная идентичность определяется как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности. Социальная идентичность отражает внутреннее отнесение человека к социальным группам, групповыми стандартами и идеалами. Выделение личностной (персональной) и социальной составляющих идентичности характерно для подавляющего большинства работ данной тематики.

Во многих современных теориях идентичности получило развитие соотношение личностной и социальной сторон идентичности. Г. Тэджфел, выступая против десоциализированного взгляда на человека, вводит исследование идентичности в более широкий и определяющий ее содержание социальный контекст [2; 3; 13]. Он соотносит идентичность, в первую очередь социальную, с понятием социальной категоризации и рассматривает разнообразные формы взаимодействия как некий континуум между полюсом социального поведения, полностью обусловленного фактом групповой принадлежности, и полюсом, преимущественно определяющимся индивидуальными характеристиками субъектов взаимодействия. Роль регулятора в этом процессе выполняет Я-концепция человека, которая включает в себя две равнозначные подсистемы – персональную и социальную идентичности. Персональная идентичность – это структура, представленная самоопределениями человека в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт, а социальная – в терминах категоризации принадлежности к различным социальным группам. Социальная идентичность включает два основных аспекта: знание принадлежности к группе и эмоциональную значимость для человека группового членства. Автор концентрируется на изучении социальной идентичности, на анализе сложного процесса осознания группового членства и подчеркивает зависимость характера идентичности от широкого социального контекста и типа общества.

Дж. Тернер в теории самокатегоризации формулирует идею о том, что идентичность человека есть результат процесса его самокатегоризации [1; 3]. Этот процесс может происходить на различных уровнях в форме личностной и социальной самокатегоризации. Автор отмечает наличие реципрокной взаимозависимости между этими двумя под-

системами. По его данным актуализация личностного уровня идентичности подавляет социальный полюс самокатегоризации и наоборот. Следовательно, актуализация конкретного уровня будет зависеть от конкретной социальной ситуации взаимодействия, от специфики включенных в нее групп.

Иерархическая уровневая организация социальной идентичности также находит свое отражение в работах В. А. Ядова [9]. Как подчеркивают Е. П. Белинская и О. А. Тихомандрицкая, "личностные и социальные компоненты являются частью одного целого... и в этом смысле преобладание тех или иных из них не хорошо или плохо; различие лишь в актуализации того или иного уровня абстрагирования при самокатегоризации" [3, с. 247].

Х. Маркус анализировал отношения изменчивости и стабильности идентичности, представлений о собственном Я [3]. Автор приходит к мысли об относительности содержания представлений, о том, что эти представления формируются и реально проявляются лишь в динамике социальных взаимодействий на микро- и макросоциальном уровнях. Х. Маркус предложил ввести понятие "рабочая Я-концепция", определяемое как представление о себе в данное время и в заданной социальной ситуации взаимодействия.

Дж. Марсиа, исследуя структурные компоненты статуса идентичности, высказывает положение о том, что феноменологически тот или иной вид идентичности проявляется через наблюдаемые паттерны решения проблем. Он отмечает, что для актуализации того или иного вида идентичности необходима ситуация социального выбора [3].

Существенным представляется вопрос о различении сознательного и бессознательного членства в группе. К одним социальным группам человек принадлежит по рождению (пол, раса, этническая принадлежность и т.д.), а другие

группы он выбирает сознательно (профессиональная группа, общественная организация, клуб и т.п.). С. Московиси высказал предположение о возможной взаимосвязи двух видов идентичности. Однако, как отмечает Г.М. Андреева, вопрос остается недостаточно исследованным на экспериментальном уровне [1].

По мнению выдающегося современного социального психолога, автора этогенической теории Р. Харре, следует переключить свое внимание с поиска "Я как сущности" на методы конструирования, творения Я [2; 12; 13]. Автор полагает, что представления человека о себе всегда связаны с контекстом взаимодействия и могут меняться в зависимости от конкретной ситуации; следовательно, анализ идентичности человека нужно переносить в сферу социального дискурса. Этот вывод созвучен некоторым представлениям К. Гегена о том, что все объяснения социально-психологических феноменов должны осуществляться в контексте значимых событий времени [4].

Обобщая отмеченные особенности в трактовке категории "идентичность" в социально-психологической литературе, подчеркнем существенное для нашей работы положение, что во многих современных социально-психологических теориях и более частных эмпирических исследованиях авторы указывают на сложность изучения идентичности как некоторого постоянного и четко структурированного психического феномена, который поддается описанию и изучению в рамках самого субъекта (Х. Маркус, Дж. Марсиа, С. Московиси, Дж. Тернер, Г. Тэджфел, Р. Харре, Л. Чанте, Э. Эриксон, В.А. Ядов и др.). Отмеченные рассуждения подводят нас к необходимости исследовать факторы межличностного и межгруппового социального взаимодействия, которые актуализируют определенную идентичность человека.

В нашем эмпирическом исследовании мы стремились выявить, в каких ситуациях актуализируется этническая идентичность и какие факторы влияют на этот процесс. Сбалансированная выборка состояла из 100 жителей Краснодарского края в возрасте от 25 до 40 лет. Независимыми переменными выступали этническая принадлежность (армяне и русские), пол, место проживания (город или сельская местность). Также учитывался этнический состав территориальной общности проживания.

На первом этапе мы выявляли значимость этнической идентичности. Для этого использовалась методика Е.Н. Даниловой [5], содержащая следующие объекты групповой идентификации: 1) ближайшее окружение: семья, друзья, близкие; 2) профессионально-производственный признак: товарищи по работе, учебе, коллеги по профессии; 3) статусно-имущественный признак: люди, имеющие тот же достаток, нужду и т.п.; 4) социальное положение и отношение к собственности: наемные работники, ведущие собственный бизнес и т.п.; 5) возрастная когорта: люди своего возраста, поколение; 6) этническая или территориально-поселенческая общность: люди своей национальности, те, что живут в том же городе, деревне; 7) ценностные и политические ориентации: люди одинаковых политических взглядов и позиций, те, кто не интересуется политикой, кто не утратил веры в будущее, кто уважает местные традиции и т.п.; 8) сходные поведенческие стратегии (локус-контроля): кто не ждет манны небесной, а сам делает свою судьбу и свою жизнь, кто не любит "высовываться", предпочитая жить как большинство людей, кто уверен, что от его действий мало что зависит; 9) гражданство: россияне, граждане СНГ, "советский народ", все люди на планете; 10) оценка собственных достижений: кто достиг успеха и материальной независимости, кто утратил возможность достичь своих целей в жизни.

В приведенной классификации территориальная и этническая идентичности объединены в единый класс. Применительно к полиэтничному региону, каким является Краснодарский край, было важно эти две категории учитывать отдельно. Респондентам предлагался для ранжирования список из десяти групп, из которого они должны были поставить на первое место наиболее ценностно и эмоционально значимую.

Затем методами интервью и анкетирования выявлялась специфика ситуаций, в которых актуализировалась этническая идентичность. На интервью согласились 40 чел.; анкетирование проводилось на всей выборке. Анкета содержала вопросы о наиболее часто упоминавшихся в интервью ситуациях и два варианта ответа (например: "Как бы Вы отнеслись к тому, если бы кто-то из ближайших родственников вступил в брак с человеком другой национальности: а) предпочел бы видеть "нашего" избранника; б) национальность в браке не имеет значения").

Во всей выборке этническая принадлежность получила 2,5 ранг (вместе с профессионально-производственной группой) после идентификации с ближайшим окружением, территориально-поселенческая – 6 ранг. Результаты подтвердили высокую значимость этнической идентичности и обоснованность различения этнической и территориальной идентичности.

Также были обнаружены особенности актуализации этнической идентичности у представителей различных этнических групп. Представители обоих этносов идентифицировали себя прежде всего с ближайшим окружением: семьей, родственниками, друзьями. Второй ранг у армян получила категория этнической принадлежности, тогда как у русских она заняла более низкую позицию (3,5 ранг). Этничность более актуализирована у жителей сельской мест-

ности (ранг 1,5), чем у городских жителей (3,5 ранг). Особенно это было характерно для респондентов из мест компактного проживания иного этноса.

Для респондентов-армян само проживание на "чужой" территории актуализирует их этническую идентичность. Для русских в целом этническая идентичность менее актуальна, однако если они находятся в меньшинстве (проживают в армянском поселке), то у них также актуализируется этническая идентичность. Поэтому можно говорить о феномене "малой нации" не только в масштабах государства, но и в рамках конкретного территориального поселения.

У русских и армян этническая идентичность сильнее актуализируется, если взаимодействие ограничивается только какой-то одной "иной" национальностью (на это указали 21 % испытуемых). Если взаимодействуют представители сразу нескольких этносов, то этническая идентичность актуализируется не так сильно, даже при численном преобладании одного этноса.

Отметим, что и среди армян, и среди русских респондентов территориально-поселенческая характеристика оказалась менее значимой, чем этническая. Однако у армян территориально-поселенческая идентификация получила более высокий (5) ранг, чем у русских (7 ранг). Возможно, этот факт объясняется проявлением некоторой психологической компенсации ситуации проживания на территории "не своей" нации.

Было установлено, что актуализация этнической идентичности связана с общей социально-политической ситуацией в стране, с наличием или отсутствием какой-либо напряженности этнического характера и текущими событиями. На это указали 78 % респондентов. Для армян важной оказалась также ситуация в Армении и на других территориях компактного проживания этнических армян. В связи с этим многие

опрошенные (30,5 %) отмечали важность освещения событий в СМИ; высказывалось удивление, что чаще сообщают о негативных событиях, а когда "люди разных национальностей дружно живут, то про это и не говорят".

В ходе исследования подтверждено влияние близкого контакта с представителями другого этноса на актуализацию этнической идентичности: все опрошенные отметили важность повседневного опыта взаимодействия с представителями других национальностей. Причем 35 % упомянули о появлении иноэтнического элемента в своем ближайшем окружении. Были формулировки подобного рода: "появились соседи-армяне, думал, что изменится моя спокойная жизнь, я ведь русский", "у меня в отдел пришел на работу новый сотрудник, не наш", "когда в школе у ребенка появился новенький, да не один", "сейчас мой двоюродный брат собирается жениться на русской, не знаю, как она уживется с нами". Возможно, такие ситуации сами по себе характеризуются неопределенностью и неуверенностью в дальнейшем ходе взаимодействия и несут некоторую угрозу для человека, в результате чего актуализируется соответствующая этническая идентичность.

Обнаружилось, что ситуации, связанные с актуализацией этнической идентичности, получали различную эмоциональную окраску у русских и армян.

В большинстве случаев (55 %) представители русского этноса приводили в пример положительно окрашенные ситуации ("наши выиграли в футбол", "недавно слесарь из нашей бригады чудом жив остался, вот такой у нас характер", "гуляли три дня, русские любят погулять", "мы достойно им ответили" и т.п.). Респонденты армянской национальности, говоря об актуализации этнической идентичности, упоминали в основном ситуации, носящие отрицательный эмоциональный характер ("нас несправедливо обиде-

ли", "во все времена армяне сильно страдали", "у нас не легкая судьба" и т.п.). Часто упоминая конкретную реальную ситуацию из собственного опыта, они делали обобщающие заключения или обращались к историческому прошлому своей нации (30 %). Армяне более болезненно реагировали на оскорбление своего народа, выражали большую готовность к "защите своей нации" и национального единства.

Общими оказались негативно окрашенные ситуации, связанные с реальными (или считаемыми таковыми) столкновениями между представителями разных национальностей и актами насилия в недалеком территориальном окружении ("вот недавно был случай, я сам видел", "говорят в соседней станице они..." и т.п.).

Различной оказалась актуализация этнической идентичности в ситуации получения помощи, обеспечения защиты и групповой поддержки со стороны "своих". Для респондентов-армян данная ситуация способствует актуализации их этнической принадлежности, ее отметили как значимую 64 % опрошенных. Среди русских эта ситуация обычно не актуализировала этническую идентичность.

В исследовании было показано, что этническая идентичность не всегда одинаково значима. Одни факторы и ситуации способны выводить этническую идентичность из латентного состояния и влиять на ее актуализацию в сознании человека. Другие факторы сохраняют стабильность и не подвержены изменениям. Этническая принадлежность, место проживания (город, село), этнический состав и особенности его распределения в месте проживания оказывают влияние на степень значимости идентификации человеком со своей этнической группой.

Существенное влияние имеет макросоциальная ситуация в сфере национальных отношений, а также характер полу-

чения информации о ней. Ряд ситуаций актуализирующих этническую идентичность, связан с межличностными ситуациями взаимодействия с представителями других национальностей. Практически все описанные ситуации, актуализирующие этническую идентичность личности, сопровождались (а возможно, и запускались) процессами межгруппового и межличностного социального сравнения, активизировали в сознании человека понимание и оценивание своей и другой этнической группы.

В дальнейшем мы продолжим изучение типов ситуаций, в которых происходит актуализация этнической идентичности, чтобы выделить их структурные элементы, зафиксировать механизмы влияния ситуации.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная психология XX столетия: теоретические подходы. М., 2001.
3. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: Учеб. пособие. М., 2001.
4. Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологический журнал. 1995. № 6.
5. Лебедева Н.Н. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поиска самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3.
6. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова, М., 2001.
7. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
8. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М., 1993.
9. Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002.
10. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М., 1997. С. 97–104.
11. Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2.
12. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999.
13. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

И. В. Мирошниченко

Политические ценности, являясь сложным и многомерным объектом, оказывают влияние на политический процесс и выступают интегративной основой для малой и большой социальной группы, нации. По мнению А. И. Лебедева, "самовыражение человеком своих политических интересов и целей прежде всего осуществляется на основе его способности ориентироваться в политическом пространстве за счет наделения значимых объектов тем или иным смыслом. Осуществляя смысловую ориентацию в политической сфере своих интересов, человек последовательно и постепенно формирует некие стандарты, принципы мышления и поведения, по отношению к которым он вместе с другими людьми чувствует некое позитивное отношение и согласие. Это и есть политические ценности, которые вырабатывают устойчивые способы восприятия и отношения человека к политической действительности" [9, с. 42]. Политические ценности отражают не столько динамические аспекты индивидуального опыта, сколько различные аспекты политического бытия, присваиваемого индивидом в результате социализации. С одной стороны, представляя внутренний мир человека, они структурируют, упорядочивают для индивида картину политического мира; а с другой стороны, носят надындивидуальный характер, так как сами по себе не способны направлять специализи-

рованную деятельность в качестве ведущих духовных ориентиров. Лишь те взгляды и представления, которые человек обрел в процессе адаптации и ориентации в политической среде, могут иметь для него смыслодержущее значение [12, с. 7].

Развитие политической системы в России тесно связано с конкуренцией альтернативных проектов реформирования и развития политических структур российского общества. Ценностные предпочтения субъектов политического процесса выступают в качестве мотиваций той или иной программы развития.

Любая социальная группа является потенциальным субъектом отношений в сфере государственной власти. Становление ее реальным, действующим субъектом политических отношений, практически использующим свои ресурсы в целях изменения характера функционирования государственной власти и управления, представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит от многих внутренних и внешних для группы причин. К внутренним причинам можно отнести:

- сплоченность группы, способность ее к самоорганизации, социальному сближению ее членов;
- наличие в ней лидеров, способных объединить группу для решения определенных задач;
- наличие у группы многих нерешенных проблем;
- преобразование исходящих от принадлежащих к группе граждан социальных эмоций и ожиданий в четкие и определенные политические цели и требования (процесс артикуляции).

К внешним причинам, оказывающим влияние на процесс становления социальной группы как субъекта политических отношений, следует отнести избирательный процесс в государстве, регионе; политический кризис, который обостряет

нерешенные проблемы в социуме; активность других (конкурентных, оппозиционных) социальных групп и т.д.

Деятельность социальных групп может проявляться не только посредством политических партий и движений, участия в избирательном процессе, в представительных органах государственной власти и местного самоуправления, но и в деятельности различного рода профсоюзов, лоббистских группировок, акциях протеста и абсентеизма. В связи с этим огромное значение придается исследованию динамики ценностных ориентаций социальных групп, так как именно в структурах сознания заключены основания социальной и политической модернизации российского общества [7, с. 36].

Современное российское общество можно представить как своего рода "коктейль" переходного состояния, где существуют и сформировавшиеся еще при социализме социальные страты и группы, и те, которые могли возникнуть только в процессе рыночных реформ. Социальные общности (группы) можно разделить на номинальные (статистические) и реальные. Социологи чаще всего имеют дело с номинальными группами, т.е. совокупностями людей, выделяемых по некоторым признакам, имеющим смысл для целей конкретного исследования (например, группы по полу, возрасту, уровню дохода или комбинации нескольких таких поддающихся измерению характеристик). Например, горожанами считаются все проживающие на территориях, формально отнесенных к городским. Реально же зона распространения городского стиля жизни и свойственных городу отношений и связей между людьми может не совпадать с административными границами. В этом случае (если использовать тот же пример) горожанами будут считаться люди, живущие в городе и ведущие городской образ жизни, с высокой степенью разнообразия трудовой и досуговой

деятельности, преимущественно индустриальным и информационным трудом, высокой профессиональной и социальной мобильностью, высокой плотностью человеческих контактов при анонимности и формализованности общения и т.д. Ясно, что при этом статистическая группа "горожане" лишь какой-то своей частью отвечает критерию урбанизированности, т.е. не все жители городов относятся к реальной группе горожан. Реальные группы выступают субъектами и объектами реальных отношений (власти, эксплуатации и т.д.) [14, с. 254].

Социально-профессиональные группы можно причислить к реальным, потому что они наряду с формальным образованием, заключающимся в практическом или теоретическом обучении и усвоении соответствующего образа жизни [2], обладают потребностями и интересами, общими социальными нормами, общими ценностями, взаимной идентификацией, сходной мотивацией, символами. Для них характерны самовоспроизводство, отличная от других групп система социальных связей. Социально-профессиональная группа – это общность, члены которой коллективно взаимодействуют больше друг с другом, чем с людьми извне. Как показывают проведенные нами исследования, для большинства членов социально-профессиональных групп трудовой коллектив является второй семьей, где обсуждаются и решаются не только профессиональные вопросы, но и личные, бытовые проблемы.

Формирование политических ценностей представителей социально-профессиональных групп тесно связано с профессиональной деятельностью и профессиональной социализацией человека, который большую часть общего времени в зрелом возрасте проводит на работе. В постсоветском российском обществе профессиональная идентификация занимает одно из лидирующих мест – до 76 % в период по-

литического кризиса 1991–1993 гг. [4] – на фоне скромных позиций географических и гражданских идентификаций [6, с. 57]. Следовательно, данная идентичность для россиян одна из базисных, поскольку связана с первичными общностями, с помощью которых в периоды кризиса люди стремятся восстановить свой жизненный мир сопричастностью близким, "своим".

В опросе июня 1998 г. по представительной российской выборке, около половины респондентов, отвечая на вопрос "С кем и в какой степени испытывали чувство общности", выбрали позиции, связанные с профессией и рабочим коллективом [13, с. 7]. По мнению В.А. Ядова, в настоящее время отмечается стабильное доминирование первичных групп и общностей над вторичными, т.е. уход людей в частную жизнь, в насущные заботы. Под первичными группами автор понимает группы повседневных практик, к которым он относит семью, друзей, представителей одного поколения или одной профессии, товарищей по работе. Под вторичными (воображаемыми или конструируемыми) общностями подразумеваются такие общности или группы, которые созданы в сознании людей средствами СМИ или межгрупповой коммуникацией. Члены вторичной общности – это люди, имеющие тот же достаток, национальность, взгляды, ориентации, интересы [16, с. 167–168].

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ИЮНЕ 1998 г., %

С кем испытывали чувство общности	Часто	Иногда
Со своей семьей	79,6	17,0
С друзьями	74,4	21,1
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь или верования	52,9	36,9
С людьми своего поколения	51,9	41,3
С товарищами по работе, учебе	51,3	35,5
С людьми той же профессии, рода занятий	50,7	38,8
С людьми той же национальности	45,4	42,1
С людьми того же материального достатка	42,5	44,0

В процессе профессионального становления "происходит накопление фиксированных знаний и социальных регуляторов в данном профессиональном сообществе" [5, с. 84], что в значительной мере влияет на восприятие и познание человеком мира, в частности и политического. "Любая профессия как род занятий, любая специальность как вид деятельности предъявляют к личности человека определенные требования, накладывают свою печать на весь образ жизни работника и его облик. Особенности профессиональной деятельности ставят перед человеком, выполняющим её, одни и те же повторяющиеся задачи, задания. Их ежедневное решение и выполнение на протяжении длительного периода времени формируют у человека определенные профессиональные знания, умения и навыки, профессиональные привычки, определенный склад мышления, столь же определенные качества личности. Сама профессиональная деятельность способствует не только проявлению каких-то свойств и качеств человека, но и формированию профессиональных особенностей личности" [8, с. 115]. Профессором О. Г. Кукосяном были изучены профессиональные особенности познания людьми друг друга. Объектом исследования стали представители пяти типов профессий: юристы (тип "человек – человек"), экономисты (тип "человек – знаковая система"), биологи (тип "человек – природа"), физики (тип "человек – техника"), художники (тип "человек – художественный образ"). Выявленные профессиональные особенности восприятия человека человеком и формирования понятия о другом человеке как личности выражались в избирательности отражения свойств личности; отбирались субъективно наиболее значимые компоненты для оценки как личности: юристы, прежде всего, обращали внимание на отношение к себе, физики – на отношение к людям, биологи – на отношение к природе и ве-

шам, экономисты – на образ жизни, художники – на темперамент. Были обнаружены профессиональные стереотипы познания других людей [8, с. 52–53].

Глубокое усвоение профессиональных нормативов и стереотипов дифференцирует и упорядочивает образ мира человека, определяет стиль его жизни. Речь идет о механизмах социального познания, его суть заключается в построении человеком определенной картины мира, частью которого человек осознает себя, в котором он живет и действует. "Иными словами, человек не просто фиксирует внешние связи и отношения, но и реконструирует их, т.е. неизбежно строит образ окружающего мира, или конструирует его. Под конструированием понимается приведение в систему информации о мире, организации этой информации в связные структуры с целью постижения ее смысла" [1, с. 182]. Ценностные ориентации личности при этом служат тем фундаментом, на котором формируется "образ" мира человека.

В связи с этим представляется важным изучение политических ценностей социально-профессиональных групп как общностей, являющихся носителями системных качеств, не сводимых к характеристикам индивидов, входящих в ее состав. Данные группы, будучи реальными, обладают "свойством самовоспроизводства как совокупности деятельности, так и совокупности потребностей и ценностей" [14, с. 255].

Всероссийский опрос, проведенный Фондом "Общественное мнение" в начале 1993 г., выявил серьезные различия в ориентации отдельных социально-профессиональных групп на важнейшие политические ценности российского общества: мир, законность, безопасность, стабильность, порядок, свобода [10, с. 44]. Среди руководителей и работников аппарата управления намного больше, чем в среднем по

выборке, тех, кто считает важнейшим приоритетом законность, у предпринимателей и студентов на первом месте свобода, у рабочих – порядок, у колхозников – мир, у специалистов – стабильность, у безработных – безопасность. Эти и другие данные свидетельствуют о том, что каждая социальная группа имеет свой набор схем восприятия, осмысления и оценки явлений политической жизни. У каждой группы есть не только особые интересы, но и свой способ их реализации, свой стиль политической жизни.

В. П. Горяиновым была проведена эмпирическая классификация жизненных ценностей россиян в постсоветский период на основе данных опроса Фонда "Общественное мнение". С помощью данной классификации был разработан список слов-ценностей, которые в социологических исследованиях и мониторингах общественного мнения могут служить четкими индикаторами интеграции и дифференциации общественного сознания. В. П. Горяинов выделил три уровня слов-ценностей: центральные, промежуточные и периферические. Основанием автору служил рейтинг их популярности у различных социальных групп. К первому уровню – центральному – относятся слова-ценности, которые выбрали в качестве важных более половины социальных групп, ко второму и третьему уровню – соответственно 25–50% и менее 25% социальных групп. Но отношение к ценностям у разных социальных групп может быть и единообразным, что способствует интеграции общества, и противоречивым, что ведет к его дифференциации. Поэтому представленный тип классификации дополняется классификацией каждой из выявленных групп слов ценностей по ее интегрирующей или, наоборот, дифференцирующей роли в обществе. В.П. Горяинов приводит следующую итоговую "ценностную арифметику". На "центральном" уровне активно-дифференцирующих (имеющих более высокий рей-

тинг) слов-ценностей в 3,5 раза больше, чем пассивно-дифференцирующих (имеющих минимальный рейтинг), причем чисто интегрирующих и дифференцирующих об-щество слов-ценностей – поровну. Автор делает вывод о дезинтеграции общественного сознания в сфере "центральных" слов-ценностей. Проведенный анализ показывает также, что в целом активно-дифференцирующих "цен-тральных" слов-ценностей в 3,5 раза больше, чем пассив-ных [3].

Можно говорить о том, что в каждой социально-профессиональной группе существует определенный набор ценностей, который отличает ее от других групп. Следова-тельно, представляется важным изучение ценностных ори-ентаций различных групп, так как посредством их образу-ются поля-структуры в общественном порядке страны и ее политической системе. Как считает М. Кастельс, в мире со-храняется стремление людей к локальным жизненным ин-тересам, социально-профессиональным, этногрупповым и иным коллективным формам привязанностей. Люди произ-водят ценности групповой солидарности и пытаются при этом сохранить прежние социокультурные традиции (на-пример, тягу к обособлению и самоутверждению), вырабо-тать новые настроения, отвечающие социальной (информа-ционной, политической и иной) стратификации социума [13, с. 137].

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Трудности социального познания: "образ мира" или реальный мир? // Социальная психология в современном мире. М., 2002.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5.
3. Горяинов В.П. Эмпирическая классификация жизненных ценно-стей россиян в постсоветский период // <http://www.politstudies.ru/full-text/1996/4/5/htm>.

4. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-00dan.html>.

5. Ермолаева Е.П. Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4.

6. Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80-90-е годы) // Социс. 1995. № 1.

7. Козлова Н., Рылеева С., Степанов Е., Федотова В. Ценностные ориентации – предпосылка программ переустройства общества // Общественные науки и современность. 1996. № 4.

8. Кукосян О.Г. Избранные труды. Кн. 4. Проблемы психологии общения, социальной перцепции. Краснодар, 2002.

9. Лебедев А.И. Политические ценности как сложный и многомерный объект // Вестн. МГУ. Сер. Полит. науки. 1999. № 2.

10. Лебедева Н.Н. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3.

11. Полис. 1993. № 6.

12. Соловьев А.И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестн. МГУ. Сер. Полит. науки. 1995. № 2–3.

13. Соловьев А.И. Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей. Принципы и практика политических исследований. М., 2002.

14. Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4.

15. Шкаратан О.И., Сергеев Н.В. Реальные группы с социальной структуре современной России // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000.

16. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ О "СОЦИАЛЬНОМ ЗАВТРА" НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Г. Ю. Трофимова

Образы "социального завтра" и "Я в будущем" оказывают существенное влияние на актуальное личностное и дальнейшее профессиональное самоопределение [2, с. 135]. В настоящее время большинство исследователей выделяют в структуре Я-концепции не только реальное и идеальное, прошлое и будущее Я, но и потенциальное, возможное, или ближайшее и наиболее вероятное будущее, взятое в тесном, определяющем влиянии реального социального окружения.

Взятые в единстве, они все чаще в социальной психологии объединяются понятием "перспективная идентичность", которая понимается как образ "*Я в будущем*", включающий в себя будущую персональную и социальную идентичность субъекта. В сущности, это актуализация одного из "возможных Я", в определенном социальном окружении.

Развитие представлений о временных модусах Я-концепции во многом стимулировалось динамикой представлений об идентичности. Во-первых, это касалось собственно структурных характеристик идентичности. Во-вторых, во многом по аналогии с "будущим Я" и под влиянием идеи о существовании множества "возможных Я" в структуре идентичности стали выделять новые компоненты [3, с. 224]. Сегодня традиционная проблема времени Я-концепции в ее мотивационном значении все более реализуется как раз через исследования "перспективной идентичности" – тех идентификационных характеристик личности, которые отнесены в будущее.

В современном обществе выбор профессии для большинства людей является важнейшим обязательным (т.е. вынужденным и неизбежным) выбором, за который они сами будут нести ответственность. Используя два параметра – явленность субъекту всех возможных альтернатив и критериев для их сравнения, Д.А. Леонтьев предлагает следующую классификацию актов выбора профессии:

- простой выбор: есть и альтернативы, и критерии для их сравнения;
- смысловой выбор: есть альтернативы, но нет готовых критериев для сравнения и субъекту предстоит их выработать;
- личностный, или экзистенциальный выбор: отсутствие или неполнота альтернатив требует их конструирования [4, с. 98].

Сами по себе знания о множестве профессий не делают их автоматически альтернативами профессионального самоопределения. В рассматриваемой нами ситуации (профессионального самоопределения) многие, если не все альтернативы, подлежащие рассмотрению, являются недостаточно определенными, и прежде всего это касается тех следствий, которые повлечет за собой выбор субъектом того или иного варианта действий.

Реальными альтернативами они становятся лишь тогда, когда приобретают определенный личностный смысл, т.е. вписываются в контекст жизненного мира и образа себя самого в будущем. Под влиянием сделанного выбора из альтернатив формируется образ возможного будущего. Образ себя успешного или неуспешного в будущем "творит" реальный успех или неудачу. В социальной психологии этот феномен получил название "самоосуществляющегося пророчества".

В русле теорий рационального действия выдвигается следующий постулат: для оптимального выбора в ситуации профессионального самоопределения необходимо обладать навыками прогнозирования и конструирования собственной жизни как "воображаемой картины взаимосвязи жизненных событий и экстраполяции этой картины в будущее" [4, с. 123].

И хотя Я современного человека постоянно настроено на выбор из множества альтернатив, исследования показывают, что большинство людей, достигших соответствующего возраста, оказываются неготовыми как к самому выбору, так и к принятию ответственности за него [3, с. 36].

Подростковый и юношеский этап социализации – это возраст поиска идентичности, основанного не на актуальном положении личности в обществе, но связанного с будущей системой выборов, т.е. на его будущем, еще не подтвержденном реальными достижениями, положением в обществе [1, с. 27]. Иными словами, это возраст создания идентичности, отнесенной в будущее, т.е. перспективной идентичности.

Чтобы охарактеризовать перспективную идентичность подростка в ситуации профессионального самоопределения, мы использовали метод контент-анализа сочинений двух групп школьников на темы: "Один день моего "светлого будущего" в моей профессиональной карьере" и "Один день моего "темного будущего" в моей профессиональной карьере".

В первую группу вошло 35 учащихся *гимназии* г. Краснодара, где предметы ведутся по специальной программе, но являются равнозначными; во вторую – 25 учеников общеобразовательной школы с углубленным изучением *музыки*, где с первого класса вводятся такие специальные (профессиональные) предметы, как сольфеджио и хо-

ровое пение, включаемые в аттестат об окончании школы. Посылкой именно такого выбора школ и соответственно формирования сопоставляемых групп было два основных предположения.

1. Ранняя и более четкая профессиональная направленность процесса обучения может создавать условия для формирования у подростка адекватной Я-концепции, которая поможет ему сделать оптимальный выбор, т.е. к моменту окончания средней школы молодой человек способен для себя разрешить противоречие "хочу-имею" и "иметь-быть" в ситуации дальнейшего профессионального выбора. Чтобы сделать оптимальный выбор в ситуации профессионального самоопределения, необходимо обладать навыками построения воображаемой картины и экстраполяции этой картины в будущее. Очевидным является то, что для этого познавательная сфера выпускников должна быть сформирована.

2. В описании своего будущего подростки предпочитают модели социального поведения своего ближайшего окружения в зависимости от уровня материальной обеспеченности и образования родителей. Формирование образа "Я-профессионал" есть актуализация одного из "возможных Я", взятого в социальном окружении. Иными словами, целевое планирование жизненной перспективы у подростков характеризуется низкой субъективной вероятностью ее реализации, это можно объяснить тем, что вместо постановки реальных жизненных целей принимается некий *образ себя в будущем*, опирающийся на некий *стереотип*, отражающий ценности тех социальных групп, к которым они принадлежат.

Участникам предлагалось также заполнить анкету, где указывались: возраст, пол, состав семьи, наличие образования у родителей (или значимых взрослых), достаток семьи

(с точки зрения самого респондента). В инструкции всем испытуемым предлагалось перед началом работы написать, какую профессию они намерены выбрать, и перечислить последствия для них этого выбора в виде картины "темного" и "светлого" будущего.

Было выделено 14 элементов содержания.

1. *Описание выбора.* Несмотря на то что инструкция предполагала выполнение работы в форме описания последствий выбора, не все испытуемые следовали инструкции. Полученные описания можно было разделить на два типа: описание следствий выбора (согласно инструкции) и описание причин, согласно которым альтернатива может быть принята или отвергнута.

2. *Показатель общей дифференцированности представлений:* количество разных (неповторяющихся) суждений о различных сферах предвосхищаемого будущего.

3. *Описание внешних профессиональных возможностей или преимуществ, возникающих вследствие данного выбора,* например: "я получила интересную роль" или "я зарабатываю много денег".

4. *Указание на значимость (или отсутствие таковой) школы и учителей, оказавших влияние на выбор,* например: "благодаря моему педагогу по вокалу я знала, что буду учителем пения", "в школе нас научили нормально относиться к неудачам во время концерта" или "куда я буду поступать, я узнала от родителей".

5. *Описание "упущенных возможностей", а также "внешних помех" при осуществлении выбора той или иной профессии,* например: "я могла поступить на юридический факультет, но пошла работать реализатором", "мама была против того, чтобы я стал певцом", "чтобы поступить на экономический факультет, нужно много денег, а у нас их нет".

6. *Описание собственных действий в рамках профессиональной деятельности*, например: "я, как попугай, повторяю заученные наизусть фразы" или "перед каждым выходом на сцену я обязательно делаю специальные упражнения".

7. *Психологические последствия реализации того или иного профессионального выбора*, т.е. констатация личностных изменений в соответствии с требованиями профессии, например: "у меня изменилось отношение к боли и исчезло отвращение при виде крови" (врач) или "я стала более терпеливой и внимательной к людям" (учитель).

8. *Описание объективных событий вне профессиональной деятельности, которые стали следствием выбора*, например: "я вышла замуж за известного актера", "я потеряла прежний круг общения" или "я вышла замуж, потому что не поступила учиться".

9. *Описание действий вне профессиональной жизни*, например: "в свободное время я занимаюсь любимым делом", "если я хочу отдохнуть, то провожу время в кругу своей семьи".

10. *Описание психологических изменений*, например: "я стала не такой жизнерадостной", "мне стыдно признаться друзьям, кто я".

11. *Указание на наличие или отсутствие способностей к данному виду деятельности*, например: "я могу отличить хорошую музыку от плохой", "я могу подобрать на инструменте практически любую мелодию", "у меня нет вокальных способностей" или "я способна увидеть прекрасное".

12. *Указание на наличие или отсутствие интереса к данной области деятельности*, например: "это мне интересно" или "интересно работать различными методами".

13. *Указание на престижность выбранной профессии и оценка финансового положения в соответствии с выбо-*

ром, например: "всем известно, что адвокаты богатые люди", "психолог – очень модная профессия" или "экономист всегда будет иметь кусок хлеба".

14. *Указание на роль родителей или других значимых близких в том или ином выборе*, например: "в моей семье все мужчины военные", "я с детства купалась в музыкальных звуках", "родители мне помогут сделать выбор" или "моя тетя – психолог, я решила идти по ее стопам".

Данная работа носит поисковый характер, анализ полученных результатов требует более детального изучения. Однако можно предположить, что своего рода инструментом для развития способности конструировать возможные варианты будущего является ранняя профессионализация процесса обучения. Именно учащиеся школы с углубленным изучением музыки проявили достаточно высокую степень способности к осмыслению своей жизни, которая выражается в более глубоком анализе последствий возможных событий независимо от их эмоционального знака. Показатель общей дифференцированности представлений и показатель описания субъективных последствий выбора, а именно изменение собственных психологических характеристик, у представителей второй группы гораздо выше.

Представления о будущем у подростков не только отражают особенности их половой и социальной принадлежности. Они либо определяются содержанием господствующих социальных стереотипов, либо основываются на подражании "престижным" социальным моделям, гарантирующим определенный достаток и стиль жизни. В итоге нами были выделены 3 группы подростковых представлений о своем социальном будущем (перспективной идентичности).

1. Анализ сочинений у первой группы показал относительную однородность и однотипность в предпочтениях как в выборе профессий, так и стиля жизни, связанного с ней. Здесь

преобладали так называемые модные профессии: турагент, менеджер, экономист, журналист, банковский работник, адвокат, посол, "работа только за границей" и т.п. Жизнь представляется достаточно обеспеченной и мобильной.

2. Представители второй группы также были единодушны в своих предпочтениях, но в ином роде. Почти все участники опроса видели себя в роли покорителей "вершины Парнаса". Абсолютное большинство выразило готовность участвовать в различных музыкальных конкурсах, в том числе популярных сегодня ("Фабрика звезд", "Народный артист"). Вполне зрелым был анализ последствий в случае неудачи. Вариант благополучной и материально обеспеченной жизни возможен только в случае, если будет достигнута цель.

3. Уместным представляется выделить в отдельную группу стиль жизни с ориентацией на воспроизводство традиционного жизненного стиля по типу "работа, дом, семья, дети". Он был представлен в равном количестве представителей обоих учебных заведений. Гендерный анализ показал у девушек более высокую готовность адаптироваться к возможным неудачам. В случае неудачи для девушек-гимназисток смысловым центром их жизни выступает собственная семья, т.е. они готовы пожертвовать карьерой и "заниматься домом", им есть "куда вернуться". Девушки второй группы предпочитают работу (даже нелюбимую) и компанию друзей.

Итак, потребность в создании позитивного собственного образа побуждает человека, в данном случае подростка, не только анализировать себя и собственную принадлежность к определенной социальной группе *сегодня*, но и оценивать свое *прошлое* и, что еще более важно, планировать свою *будущую*, так называемую *перспективную идентичность*.

Библиографический список

1. Баклушинский С.А., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии "социальная идентичность" // Этнос. Идентичность. Образование / Под ред. В.С. Собкина. М., 1998.
2. Белинская Е.П., Куликова И.В. Будущее молодого поколения "настоящего" // Мир психологии. 2000. № 4.
3. Кон И.С. Психология юношеского возраста. М., 1986.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

И. Н. Тартаковская

Тема социальных сетей в социологии и экономике стала весьма популярна еще с 1970-х гг., но основная масса работ, посвященных той роли, которую они играют в России, приходится на середину 1990-х [1]. Обращавшиеся к этой теме исследователи неизменно подчеркивали их значение как ресурса, жизненно необходимого для выживания и развития в позднесоветский и особенно в постсоветский период [4; 5; 7; 9]. В самом деле, в России система социальных сетей не только играет роль стабилизирующего фактора в экономической жизни и частично компенсирует кризис государственных социальных институтов [6], но и служит первичной системой социальных координат, с которой в основном и соотносится жизнь индивида в условиях кризиса доверия к более широким сообществам. Для целей настоящего исследования нам важно было понять, как сетевые ресурсы влияют на профессиональные и личные стратегии различных групп наших респондентов, прежде всего мужчин и женщин.

Мы не ставили себе специальной цели выяснить объем, интенсивность и характер социальных связей каждого из респондентов, но по мере того, как они описывали нам свои жизненные ситуации, становилось все более и более понятно, что эти связи представляют собой очень важный контекст, влияющий на принятие ими разных решений по поводу поиска работы, организации жизни домохозяйства и

просто на их психологическое самочувствие. Таким образом, мы постарались выделить определенные закономерности, характеризующие влияние социальных сетей на разные группы акторов, в зависимости от их гендера, возраста, профессиональной принадлежности. Обычно к важнейшим факторам, определяющим характер социальных контактов, относят также этнический состав сетей [8], но в нашем исследовании, базирующемся на материале четырех крупных российских городов с преимущественно русским населением, такая задача не ставилась, и поэтому влияние этничности как возможного сетевого ресурса или, напротив, ограничителя, нами не рассматривалось. Под социальными сетями мы понимаем неформальные социальные связи между индивидами.

Какие же наблюдения по поводу роли, характера и особенностей социальных сетей, в которые оказались вовлечены наши респонденты, позволило сделать наше лонгитюдное исследование?

Первый очевидный вывод состоит в том, что сети, безусловно, являются важным ресурсом успешной адаптации на рынке труда, причем это верно для всех групп наших респондентов: мужчин и женщин, бедных и относительно преуспевающих, молодых и пожилых.

Но социальные сети мужчин и женщин имеют свою гендерную специфику. Так, мы выяснили, что женщины в целом получают все виды помощи несколько чаще, чем мужчины, за единственным исключением – помощь в трудоустройстве мужчины и женщины получают примерно одинаково часто. Таким образом, женские сети оказались более интенсивными по частоте контактов (но не по эффективности).

Почему так происходит? Отчасти дело в самом характере "преимущественно женских" контактов. В частности,

материалы лонгитюда показали, что женщины несколько чаще, чем мужчины, получают помощь от родственников, при этом значительно чаще от матерей. Отношения с матерью для многих взрослых женщин на всю жизнь остаются не только эмоциональным, но и вполне материальным ресурсом. Для молодых женщин большую роль играет именно материнская помощь в первом трудоустройстве, потом помощь в воспитании детей, денежные и вещевые трансферты и т.п.

И.: "А как ты попала в „Самаранефтегаз“"? Р.: "Я попала туда благодаря маме. „Самаранефтегаз" – это очень замкнутая структура. Моя мама работала там всю свою жизнь, она просто пошла к своему знакомому, который занимал довольно видный пост, и меня взяли" (3-25-1ж).

Р.: "Нам мама моя помогает, и делом, и деньгами – в смысле занять у нее всегда можно, потом детям что-то покупает постоянно". И: "И насколько существенна мамина помощь, если попытаться в процентах это выразить?" Р.: "Я думаю, иногда до половины доходит! Даже стыдно, но я уверена, что это все нормально, потому что мы становимся на ноги и уже сами сможем маме помогать, это обязательно, у нас очень тесные, близкие отношения. Это как одна душа" (4-01-1ж).

"Мама, конечно, помогает. Мы питаемся вместе, и есть многое из того, что я бы одна себе не купила, а мама покупает и питаемся вместе – мне это своего рода тоже помощь" (3-16-2ж).

Примечательно, что последней из процитированных респонденток, самой матери двоих взрослых детей, живущих отдельно со своими семьями, уже 53 года, однако материальную помощь она получает скорее от своей уже очень пожилой матери, чем от детей.

Матери, разумеется, помогают не только дочерям, но и сыновьям, причем нередко – практически всю жизнь. Когда, например, у 50-летнего респондента интервьюер спросила, помогает ли он материально своей матери-инвалиду, он ответил: "Она нам помогает! Я ее пенсию получаю, потом каждый день готовим еду и относим ей" (4-02-3м).

Здесь совершенно особый элемент социальной сети. Это подтверждает мнение С. Голода и А. Клецина [2] о доминировании в России если не детоцентричной семьи, то во всяком случае детоцентричной женской судьбы. Если оба родителя взрослых детей живы и живут вместе, то эта помощь может восприниматься как обобщенно "родительская", но чаще фигура матери все же выходит на первый план, потому что ее помощь разнообразнее: это и трансферты, и помощь трудом (в основном забота о внуках), и разнообразные консультации. Женщинам старших возрастных групп помощь выросшим детям придает смысл жизни, являясь важнейшим источником позитивного утверждения их идентичностей. Так, одна из респонденток, рассказывая о своих отношениях с матерью, сообщила, что она часто занимает у нее деньги, а "младший брат, бывает, и без возврата берет, но она этим даже гордится, у нее вроде как чувство собственной незаменимости тогда появляется. Тогда она очень довольна и с гордостью об этом рассказывает" (4-07-3ж).

От отцов же чаще всего исходит лишь помощь в трудоустройстве. Дело здесь, на наш взгляд, не только в материнской самоотверженности: в большинстве российских семей именно женщина-мать отвечает за управление ресурсами домохозяйства, в том числе и за распределение части этих ресурсов в качестве помощи. К тому же в советский период большинство семей было матриликальными, и это поддерживало паттерн тесной связи прежде всего матерей с дочерьми.

Но такие связи характерны не только для родственных отношений. Совершенно определенно также можно сказать, что социальные сети носят отчетливую гендерную окраску: мужчины чаще помогают мужчинам, а женщины – женщинам. Это связано с типичным кругом общения муж-

чин и женщин, который, несомненно, носит на себе отпечаток сложившейся российской гендерной культуры, подразумевающей довольно большую роль гомосоциальных групп в повседневных досуговых и коммуникативных практиках. Причем уровень гомосоциальности сетей с возрастом все время увеличивается: для молодежи более свойственно общение с людьми как своего, так и другого пола, более того, общение с представителями противоположного пола является определенной ценностью, а иногда и частью сознательной матримониальной стратегии. После же создания семьи сети становятся более однородными по полу, причем это касается не только близких дружеских отношений, но и более отдаленных и даже случайных знакомств.

Далее, оказалось, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, получают монетарные и вещевые трансферты, причем тоже преимущественно от женщин. На наш взгляд, этот феномен связан с самим характером функционирования женских сетей (в отличие от мужчин). Как неоднократно отмечалось в научной литературе, сети дружеской и даже родственной помощи обычно имеют (или хотя бы предполагают) взаимный характер по схеме "ты – мне, я – тебе". В наших группах респондентов – преимущественно "слабых группах" в силу особенностей их положения на рынке труда и материального благосостояния – предметом трансфертов служат обычно продукты, одежда и небольшие суммы денег. Такого рода ресурсы, как правило, находятся в распоряжении женщин, которые отвечают за ведение домашнего хозяйства.

"Мне помогают друзья. Опять-таки, в каком смысле помогают: если мне супер нужны деньги, небольшое количество, я знаю, что я могу их, скорее всего, занять. Но это – с отдачей. Т.е. у нас происходит постоянный обмен старыми вещами среди подружек, ну и опять же, если кто-то придет ко мне, я постараюсь его чем-нибудь накормить, и, наоборот, я знаю, что если я к кому-то при-

ду, и что-то будет в холодильнике, то меня, соответственно, по-кормят. Но я не знаю, насколько это именно помощь – это нормальные человеческие взаимоотношения" (3-25-1ж).

"Мы даже организовали взаимопомощь вещами. Что-то кому-то не подходит, велико – передаем другому. От одного ребенка – другому. Взрослым что-то не подходит или надоело – тоже передаем от одного к другому, чтобы носили" (1-35-1ж).

При этом крупные денежные займы и даже иногда безвозмездную денежную помощь чаще предоставляют мужчины, потому что у них в целом больше ресурсов. Так, одной из наших респонденток ее начальник, с которым она находилась в дружеских (но не в интимных) отношениях безвозмездно дал 3,5 тыс. дол. на покупку квартиры:

"Говорит: ищи себе квартиру, мне надоело, что ты там всю зарплату как квартплату отдаешь... И вот он мне недавно говорит: знаешь, у меня так сделка прошла удачно, я даже сам не ожидал, возьми вот эти деньги" (3-44-3ж).

Другому респонденту его знакомый выделил из своих средств своеобразный "грант" для того, чтобы он смог спокойно закончить книгу, не отвлекаясь на подработки:

"Ну, приятель один по юности согласился, пока я не закончу свой труд, выплачивать мне некую сумму... 5 000 рублей в месяц. Конечно, я поскромничал. Он спросил, сколько тебе надо на жизнь? Конечно, он мог бы дать больше" (3-42-3м).

В обоих случаях в роли спонсоров выступили бизнесмены, т.е. люди, которые могли себе позволить подобную "благотворительность", и здесь речь идет, безусловно, скорее о классовых, чем о гендерных характеристиках "дарителей". Однако классовые и профессиональные различия тесно переплетаются с гендерными. Так, по данным Госкомстата, на конец ноября 2001 г. к категории работодателей, т.е. собственников средств производства, относилось в два раза более мужчин, чем женщин (1,8 тыс. человек против 0,9 тыс.) [3, с. 92], а среднемесячная номинальная начисленная заработная плата женщин по Российской Феде-

рации в 2001 г. составила лишь 63 % заработной платы мужчин [3, с. 102]. Такого рода экономический фон позволяет предположить, что в целом мужчины имеют возможность распоряжаться значительно большими материальными ресурсами и, соответственно, оказывать более значительную помощь участникам своих сетей, если у них оказывается такое желание. Однако в реальности это происходит не так часто, и здесь, на наш взгляд, играют роль разные значения "взаимности" в мужских и женских сетях. Та повседневная помощь, которую оказывают друг другу женщины, не очень велика в финансовом выражении, и предлагать ее могут и малообеспеченные люди, при этом эквивалентность обмена имеет второстепенное значение.

"Например, у меня оказался лишним один матрац. Я могла его просто вынести на помойку, но я позвонила приятельнице, у которой дача, и поинтересовалась – не нужен ли ей матрац. Он ей нужен. Приятельница обрадовалась, что я ей позвонила: „А я тебе яблок привезу“. И хотя я не просила – я ей просто бы отдала матрац, но все равно. И мы друг друга все выручаем – у кого что есть лишнее, мы не выбрасываем, мы передаем друг другу" (3-16-3, ж).

Более того, сами эти обмены являются не столько самоцелью, сколько растворены в повседневной дружеской коммуникации, в "нормальных человеческих отношениях", как выразилась одна из процитированных выше респонденток. Большую роль в деятельности женских сетей имеют мотивы коммуникации и солидарности, а также моральной поддержки.

"Сестра нам сначала больше помогала, когда у нас на фабрике не платили, да потом когда я без работы была. А теперь обе кормилицы. Вон и Санька обеих мамами зовет. Крикнет: „Мама“ из комнаты, а мы ему в ответ из кухни „Тебе которую?“ Свекровь часто приходит, она нам материально не помогает уже, да и мы ей не можем, но просто друг друга морально поддерживаем, дружно живем. С сестрой все вместе делаем, не считаем, кому

готовить, кому пол мыть, одной семьей в детстве были, так и остались" (4-13-1ж).

Для мужчин же, находящихся "в сетевых отношениях", принципиально важно относительное равенство статусов принимающего и оказывающего помощь, и речь здесь идет не столько об обязательной эквивалентности обмена, сколько о сохранении своего достоинства, маскулинной состоятельности.

"Механизм такой – постоянно поддерживаешь связи со своими знакомыми. А поддерживаешь и имеешь возможность это делать, потому что работаешь. У тебя есть там деньги, ты зарабатываешь и к ним приходишь не так, дай займы мол, а поговорить как равный с равным" (1-54-3м).

И даже тот из упомянутых наших респондентов, который оказался в столь непривычной для мужчины роли спонсируемого, подчеркивает, что достигнутая с его знакомым договоренность о финансовой поддержке никак не делает его зависимым человеком и даже не предполагает особую благодарность с его стороны:

"Не спонсор, а скорее меценат. Лично он ничего от этого не будет иметь. Само понятие „меценат“ – это фигура, которая в молодости хотела что-то сделать, изучать философию, например, или фигурным катанием заниматься. Но время прошло, он вырастает из этого возраста, ну, не удалось ему стать кем хотел, не было задатков или возможностей прожить такую жизнь самому. Если ты сам не мог, пусть эту жизнь проживут другие. Я не побираюсь, я даю возможность сделать доброе дело" (3-42-3м).

Если же говорить о других формах поддержки, напрямую не связанных с материальными трансфертами, то оказалось, что женщины гораздо чаще оказывают (и получают) помощь трудом, причем как в приватной сфере (например, уход за детьми, помощь больным родственникам, а иногда и друзьям), так и на работе (в случае необходимости заменить коллегу):

И.: "Как вы поступаете, если вам нужно отлучиться или раньше уйти с работы?" Р.: "Договариваюсь с девочками (колле-

гами – И.Т.), они меня отпускают. Если девочки согласны выполнить мою работу, администрация смотрит на это нормально" (3-52-3ж).

"На месяц, наверное, выходила поваром, девчонка знакомая попросила вместо нее поработать" (4-06-4ж).

Для мужчин же такое поведение оказалось практически нехарактерно. В тех же случаях, когда они все же оказывают помощь трудом, она часто монетаризируется (даже если речь идет о родственниках), т.е. превращается в подработку:

"Я племяннице загнал машину на ремонт – 1700. Застучал там, цепь, распределитель, отрегулировал клапана. Пришла чуть не плачет девчонка: „Дядя Вова, помоги“. – Да времени нет. т. е. я не занимался этим серьезно никогда. И за день работы мне 1700" (3-09-3ж).

Дело здесь не в том, что мужчины демонстрируют большую жадность, а женщины бескорыстие, а в разных социальных смыслах мужской и женской работы. Предполагается, что мужская работа всегда имеет денежный эквивалент, даже если она несложная и выполняется "по знакомству":

"Один раз я подрабатывал, там было 200 рублей. Просто как помощь делал. Светильник повесил, проводку провел, даже деньги не хотел брать, но отказываться было еще неудобнее. меня знакомый попросил сделать" (3-55-4м).

В приведенном примере респондент, высокооплачиваемый технический специалист, вряд ли был материально заинтересован в получении за свой труд этой очень небольшой суммы денег, тем более от своего знакомого. Но тем не менее оба соблюли правила игры: знакомый предложил ему это, пусть почти символическое вознаграждение, ему же было "неудобно от него отказаться". Напротив, женская помощь трудом социально предписана как органическая часть женского гендерного контракта, предполагается, что женщина обязана заботиться о своих близких, пусть даже не живущих с ней вместе:

"Я, например, помогаю семье брата. Они работают. Я, например, мешок носков им перештопала – это тоже помощь, это время. Сегодня, например, я готовила у них обед. Ну и конечно, если мне нужно 20 рублей, то я подойду к брату работающему: „Дай, пожалуйста“. Я думаю, что он мне даст" (3-16-3ж).

"У снохи было две бабушки, они обе болели, обе мне на плечи взвалились. Пришлось помогать, чтобы Диме никто не мог сказать, что твои не помогают, а мы, вот, помогаем... Я тут размышляла, что за такую работу (ухаживать за парализованной) в другом месте могли бы хорошо заплатить, я могла бы где-то работать и получать деньги. Моя работа там была тогда" (3-21-4ж).

В первом примере респондентка в обмен на реальную помощь трудом семье брата лишь надеется на гипотетическую монетарную помощь с его стороны (да и то в весьма скромном масштабе – 20 рублей). Во втором речь идет о более дальних родственниках, и респондентка прямо говорит о том, что в рамках традиционных ожиданий ей вменен бесплатный труд, который в другой ситуации мог бы принести ей реальный заработок. Однако она безропотно за него берется, чтобы никто не мог упрекнуть ни ее, ни ее сына в том, что она саботирует выполнение ожидаемой от нее "женской работы". И это представление о том, что женщины целый ряд работ должны выполнять бесплатно, разделяется ими самими и частично переносится в публичную сферу, поэтому они с готовностью выполняют в случае необходимости часть работы за своих коллег, ожидая в свою очередь и от них такой же ситуативной помощи.

Несколько различается и качественный состав женских и мужских сетей. Если женщины более, чем мужчины, погружены в мир родственных связей, то для мужчин гораздо более характерна корпоративность как основа поддержки личных отношений. Мужские сети, соответственно, гораздо более профессионализированы и специализированы, и, как можно предположить, более эффективны в смысле трудовых стратегий. Это отражает также большую роль сферы

работы и профессии в индивидуальных мужских мирах, когда даже неформальные отношения сохраняют профессиональную окраску, и таким образом личная и трудовая часть их жизни взаимодополняют и взаимоподдерживают друг друга.

"Но я вот так к нему не заходил с этим после работы, не ставил ничего, не сидели с ним – как-то вроде неудобно все равно. Хотя он, там, интересуется: Как дела, там. Это просто какая-то мужская практика – зайти... Ну, практика, если человека знаешь более менее... ну, у нас большая разница – мне уже за 50, а ему, не знаю, есть ли 40. Да, наверное, придется все-таки сходить. Хотя бы как-то, по человечески преподнесу. Я знаю так, по разговорам, что у них там зам по хозяйности – он то ли майор, то ли полковник, там много этих военных в отставке – так они там часенко остаются, задерживаются после работы. Ну, к человеку, возможно, попозже подойду" (3-02-4м).

Процитированный респондент заинтересован в переводе на другую работу в рамках своего цеха и размышляет о своих отношениях с начальником, который был знаком с ним по предыдущему месту работы и принял на данное предприятие. Для него совершенно очевидно, что это профессиональное знакомство нуждается в специальных действиях по его поддержке и укреплению отношений: "мужской практике", заключающейся в том, чтобы "заходить" и "ставить". Его смущает, однако, имеющаяся в данном случае "неконсистентность" профессионального и, так сказать, демографического статуса его знакомого: с одной стороны, он его начальник, и ему надо оказывать символические знаки внимания и уважения, с другой – он значительно моложе, и это мешает респонденту найти естественный, не унижительный для себя тон подобной коммуникации. Это говорит о том, что возраст также является значимым фактором, определяющим круг и характер социальных сетей.

Насколько наличие или отсутствие социальных сетей влияет на успешность трудовых сетей? На первый взгляд

ответ очевиден: в ситуации, когда большинство скольконибудь перспективных и хорошо оплачиваемых рабочих мест распределяется по неформальным каналам, сети служат ресурсом огромной важности, по крайней мере, не меньшим, чем уровень образования или профессиональная подготовка. Однако наше исследование позволяет внести в этот, в общем-то, очевидный тезис, существенное уточнение: сама по себе широта сетей, о которой мы могли косвенно судить по частоте упоминания тех или иных фактов оказания любых видов помощи, прямого влияния на успешность респондентов не оказывает, причем это верно и для мужчин, и для женщин. Так, респонденты обоего пола, принадлежащие к "неуспешной группе", сообщали о не меньшем, а иногда и большем числе фактов получения помощи от самых разных людей – родственников, бывших коллег и просто знакомых. Но эта помощь оказывалась, как правило, малоэффективной или совсем неэффективной – трудоустройства были неуспешными (т.е. на плохие, малооплачиваемые рабочие места), объемы монетарных, вещевых и продуктовых трансфертов – незначительными, позволяющими лишь поддерживать физическое выживание. Другое дело, что для этой группы даже эта помощь играла принципиально важное значение, и относительно большое число контактов говорит, скорее, о том, что группа "выживающих" вынуждена была мобилизовать для этого выживания все возможные виды ресурсов, в том числе и сетевых.

На успешность же существенно влияет не объем, а качество имеющихся знакомств и связей, наличие среди них таких "контактов", которые могут действительно изменить жизнь индивида и открыть перед ним новые возможности. Причем природа такого "контакта" может быть любой – это может быть и родственник, и бывший однокурсник, и просто приятель или подруга. Иногда таких знакомств может быть не-

сколько, но нередко достаточно и единственного. Например, один из наших респондентов, бывший сотрудник торговой фирмы с незаконченным высшим образованием, уволившись из нее по собственному желанию непосредственно перед августовским кризисом 1998 г. и в течение длительного времени даже не делавший никаких попыток найти работу, как только у него окончательно закончились небольшие личные сбережения, на которые он жил, сразу трудоустроился менеджером в торговую фирму к своему институтскому другу на вполне приличную зарплату. В жизни другой успешной респондентки решающую роль сыграла материнская поддержка – мать (заведующая производством в столовой) практически передала ей свое "дело", что позволило ей открыть собственный бизнес. Из этого не следует, однако, что именно наличие таких "ключевых контактов" сыграло решающую роль, послужило социальным трамплином для большинства успешных респондентов – факторы их успеха могли быть самыми разными.

Интерпретируя эти результаты, необходимо еще раз подчеркнуть, что совокупность наших респондентов ни в коем случае не репрезентативна для городского населения России в целом. В основном это представители "слабых групп", находившиеся на момент начала исследования в проблемном положении на рынке труда, а те люди, у которых были действительно хорошие связи, легко конвертируемые в карьеру и высокий заработок, имели мало шансов попасть в поле нашего зрения. Но мы можем констатировать, что для тех мужчин и женщин, которые принадлежат к такого рода "проблемным группам", роль сетевого ресурса, с одной стороны, безусловно, велика, но с другой – все же достаточно ограничена. И это подтверждает вывод С. Кларка о том, что данный ресурс был в значительной степени "отработан" еще в позднесоветское время,

и возможности его дальнейшей мобилизации у многих россиян относительно невелики [5].

Специфика же настоящего момента заключается в том, что многие сети, особенно имевшие профессиональный характер, значительно обесценились и оказались, в общем-то, с прагматической точки зрения бесполезными:

"А мне вот даже вахтером не устроиться – везде нужны связи. А я же всю жизнь проработала ИТР, и все связи мои такие же. А ИТР сейчас кто – первый безработный. На вахту, значит, тоже сложно устроиться" (3-48-1ж).

"Искал я работу, но сначала по знакомым. Но у всех такое положение, что одни ничего не знали, никто не расширялся. А знакомые у меня среди тоже в основном проектных институтов. Они были еще в более худшем положении, чем этот „ГазНИИпроект“. Поэтому работы не было по моей специальности" (3-49-1м).

Особенно характерной эта ситуация оказалась для людей пенсионного и предпенсионного возраста, чьи сети, если можно так выразиться, выработали свой ресурс и постарели вместе с ними, а также для представителей инженерных профессий, оказавшихся мало востребованными на рынке труда и выпадавших из него целыми "кластерами". Ограниченную эффективность, как показало наше исследование, имеют и чисто родственные сети. Они играют решающую роль в самом первом трудоустройстве, если оно оказывается недолговременным – то иногда в нескольких последующих. Но родственные ресурсы быстро исчерпываются и медленно прирастают (потому что у этнически русских горожан, как правило, небольшие семьи). Более перспективны поэтому знакомства профессиональные и связанные с совместным получением образования.

Если же говорить о гендерных аспектах трудоустройств, то, как и можно было предположить, мужские рабочие места скорее можно было найти по мужским каналам, а женские – по женским. Это прямое следствие гендерной сег-

ментации рынка труда, которая приводит к соответствующей гендерной специализации информационных каналов, по которым можно было узнать о вакансиях. При этом женщины в целом играли более активную роль в помощи по трудоустройству своих близких и знакомых:

"Ну, ты видишь, Тань, я стала старшим корректором и выбила еще одну должность – я о тебе думала! Выбила еще должность корректора. Давай, приходи, и все" (3-18-2ж).

"Потом мне подруга говорит: „Ты что мучаешься?“ Ей тоже не стали платить. Она открыла свою фирму. Она оформила статус частного предпринимателя. И в данный момент мы с ней работаем: ремонтируем офисы и магазины" (4-23-1ж).

В обоих приведенных примерах речь идет даже не о помощи в трудоустройстве, а о буквальном создании рабочих мест для своих подруг. И это еще один аргумент в пользу того, что конституирующим фактором женских сетей является не столько прагматическая взаимность (*reciprocity*), сколько коммуникация и солидарность. По мнению С. Ашвин и В. Якубовича, активная позиция женщин как посредников при трудоустройстве тесно связана с их социализацией и последующим жизненным опытом заботы о других людях и принятия на себя частичной ответственности за их судьбы. Это не означает, конечно, что большинство успешных трудоустройств происходило именно через женщин: помимо желания помочь, необходимо иметь в своем распоряжении еще и соответствующие возможности. Однако женская поддержка зачастую имела для тех, кто ее получал, не только организационное, но и психологическое, эмоциональное значение и тем самым способствовала личностной адаптации к сложным жизненным обстоятельствам.

Если подвести некоторые итоги нашего анализа гендерных особенностей социальных сетей и их роли в трудовых и личных стратегиях, то можно сказать, что, во-первых, эти особенности, безусловно, существуют и коренятся как в

различном уровне доступа мужчин и женщин к экономическим, организационным и информационным ресурсам, так и в особенностях гендерных культур и гендерных контрактов. Если принять предложенное Наспари [8] разделение форм сетевой поддержки на необходимые для повседневного выживания и стратегические, то можно сказать, что женские сети решают скорее первую группу задач, а мужские – вторую. При этом, разумеется, сети каждого конкретного индивида очень редко носят строго гомосоциальный характер, но каждый конкретный контакт, или группа контактов, имеют специфическое значение, связанное в том числе и с полом контактирующих. Большая яркость женских сетей, проявившаяся в нашем исследовании, говорит о том, что у наших проблемных групп не так много стратегических возможностей по улучшению своей участи. Мужские сети имеют тенденцию быть или профессионально ориентированными – но именно профессиональные карьеры многих наших респондентов оказались проблематичными, и это в свою очередь подорвало их сетевые ресурсы. Досуговые же мужские сообщества требуют соответствующей инфраструктуры: они поддерживаются совместным посещением различных рекреационных учреждений (например, бань, пивных баров, спортивных центров). Финансовые ограничения сразу же существенно лимитируют возможности такого рода общения. Исключение составляет совместное распивание спиртных напитков, которое очень распространено, но скорее приводит к проблемам в экономической адаптации, чем к налаживанию и поддержанию полезных знакомств.

Женские же сети более тесно связаны с обычными повседневными бытовыми практиками, такими как обмен продуктами питания, воспитание детей, наконец, коммуникацией как таковой, и непосредственной, и телефонной. Они не тре-

буют специальной инфраструктуры, более инклюзивны и демократичны. Такие сети невероятно важны для их участников не только с точки зрения повседневной помощи и обмена полезной информацией, но и с точки зрения моральной поддержки. Однако возможности стратегического "прорыва" и существенного улучшения своего материального положения с помощью этих сетей относительно невелики: помимо ресурсных ограничений, можно сказать, что они обычно и не ориентированы на такие "прорывы".

Библиографический список

1. *Гладырев Б.С.* Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология: методология, методы и математические модели. 2001. № 14.
2. *Голод С.И., Клецин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. СПб., 1994.
3. Женщины и мужчины России. Статистический сборник. М., 2002.
4. *Ashwin S.* Russian Workers: The Anatomy of Patience. Manchester, 1999.
5. *Clarke S.* Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks. Cheltenham; Northampton, 2002.
6. *Emirbayer M., Goodwin J.* Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1980. № 6.
7. *Ledeneva A.* Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge, 1998.
8. *Naspary J.* Post-Soviet Chaos: Violence and Dispossession in Kazakhstan. L.; Virginia, 2002.
9. *Rose R.* Getting Things Done in an Anti-Modern Society: Social Capital Networks in Russia // Studies in Public Policy 304. Glasgow, 1998.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СУПРУГОВ В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ

Т. Ю. Черкашина

Изучение самоидентификации индивидов мотивируется тем, что субъективный статус является детерминантой ряда личностных характеристик: отношения к политическим процессам, поддержки или отвержения существующей политической системы, представлений о должном социально-экономическом устройстве общества [2–4; 12]. Однако исследование экономической самоидентификации интересно и в другом аспекте. Если в качестве факторов субъективного статуса рассматривать объективную позицию не только самого индивида, но и других членов его семьи, может оказаться, что как раз их характеристики, а не собственные учитываются индивидом в большей степени. Знание механизмов субъективной идентификации в социальной структуре позволяет, во-первых, определить правило, каким образом учитываются характеристики членов семьи при определении статуса семьи как общности. Мы же предлагаем использовать эти данные, чтобы выяснить, в какой мере принимается супругами сложившаяся внутрисемейная экономическая иерархия, финансовое доминирование одного из них.

В зарубежных публикациях речь идет, как правило, о классовой идентификации * супругов. Первые работы по

* Мужчинам и женщинам предлагается определить свое положение в иерархии, включающей низший, рабочий, средний и высший классы. Распределение выборов таково, что самыми наполненными оказываются две средние группы. Поэтому исследователи предпочитают далее работать с дихотомической переменной, одно значение которой означает принадлежность к рабочему или низшему классу, а второе – идентификацию со средним или высшим классом [5; 12].

этой теме появились в начале 1970-х гг. [11]. Их вывод заключался в следующем: поскольку женщины идентифицируют себя в классовой структуре, принимая во внимание профессиональное положение как мужа, так и собственное, при определении статуса семьи недостаточно учитывать только характеристики мужа. Взросшая экономическая активность женщин, а значит, и ее влияние на благосостояние семьи, предполагает поиск новых методических решений для измерения семейного статуса.

Оспорить необходимость таких поисков пытались Джон Голдторп [8; 9], Эрик Райт [13], Джанин Бакстер [5]. Подход, названный Голдторпом конвенциональным, предполагает, что для фиксации статуса семьи достаточно информации о муже. Например, Бакстер, анализируя данные о классовой идентификации супругов из Соединенных Штатов, Швеции, Норвегии и Австралии, приходит к выводу, что классовый статус мужа является главной детерминантой субъективной классовой идентификации во всех четырех странах. Степень воздействия статуса мужа на идентификацию жены не варьируется в зависимости от статуса жены, длительности ее рабочего дня, образования или дохода (индивидуального дохода и относительного вклада в бюджет домохозяйства) [5, p. 232].

Дискуссия продолжается по сей день. Объяснить различия в результатах исследований можно тем, что они строятся на разных методологических основаниях. Работы Голдторпа, Бакстера, Райта выполнены в неомарксистской традиции: в качестве фактора классовой самоидентификации рассматривается "объективная" классовая принадлежность, определяемая исходя из доступа к собственности, мастерства и организационных навыков. Представители второго подхода выделяют в роли детерминант статусные характеристики: доход, престижность профессионального

занятия, образование [7], полагая, что в современном обществе они более важны для субъективной идентификации^{*}. По мнению Дэвиса и Робинсона, возможно осуществление нескольких моделей идентификации: модели независимости, в которой индивиды учитывают только собственные характеристики в определении своей позиции; модели разделения, где равный вес принадлежит характеристикам обоих супругов; модели заимствования, в которой идентификация выводится из характеристик супруга [7]. Рассматривая данные за 1970–1980-е гг. в США, авторы обнаружили, что женатые мужчины движутся к модели независимости, тогда как замужние женщины – от модели заимствования к модели разделения. Дэвис и Робинсон заключают, что если расположить три модели на отрезке от полной независимости до полного заимствования характеристик брачного партнера, как женатые мужчины, так и замужние женщины идут к независимости: мужчины становятся более независимыми, чем в прошлом, тогда как женщины становятся менее зависимыми. Связано это с возрастающей тенденцией индивидуализации жизни в США. Однако более поздние данные (1994 г.) показали, что если доход женщины превышает доход супруга, при размещении в классовой иерархии мужчина будет учитывать, скорее, ее доход, а не собственный [7].

Все зарубежные исследования проводились в условиях растущей экономической активности женщин: среди них

* Действительно, Келли и Эванс обнаружили, что в США, Великобритании, Австралии, Германии семейный доход, профессиональный статус, образование по своему влиянию на классовую самоидентификацию перевешивают такие переменные, как владение собственностью и властные полномочия. В двух других странах, включенных в обследование, – в Швейцарии и Австрии – влияние дохода, образования, собственности и авторитета было равнозначным [10].

увеличивалась численность работающих, а также имеющих полный рабочий день в течение всего года. В России же высокий уровень занятости соотечественниц был достигнут еще в советской экономике. По этой причине сейчас профессиональная активность части женщин может рассматриваться как реализация устоявшихся жизненных практик. Это также означает, что большинство современных супругов социализировались в условиях, когда вопрос, работать ли женщине, решался однозначно, а зачастую не ставился вообще. Можно предположить, что современные российские мужчины не только толерантны к экономической активности супруг и их высоким доходам, но и считают более значимым для статуса семьи статус жены, если он выше положения мужа. Так ли это на самом деле, и верно ли это для домохозяйств из разных доходных групп? Для ответа на эти вопросы определим, какие модели экономической самоидентификации осуществляются супругами. Как показывают социологические исследования, в современном российском обществе именно экономические факторы определяют субъективные оценки собственного общественного положения в целом [1]. Американские коллеги также фиксируют, что на протяжении последней четверти XX в. доход выступает наиболее значимой детерминантой классовой идентификации супругов [7]. К названным моделям самоидентификации – независимости, заимствования и разделения – добавим еще две: модель максимизации и традиционной идентификации статуса. Первая – смешанный вариант моделей заимствования и независимости, предполагающий ориентацию на самый высокий из двух экономических статусов. При традиционной самоидентификации для экономического статуса всех членов семьи определяющим будет статус мужчины.

Информационная база исследования – материалы второго этапа российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). В работе использовались данные трех волн: 1994 (ноябрь–декабрь), 2000 (октябрь–ноябрь) и 2001 гг. (октябрь–ноябрь). Опрашивались все члены домохозяйства, а наиболее информированный о доходах и расходах семьи заполнял также вопросник о домохозяйстве. Из выборки были выделены домохозяйства, состоящие из супружеской пары без детей и с детьми-иждивенцами*.

Зависимая переменная. В данной работе речь идет не о классовой, а статусной самоидентификации. Субъективный экономический статус определяется через ответ на вопрос: "Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, – богатые. На какой ступени находитесь сегодня Вы лично?". Конечно, отнесение себя к определенной позиции на лестнице "бедные – богатые" опосредуется представлениями о том уровне жизни, что ассоциируется с каждой из ступеней, но в целом предопределенность самоидентификации этого рода материальным положением не вызывает сомнения и подтверждается многочисленными исследованиями.

Независимые переменные. Учитывались личный доход мужа, личный доход жены и удельный доход семьи. В состав личных доходов включались выплаты по основному и

* Данные в каждой волне формировались в два файла: в информацию о домохозяйствах и информацию об индивидах. Рабочий файл строился путем определения индивидуальных номеров супругов в общем списке членов домохозяйства и последовательного присоединения к данным о семье информации о мужчине и женщине. Для идентификации переменных, характеризующих каждого их супругов, к именам переменным добавлялись буквенные индексы.

дополнительному местам работы, случайные заработки, пенсии, пособия по безработице. Доходом семьи считалась сумма из личных доходов супругов, надындивидуального дохода, включая детские пособия, помощь частных лиц и других организаций (кроме пенсий), дохода от использования имущества и финансовых активов, а также других поступлений неличного характера. Удельный доход рассчитывал через соотнесение дохода семьи с числом потребительских единиц – эквивалентом численности семьи, определяемым с учетом экономии при увеличении масштабов потребления. Такой доход называется эквивалентным.

Семьи были разделены на три группы в зависимости от величины вклада каждого супруга в семейный бюджет: 1) семьи, в которых вклад женщины в семейный бюджет больше вклада мужчины; 2) семьи с обратным соотношением вкладов; 3) семьи с примерно равным участием супругов в формировании бюджета. Вклад одного из супругов в бюджет считался большим, он должен на пять процентных пунктов превышать вклад партнера. В противном случае роль супругов в формировании бюджета признается равной.

Независимые переменные были преобразованы в ранговые на основе сопоставления с медианным значением каждого распределения. Полученные распределения промедианных доходов были разбиты на 8 интервалов: 1) доход равен 0; 2) 0,01–0,49 МЕ; 3) 0,5–0,74 МЕ; 4) 0,75–0,99 МЕ; 5) 1–1,49 МЕ; 6) 1,5–1,99 МЕ; 7) 2–2,99 МЕ; 8) выше 3 МЕ.

Связь между независимыми (разными видами доходов) зависимой от них переменной (субъективного экономического статуса) проверялась с помощью коэффициента τ - b Кендалла. Коэффициент изменяется от -1 до 1 , где крайние значения свидетельствуют о согласованности или несогласованности всех пар наблюдений, при отсутствии связи он

равен 0. Сравнивая значения t - b Кендалла для меры связи субъективных оценок экономического статуса и дохода, полагаем, что выраженность ориентации на тот или иной вид дохода больше при большем значении коэффициента.

В целом структуры экономической самоидентификации и мужчин, и женщин схожи: в каждой волне распределения выборов смещены в начало шкалы, т. е. численность позиционирующих себя как бедных и обеспеченных ниже среднего превышает численность тех, кто считает себя богатым и обеспеченным выше среднего (табл. 1) *.

Т а б л и ц а 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СТАТУСОВ СУПРУГОВ

Субъективный экономический статус	Мужчины			Женщины		
	1994	2000	2001	1994	2000	2001
1 (бедные)	11,1	8,0	5,4	11,6	9,6	5,7
2	14,2	13,0	9,7	15,5	13,5	11,2
3	24,9	24,6	23,9	23,4	22,3	23,0
4	24,0	21,4	27,3	22,5	22,0	26,7
5	20,2	23,5	22,8	21,1	23,5	23,7
6	4,0	6,9	7,6	4,2	6,9	6,5
7	1,1	1,8	2,5	1,2	1,7	2,4
8 и 9 (богатые)	0,4	0,8	0,9	0,4	0,5	0,7
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Сходство распределений обусловлено близостью точек зрения супругов на положение их семьи в экономической иерархии: в парах, в которых женщина помещает себя на ту или иную ступень, большинство мужчин делает аналогичный выбор (табл. 2).

* Респонденты реже всего выбирали две последние ступени, поэтому, чтобы численность высшей группы была достаточной для статистического анализа, мы объединили выборы двух верхних ступеней в одну категорию.

Т а б л и ц а 2

СОГЛАСОВАННОСТЬ СУБЪЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СТАТУСОВ СУПРУГОВ (2001 г.)

Субъек- тивный экономический статус мужчин	Субъективный экономический статус женщин							
	1 (бед- ные)	2	3	4	5	6	7	8 и 9 (бога- тые)
1 (бедные)	40,8	8,5	3,0	2,1	2,5	0,8		
2	17,5	30,3	11,2	6,0	3,3	1,5		7,1
3	15,8	31,6	39,8	24,0	12,2	7,6	14,3	7,1
4	15,0	15,0	28,0	38,1	27,2	22,0	14,3	
5	7,5	11,1	14,4	23,3	39,6	28,0	16,3	28,6
6	2,5	2,6	2,8	5,4	11,2	28,0	26,5	7,1
7		0,9	0,6	0,2	3,3	10,6	22,4	21,4
8,9 (богатые)	0,8		0,2	0,9	0,6	1,5	6,1	28,6
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В 2001 г. в 37 % семей супруги оценивали свой экономический статус одинаково, а в 39,6 % разница в положении составляла только одну ступень (в 2000 г. 38,7 и 38,6 %, в 1994 г. 48,3 и 31,0 % соответственно).

Данные табл. 1 показывают общую положительную динамику в оценке собственного экономического статуса, которая в ответах мужчин проявляется сильнее. Если в первой половине 1990-х гг. восприятие супругами их собственного положения в экономической иерархии было более согласованным, то в 2001 г. ответы женщин смещены, по сравнению с ответами мужчин, в начало шкалы. Об этом же свидетельствует динамика значения критерия Вилкоксона для связанных выборок (в данном случае мужчин и женщин): от $-0,507$ в 1994 г. (при наблюдаемой значимости статистики критерия $0,612$) оно уменьшилось до $-1,156$ ($0,248$) в 2000 г. и до $-2,403$ ($0,016$) в 2001 г. В последней

волне пары, в которых субъективный статус женщины ниже статуса мужчины, стали преобладать над парами с равным статусом и парами, где субъективный статус женщины выше, чем мужчины.

Итак, с каким видом дохода субъективный статус ассоциирован наиболее сильно? В недифференцированной совокупности семей самая тесная связь наблюдается с доходом мужчины (табл. 3). Происходит это за счет того, что при большей выраженности стратегии максимизации статуса именно мужчины в большинстве семей выступают в роли основного "кормильца" (в 1994 г. в 57,9 % домохозяйств, в 2000 г. – в 54,7, в 2001 г. – в 60,6 %). Если разделить семьи по соотношению вкладов супругов в бюджет, обнаруживается, что кто бы ни определял свой экономический статус – муж или жена – и кто бы ни получал больший доход, практически во всех волнах более всего оценки согласуются с наибольшим личным доходом. Если основным получателем дохода является мужчина, он сам и его супруга при позиционировании в экономической иерархии будут, скорее, учитывать его доход; если в роли "кормильца" выступает женщина, статусы супругов будут более согласованы с женским личным доходом. То есть на обобщенных данных проявляется приверженность стратегии максимизации экономического статуса. Альтернативной стратегией при отвержении максимизации статуса является модель разделения: ее индикатор – ориентация на удельный доход семьи, результирующий распределение всех доходов между домоладцами.

Однако степень ориентации на наибольший доход дифференцируется в зависимости от роли в формировании бюджета мужа или жены. Если больший вклад обеспечивает муж, то согласованность оценок жены с его доходом выражена сильнее, чем согласованность оценок мужа с доходом жены, в случае, когда ее вклад в бюджет выше. Женщинам легче признать свою экономическую зависимость от

супруга, тогда как мужчины такое соотношение объективных статусов принимают в меньшей мере. Это верно в первую очередь для семей с относительно высоким уровнем жизни.

Т а б л и ц а 3

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА
И РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ДОХОДА *

Показатель	Субъективный экономический статус мужчины			Субъективный экономический статус женщины		
	1994	2000	2001	1994	2000	2001
Все семьи						
Личный доход мужчины	0,221 (0,000)	0,188 (0,000)	0,162 (0,000)	0,139 (0,000)	0,113 (0,000)	0,115 (0,000)
Личный доход женщины	0,031 (0,095)	0,033 (0,041)	0,004 (0,831)	0,058 (0,002)	0,056 (0,000)	0,000 (0,981)
Удельный доход семьи	0,202 (0,000)	0,165 (0,000)	0,151 (0,000)	0,167 (0,000)	0,153 (0,000)	0,108 (0,000)
Вклад мужчины в бюджет семьи выше						
Личный доход мужчины	0,257 (0,000)	0,223 (0,000)	0,213 (0,000)	0,205 (0,000)	0,164 (0,000)	0,155 (0,000)
Личный доход женщины	0,011 (0,664)	0,056 (0,011)	-0,002 (0,924)	0,033 (0,191)	0,031 (0,156)	-0,023 (0,310)
Удельный доход семьи	0,222 (0,000)	0,184 (0,000)	0,183 (0,000)	0,199 (0,000)	0,174 (0,000)	0,126 (0,000)
Вклад женщины в бюджет семьи выше						
Личный доход мужчины	0,112 (0,003)	0,144 (0,000)	0,051 (0,191)	0,095 (0,010)	0,134 (0,000)	0,143 (0,000)
Личный доход женщины	0,167 (0,000)	0,186 (0,000)	0,110 (0,002)	0,153 (0,000)	0,211 (0,000)	0,129 (0,000)
Удельный доход семьи	0,155 (0,000)	0,180 (0,000)	0,089 (0,016)	0,149 (0,000)	0,197 (0,000)	0,106 (0,004)
Вклады мужчины и женщины в бюджет семьи примерно равны						
Личный доход мужчины	0,255 (0,000)	0,204 (0,000)	0,070 (0,176)	0,329 (0,000)	0,221 (0,000)	0,064 (0,210)
Личный доход женщины	0,289 (0,000)	0,182 (0,000)	0,081 (0,114)	0,342 (0,000)	0,193 (0,000)	0,042 (0,424)
Удельный доход семьи	0,271 (0,000)	0,199 (0,000)	0,079 (0,131)	0,241 (0,000)	0,153 (0,001)	0,071 (0,160)

* В скобках указана статистическая значимость коэффициентов τ -b Кендалла, показывающая вероятность случайно получить лучшие значения коэффициента.

Так, общие пессимистичные оценки жизненной ситуации, высказываемые супругами из нижних экономических слоев, можно объяснить неудовлетворенностью уровнем жизни (табл. 4), поскольку здесь незначительна дифференциация ответов в зависимости от участия мужчин и женщин в формировании бюджетов домохозяйств. Степень удовлетворенности жизнью у женщин обеспеченных слоев также практически не зависит от того, какой тип иерархии экономических статусов супругов сложился в семье. Однако мужчины более пессимистичны в восприятии своей жизненной ситуации, если высокое благосостояние семьи достигается при большем участии женщин.

На наш взгляд, можно говорить о диссонансе в принятии мужчинами экономического доминирования женщин. На когнитивном уровне, который представлен в моделях экономической самоидентификации, мужчины легитимируют финансовое донорство своих супругов, однако на аффективном уровне, представленном в ответах об удовлетворенности жизнью, мужчины демонстрируют, скорее, негативное отношение к такому соотношению экономических статусов в семье. Женщины обеспеченных семей более толерантны к "нетрадиционным" экономическим отношениям в семье. Для них оказывается важнее уровень и качество жизни, чем то, кто их обеспечивает.

Итак, из анализа коэффициентов связи субъективных оценок экономического статуса и показателей доходов в разных подвыборках семей можно сделать несколько выводов. Во-первых, стратегия максимизации, при которой практически игнорируются собственные экономические характеристики, свидетельствует об осознании экономической зависимости от супруга (или супруги), получающего больший доход. Выраженность этой стратегии в оценках и мужчин, и женщин говорит об их взаимной экономической

Т а б л и ц а 4

**Удовлетворенность жизнью в целом: ответы мужчин
из семей с бюджетами разного типа формирования**

Ответ	Роль супругов в формировании бюджета семьи				Все семьи в доходной группе
	Вклад мужчины выше	Вклад женщины выше	Вклады супругов равны	Бюджет складывается только из надындивидуальных доходов	
Удельный доход семьи ниже 0,5 ПМ					
Удовлетворены	10,8	10,9	20,0	8,7	10,8
И да, и нет	18,3	12,6	30,0	26,1	17,6
Не удовлетворены	70,8	76,5	50,0	65,2	71,5
Удельный доход семьи от 1 до 1, 5 ПМ					
Удовлетворены	26,6	25,0	20,0	50,0	25,4
И да, и нет	20,7	19,6	18,6		20,0
Не удовлетворены	52,8	55,4	61,4	50,0	54,6
Удельный доход семьи выше 2 ПМ					
Удовлетворены	38,3	23,7	29,6	12,5	34,3
И да, и нет	26,4	17,1	20,4	12,5	23,8
Не удовлетворены	35,4	59,2	50,0	75,0	41,9

Т а б л и ц а 5

**Удовлетворенность жизнью в целом: ответы женщин
из семей с бюджетами разного типа формирования**

Ответ	Роль супругов в формировании бюджета семьи				Все семьи в доходной группе
	Вклад мужчины выше	Вклад женщины выше	Вклады супругов равны	Бюджет складывается только из надындивидуальных доходов	
Удельный доход семьи ниже 0,5 ПМ					
Удовлетворены	10,7	4,1	10,0	13,3	8,4
И да, и нет	18,2	23,1	30,0	24,4	21,5
Не удовлетворены	71,1	72,7	60,0	62,2	70,0
Удельный доход семьи от 1 до 1, 5 ПМ					
Удовлетворены	21,3	18,5	22,9	50,0	21,1
И да, и нет	22,3	21,7	17,1		21,3
Не удовлетворены	56,3	59,8	60,0	50,0	57,5
Удельный доход семьи выше 2 ПМ					
Удовлетворены	28,1	35,1	20,8	12,5	28,2
И да, и нет	27,8	23,4	24,5		26,2
Не удовлетворены	44,1	41,6	54,7	87,5	45,7

несамостоятельности, большей для женщин и меньшей для мужчин. В 1990-е гг., когда различные виды экономического поведения, связанные с получением дохода, ограничивались внешними по отношению к индивидам факторами, в наибольшей мере свобода экономического выбора реализовывалась не в выборе стратегии получения денежных средств, а их расходования (потребительском поведении). И здесь супруги выстраивали свои линии поведения в ориентации на экономический статус супруга с более высоким личным доходом.

Во-вторых, что важно в методическом плане, удельные характеристики материального положения в целом оказываются менее значимыми, чем показатели наибольшего в семье дохода. Это говорит о том, что в практике социологических исследований, в первую очередь потребительского поведения, важно учитывать доходные характеристики всех членов семьи, а не обобщенные показатели.

Библиографический список

1. Громова Р. Социальная стратификация в самооценках россиян // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6.
2. Деккер П., Эстер П. Отношение к неравенству доходов на Западе // *Социс*. 1994. № 8–9, 11.
3. Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1999. № 2.
4. Хахулина Л., Стивенсон С. Неравенство и справедливость // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1997. № 2.
5. Baxter J. Is husband's class enough? Class location and class identity in the United States, Sweden, Norway, and Australia // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. № 2.
6. Davis N., Robinson R. Class Identification of Men and Women in the 1970s and 1980s // *American Sociological Review*. 1988. Vol. 53. № 1.
7. Davis N., Robinson R. Do Wives Matter? Class Identities of Wives and Husbands in the United States, 1974–1994 // *Social Forces*. 1998. Vol. 76. № 3.

8. *Goldthorpe J. H.* Women and Class Analysis: In Defense of the Conventional View // *Sociology*. 1983. Vol. 17. № 4.

9. *Goldthorpe J. H.* Women and Class Analysis: Replies to the Replies // *Sociology*. 1984. Vol. 18. № 4.

10. *Kelley J., Evans M.* Class and Class Conflict in Six Western Nations // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. № 2.

11. *Ritter K., Hargens L.* Occupational Positions and Class Identification of Married Working Women: A Test of Asymmetry Hypothesis // *American Journal of Sociology*. 1975. Vol. 80. № 4.

12. *Robinson R., Bell W.* Equality, Success, and Social Justice in England and the United States. 1978. Vol. 43. № 2.

13. *Wright E.O.* Women and the Class Structure // *Politics and Society*. 1989. Vol. 17. № 1.

ГЕНДЕРНЫЕ ЭТАЛОНЫ МОЛОДЕЖИ

И. А. Сапогова

Социальное становление (конструирование) гендера находится под сильным влиянием, с одной стороны, культурных норм, устанавливающих, что должны делать мужчины, а что – женщины, а с другой – под влиянием текущей социальной информации, внушающей людям, насколько велика разница между мужчинами и женщинами. Процесс, в ходе которого мы научаемся тому, что социально приемлемо для мужчин и для женщин, называется *гендерно-ролевой социализацией* [1, с. 45].

В ходе этого процесса формируются гендерные эталоны, которые являются персонифицированным выражением нравственно-этических и антрополого-психологических требований к людям. Это более или менее сознаваемые представления о том, как должны выглядеть внешне и как должны себя вести, выполнять разные обязанности и использовать свои права люди, входящие в конкретную социальную общность, – мужчины и женщины, молодежь и старики, учащиеся и пре-

подаватели, начальники и подчиненные, ученые и работники сферы обслуживания т.д. [1, с. 220].

Гендерные отношения пронизывают все сферы общества, определяются сложившейся структурой экономических, политических и социальных отношений [4, с. 24; 5, с. 5–6].

Однако в современном обществе половое разделение труда теряет былую жесткость, количество исключительно мужских и исключительно женских занятий резко уменьшилось, а взаимоотношения мужчин и женщин в семье и на производстве стали в принципе равноправными. Очень многие занятия вообще не разделяются на мужские и женские. Совместное обучение и общая трудовая деятельность мужчин и женщин влияют на традиционные различия в их нормах поведения и их психологии [2, с. 84].

Считается, что происходящие социальные сдвиги вызывают перемены в культурных стереотипах маскулинности-феминности. Сегодня, чтобы быть с мужчиной на равных, женщине необходимы не только традиционные качества женственности (красота, нежность, мягкость, пассивность, зависимость). Она должна быть умной, энергичной, предприимчивой, т.е. обладать свойствами, которые раньше составляли монополию мужчин. Неоднозначен и образ мужчины. Раньше ему предписывалось быть сильным, смелым, выносливым, агрессивным, энергичным, но не особенно чувствительным (за исключением проявления сильных чувств, вроде гнева). Традиционные качества важны и сегодня, но мужчина начинает ценить в себе и такие тонкие качества, как терпимость, способность понять другого, эмоциональная отзывчивость, которые раньше считались признаком слабости [2, с. 85].

Гендерный подход, разрабатываемый в работах И. Кона [3], Ш. Берн [1], Е. Трофимовой [6], К. Хорни [7], позволяет интерпретировать гендерные эталоны личности как типич-

ные (патриархатные), андрогинные (объединяющие мужское и женское начало) и собственно гендерные (индивидуальные, хотя несколько и идеализированные представления феминности и маскулинности).

Общепризнанно, что нормативные наборы социально-положительных черт мужчины и женщины перестают казаться полярными, взаимоисключающими, и открывается возможность самых разнообразных индивидуальных их сочетаний, в частности, для увеличения числа тех, кто сочетает в себе в разных пропорциях и традиционно мужские, и традиционно женские качества. Однако не вполне ясно, происходит ли этот процесс одновременно и с одинаковой интенсивностью в различных (половозрастных, образовательных, этноконфессиональных и т.п.) группах, испытывающих разное культурное влияние. Так, малоисследованным остается вопрос о гендерном режиме в образовании и об эффективности влияния молодежных СМК на разрушение традиционных гендерных стереотипов.

В рамках нашего исследования ученикам школ Карасунского округа г. Краснодара – юношам (120 человек) и девушкам (123 чел.) в возрасте 14–17 лет – было предложено написать в свободной форме сочинение на тему "Что значит быть в нашем мире идеальным мужчиной/женщиной". С помощью контент-анализа было выявлено всего 18 содержательных характеристик "мужественности" и "женственности". Из них наиболее часто упоминались патриархатные характеристики (табл. 1). Поскольку 100 % – это все сочинения, ясно, что лидирующие патриархатные характеристики назывались с одинаковой частотой как девушками, так и юношами.

Т а б л и ц а 1

НАИБОЛЕЕ ЧАСТО УПОТРЕБЛЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
МУЖЕСТВЕННОСТИ И ЖЕНСТВЕННОСТИ, %

Образ "женственности"		Образ "мужественности"	
Внешне привлекательный	99,1	Хорошая мать	98,0
Работающий	96,9	Хранительница домашнего очага	95,7
Заботящийся о женщине	89,2	Внешне привлекательная	91,0
Заботящийся о семье	82,0	Женственная	90,0
Сильный	67,0	Работающая	78,0

После проверки сочинений этим же школьникам было предложено проранжировать выявленные характеристики мужественности и женственности.

Т а б л и ц а 2

РАНЖИРОВАННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ИДЕАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗА

Девушки о феминных характеристиках	Юноши о феминных характеристиках
Хорошая мать	Внешне привлекательная
Хранительница домашнего очага	Хранительница домашнего очага
Внешне привлекательная	Пассивная во взаимоотношениях с мужчинами

Оказалось, что содержание (когнитивный аспект) эталона феминности в ответах юношей и девушек практически совпадает (табл. 2). Небольшая разница обнаруживается лишь в присвоенных признакам рангах. У девушек два первых места занимают близкие по смыслу понятия "хорошая мать" и "хранительница домашнего очага". Третья характеристика также отражает скорее патриархатный взгляд на женщину – женщина должна быть привлекательной. Юноши поставили на первое место "внешнюю привлекатель-

ность", на второе – "хранительницу домашнего очага". Образ идеальной женщины юноши связывают и с пассивностью во взаимоотношениях с мужчинами.

Таким образом, в ответах старшеклассников обоих полов названы типично патриархатные характеристики феминности. Андрогинные (личность, уверенность) и маскулинные (независимость, ум) характеристики присутствуют только в ответах девушек и занимают самые низкие ранги.

В описаниях образа идеального мужчины девушки и юноши также использовали в основном патриархатные характеристики. В когнитивном аспекте образы мужчины совпадают у обеих групп респондентов (мужской и женской). Различается лишь ценностно-иерархическая структура этих образов. У девушек на первом месте оказывается характеристика, связанная с взаимоотношениями, с заботой о семье. Юноши придерживаются сходных взглядов, но ставят эту характеристику на третье место (табл. 3). Прежде всего идеальный мужчина для них – это обязательно внешне привлекательный молодой человек. Второе место представители обоих полов отдают работающему мужчине. По всей видимости, традиционное, патриархатное представление о том, что карьера для мужчины имеет огромное значение, разделяет большинство юношей. Можно добавить, что девушки хотели бы видеть идеального мужчину еще и сильным (3-й ранг).

Т а б л и ц а 3

РАНЖИРОВАННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ИДЕАЛЬНОГО МУЖСКОГО ОБРАЗА

Девушки о маскулинных характеристиках	Юноши о маскулинных характеристиках
Заботящийся о семье	Внешне привлекательный
Работающий	Работающий
Сильный	Заботящийся о женщинах

В целом образ идеального мужчины состоит исключительно из патриархатных характеристик, феминные и андрогинные характеристики "мужественности" отсутствуют в ответах как юношей, так и девушек.

Для уточнения содержания гендерных (патриархатных) эталонов мы анализировали данные методики неоконченных 10 предложений, в 5 из которых речь идет о типичных представителях мужественности/женственности (о гендерных ролях), а в остальных – об отношениях к противоположным гендерным ролям.

Мы выявили носителей эталонных характеристик, т.е. типичных представителей "мужественности" и "женственности". Ими оказались отец (встречается в ответах юношей и девушек); киноактер (встречается в ответах юношей и девушек); человек, заботящийся о других; мужчина, способный быть любящим (встречается только у девушек); хороший специалист, работник, смелый человек (встречается только у юношей).

Как видно из табл. 4 и 5, в ответах старшеклассников можно обнаружить две взаимодополняющие роли типичных мужчин и женщин: мать-отец; киноактриса-киноактер.

Т а б л и ц а 4

РАНЖИРОВАННЫЕ ЭТАЛОННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
ИДЕАЛЬНОЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ

Девушки	Юноши
Отец	Хороший специалист, работник
Человек, заботящийся о других	Смелый человек
Киноактер	Отец
Мужчина, способный быть любящим	Киноактер

Т а б л и ц а 5

РАНЖИРОВАННЫЕ ЭТАЛОННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

Девушки	Юноши
Мать	Женщина, способная быть верной
Вообще привлекательная женщина	Домохозяйка
Я сама	Мать
Модель, киноактриса	Киноактриса

Роли матери и отца относятся к числу самых распространенных и декларативных при становлении личности девушки и юноши, что связано, на наш взгляд, с жесткими патриархатными предписаниями. Роль киноактера или киноактрисы, судя по высказываниям, более вариативна, поскольку актеры, проигрывая различные роли, транслируют различные модели поведения и гендерные эталоны, и, следовательно, в них не содержатся жесткие предписания, как поступать в той или иной ситуации "настоящим" мужчинам и женщинам.

Патриархатный характер "мужественности" и "женственности" (т.е. предписанный внешними ценностями ожидания) обнаруживается и в анализе отношения респондентов к противоположным гендерным ролям (табл. 6 и 7).

Т а б л и ц а 6

ХАРАКТЕР ОЖИДАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РОЛЬЮ ИДЕАЛЬНОЙ
ЖЕНЩИНЫ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНЫ

Мнения девушек	Мнения юношей
Идеальный мужчина ждет от идеальной женщины подчинения	Идеальный мужчина считает, что идеальная женщина – это та, которая хорошо готовит
Идеальный мужчины считает, что идеальная женщина – это домохозяйка	Идеальный мужчина считает, что идеальная женщина должна любить мужчину
Идеальный мужчины уверен, что идеальная женщина должна быть привлекательной	Идеальный мужчина хочет видеть идеальную женщину внешне привлекательной

Т а б л и ц а 7

ХАРАКТЕР ОЖИДАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РОЛЬЮ ИДЕАЛЬНОЙ
ЖЕНЩИНЫ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНЫ

Мнения девушек	Мнения юношей
Идеальная женщина хочет, чтобы идеальный мужчина зарабатывал деньги	Идеальная женщина хочет, чтобы идеальный мужчина зарабатывал деньги
Идеальная женщина ждет от идеального мужчины, чтобы он заботился о ней	Идеальная женщина ждет от идеального мужчины внимания и любви
Идеальная женщина считает, что идеальный мужчина должен быть верным	Идеальная женщина ждет от идеального мужчины, чтобы он заботился о ней

По мнению респондентов-юношей, "идеальная женщина" хорошо готовит, любит мужчину и внешне привлекательна. Респонденты-девушки считают, что мужчины от них ждут, прежде всего, подчинения, выполнения роли домохозяйки и умения быть привлекательной. Таким образом, патриархатные стереотипы, формировавшиеся на протяжении многих поколений и сегодня являются доминирующими в сознании молодых людей. Девушки по-прежнему склонны отказываться от своей "особенности", "уникальности", "индивидуальности" в угоду патриархатным ценностям – тем ожиданиям, которые им диктуются маскулинной культурой.

По мнению девушек, идеальный мужчина – это тот, кто зарабатывает деньги, заботится о женщинах и сохраняет ей верность. Юноши считают, что от них, прежде всего, ждут женщины любви, заботы и материального обеспечения ("настоящий мужчина, это тот, кто зарабатывает деньги"). Патриархатные представления о настоящем мужчине оказываются более нормативно определенными, чем представления об идеальных женщинах. Они практически совпадают в ответах у юношей и девушек. Чтобы соответствовать этому образу, юношам подчас приходится отказываться от своей

индивидуальности и укладывать себя в "прокрустово ложе" традиционных, патриархатных стереотипов.

Можно сделать следующие выводы.

1. Содержание гендерных эталонов (когнитивный аспект) совпадает и у юношей, и у девушек. Патриархатные характеристики гендерных эталонов являются преобладающими.

2. Иерархическая структура гендерных эталонов различается в мужской и женской группах. Для девушек важнее функциональные характеристики (женщина – хорошая мать, мужчина – заботящийся о своей семье). Для юношей более актуальны характеристики внешности (юноши и девушка должны быть прежде всего внешне привлекательными).

3. Типичными представителями мужественности / женственности являются мать / отец, киноактриса / киноактер; эти роли можно считать взаимодополняющими друг друга: реальная и идеальная.

4. Образы "настоящего мужчины" у юношей и девушек более когерентны, чем образы "идеальных женщин".

Библиографический список

1. Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001.
2. Винокурова И.А. Женщины и мужчины в науке: двойной портрет // Социс. 1999. № 4.
3. Кон И.С. Психология ранней юности: Книга для учителя. М., 1989.
4. Разина Н.К. Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях // Вопросы психологии. 1999. № 2.
5. Тиводар А.Р. Формирование гендерной идентичности девушек-студенток: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2000.
6. Трофимова Е.И. Феминизм и женская литература в России // Материалы I Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям "Валдай-96". М., 1997;
7. Хорни К. Психология женщины. Невротическая личность нашего времени. М., 1997.

**ГЕНДЕРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ:
ЛИЧНОСТЬ,
ЭКОНОМИКА,
УПРАВЛЕНИЕ**

Гендерные исследования на факультете управления КубГУ в настоящее время являются устойчивым направлением научных и практических изысканий. За последние два года лабораторией гендерных исследований и технологий социально-психологического взаимодействия взаимодействия НИИ Социально-гуманитарных проблем КубГУ совместно с кафедрой психологии личности и общей психологии было успешно реализовано несколько проектов: серия семинаров по гендерному образованию на тему "Гендерное образование в профессиональной социализации личности", круглый стол "Общественные дискуссии по гендерным проблемам г. Краснодара" (совместно с Краснодарской городской общественной организацией "Анима"), создан сайт лаборатории, который представляет собой информационный Интернет-портал (ugen.kubsu.ru).

Очередным шагом в развитии гендерных исследований стал прошедший 7 июня 2003 г. научно-практический семинар "Гендерные исследования: личность, экономика, управление", посвященный развитию междисциплинарной составляющей гендерных исследований и укреплению сообщества ученых и практиков, занимающихся решением гендерных проблем в Краснодарском крае.

Междисциплинарность как особенность всякого гендерного исследования создает благоприятные условия для расширения научного и практического поля, для установления профессиональных контактов и кооперации в решении насущных гендерных проблем: гендерного неравенства на рынке труда, социальной защиты и поддержки населения, планирования и повышения эффективности экономического развития региона с учетом гендерных аспектов.

Поэтому не случайно на конференции присутствовали представители различных научных направлений и практических областей: экономисты, психологи, социальные работники – студенты, аспиранты и преподаватели факультета управления; активисты общественных организаций КГОО "Анима" и ККОО "ЦСПТ „Перспектива“", представители государственных структур – заместитель генерального директора Департамента социальной защиты Краснодарского края Л. Н. Малафий, начальник отдела высшего и дополнительного профессионального образования Департамента образования Краснодарского края Д. С. Сомов, секретарь комиссии по вопросам улучшения положения женщин Краснодарского края при Департаменте социальной защиты Краснодарского края О. Я. Ищенко.

На семинаре прозвучали доклады Л. Н. Ожиговой "Междисциплинарность в гендерных исследованиях: личность и экономика", С. Н. Бунчук "Гендерные аспекты концепции устойчивого экономического развития", О. С. Осиповой "Гендерные аспекты социальной стратификации и мобильности", Н. Н. Лупенко "Гендерное неравенство и психологические проблемы женщины в бизнесе", Н. Ю. Рымарева "Гендерное неравенство в образовании и скрытый учебный план в школе", И. А. Сапоговой "Структура субъективного опыта в становлении карьеры женщин-управленцев".

В итоге обсуждения докладов участники семинара пришли к выводу: только социальное партнерство поможет выйти нашему обществу на новый демократический и гуманистический уровень, станет базой для устойчивого развития края. Именно системный подход в организации социальной политики Краснодарского края был обозначен как приоритетный для решения гендерных проблем.

Далее представлены тексты некоторых выступлений.

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ
УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ОТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ К СИСТЕМНОМУ ПОДХОДУ
В РЕШЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ**

Л. Н. Ожигова, С. Н. Бунчук

Гендерные исследования в настоящий момент представляют собой широкое научное поле, в котором предмет, методы и стратегии исследования носят междисциплинарный характер. Центральное понятие этой области научного знания "гендер" принадлежит одновременно нескольким научным дисциплинам: философии, социологии, психологии и др.

Междисциплинарность выступает важнейшим методологическим принципом гендерного исследования, благодаря которому существенно расширяется поле научного знания и исследовательских стратегий. Возникающие методологические трудности на стыке различных наук – философии, социологии, культурологии, психологии и т.д. – решаются в рамках гендерных исследований за счет широкого использования качественных стратегий, где основными методами являются беседа, интервью, биографический метод и пр.

Однако такая междисциплинарная кооперация помимо своего положительного развивающего и инновационного значения, безусловно, имеет и некоторые отрицательные моменты. Так, находясь в поле междисциплинарной кооперации, ученый может выйти за границы предмета исследования одной ("своей") науки и допустить методологическую некорректность с точки зрения другой науки. "Размышление" предмета изучения, широкое заимствование теоретических обоснований и исследовательских стратегий ведет к укреплению субъективных интерпретаций исследователя. Здесь уже включаются другие законы: предвзятое отношение к предмету исследования, тенденциозная подача данных или прямое проявление идеологии.

Для гендерных исследований характерно, а для феминистского исследования обязательно вторжение в аспекты идеологии – взаимодействие гендера и властных отношений. Темы социального неравенства, защиты прав и интересов какой-либо группы (чаще всего женщин) являются обычными. Нельзя не согласиться с тем, что конституционально в России и многих развитых странах равные права закреплены за женщинами и мужчинами, но социальная практика показывает, что либо они не соблюдаются, либо ими не пользуются.

Постструктурализм и постмодернистский феминизм вскрыл глубинные процессы, лежащие в основе конструирования социальных отношений. Тоталитарное, патриархатное мышление прочно сидит в человеческой памяти, дискриминация полов накладывает сильный отпечаток на человеческое мышление, и многие думают, что образ мыслей, поведение женщины и мужчины обусловлены самой их биологической природой. Так, например, женщины склонны к тому, чтобы их недооценивали и принижали, почитая существами морально слабыми и второсортными.

Мужчины также переживают комплекс проблем, связанный теми предписаниями и нормами, которые закрепляет за ними культура.

Во всяком феминистском и гендерном исследовании заложен широкий гуманистический лозунг, ориентированный на самостоятельность, ответственность, самореализацию, поддержку личности и ее прав. Особая чувствительность гендерного исследования к фактам гендерного неравенства, другим формам дискриминации и насилия над личностью ставит исследователя в позицию эксперта по правам человека. Возникло и утвердилось понятие "гендерная экспертиза", которое используется в исследованиях, посвященных анализу социальной политики и реформаторской деятельности государства в области экономики на различных уровнях: региональном, государственном, мировом.

Экспертиза в широком смысле – это процесс оценки некоего предмета или явления с целью мотивированного заключения, осуществляемого и выносимого специалистом по определенным критериям. В гендерной экспертизе главным критерием служит соблюдение прав личности в ходе ее самореализации или при распределении различных социальных благ. Гендерная экспертиза – это сложный прием анализа и оценки региональных и государственных социально-экономических программ развития, отдельных положений и аспектов социальной политики. Она позволяет выявить существенные аргументы в пользу дискриминируемых групп населения, но является ли это способом научного познания? В выводах, формулируемых в итоге гендерной экспертизы, часто отсутствует то, что называется научной критической оценкой, но присутствует прямое лоббирование интересов какой-либо социальной группы. Как правило, эта социальная группа определена точно – женщины.

Женщины в свете гендерной экспертизы выступают как маргинальная, дискриминируемая группа, испытывающая дефицит возможностей своей самореализации, исключенная из распределения экономических ресурсов.

Тезис гендерной экспертизы о дискриминации женщины актуален в пространстве идеологической борьбы, но не в пространстве науки, которая ставит основной своей целью прогрессивное движение общества, улучшение жизни. В рамках научного исследования значение имеет не то, кто кого угнетает, а каковы траектории и перспективы дальнейшего развития личности или общества в целом. Для науки важно соблюдение принципа рациональности. В данном случае мы считаем нерациональным фиксирование научного сообщества на дискриминации женщин, ибо маргинализирующая трактовка женщин работает не на признание ее в обществе, а, наоборот, на ее исключение.

Так происходит, например, в гендерной экономике, где анализируются экономические различия между мужчинами и женщинами и выявляются причины этого феномена, причем внимание исследователей в основном сфокусировано на проблеме занятости и дискриминации женщин. Редко можно найти работы, посвященные изучению эффективных стратегий поведения женщин на рынке труда, примеров конструктивного развития. Акцент делается на негативных моментах. Здесь вспоминается клинический период в истории психологии, когда на изучении патологических явлений в личности пытались выстроить представление о личности здорового человека.

В стороне от исследования стоят такие темы, как биологическая и психологическая ресурсность женщин, большая свобода в выборе экономической стратегии поведения и т.д. Часто исследователи пытаются изучать проблемы женщин, но не всегда четко осознают, каких именно жен-

щин они изучают. Женщины не представляют собой однородную группу: работающие, неработающие (безработные и домохозяйки), матери-одиночки, матери детей инвалидов, многодетные матери, молодые девушки, пожилые женщины, бездетные и одинокие женщины, женщины-военнослужащие и т.д.

У каждой категории своя социально-экономическая и психологическая проблематика, с каждой должна быть выстроена отдельная адресная работа по защите прав и поддержке. Нельзя забывать и о том, что мы можем рядом написать такой же список дискриминируемых категорий мужчин.

В свете сказанного можно предположить, что гендерная экспертиза как междисциплинарный прием в том виде, в котором она появляется сейчас в научных и научно-публицистических текстах, не несет в себе рационального и позитивного движения. Наиболее перспективным представляется переход от тенденциозного видения положения женщин к прогнозированию перспектив и разработки технологий улучшения качества жизни личности и общества. Нужна не экспертиза, а научно обоснованный контроллинг социокультурного и экономического движения общества.

Важно отметить, что традиционные экономические механизмы управления и социальная политика функционируют в значительной мере раздельно. Их интегрирование на принципиально новом – гендерном – направлении несомненно повысит эффективность мер по улучшению положения и женщин, и мужчин. Достижение гендерного равенства является важной частью такой стратегии развития, которая призвана дать возможность и право всем людям – женщинам и мужчинам – избежать нищеты, повысить жизненный уровень и получить психологическую удовлетворенность.

Однако разработка технологий по решению проблем гендерного неравенства требует детального анализа специфики гендерных проблем на макро- и микроуровне, обуславливает необходимость широкого анализа всей полноты экономических, социальных и психологических аспектов.

Стратегия системного подхода в решении гендерных проблем перспективна с точки зрения современного экономического знания. В этом смысле междисциплинарное исследование гендерных аспектов в экономике может выступить первым шагом.

Но как создать наиболее благоприятные условия для реализации социального и экономического поведения мужчин и женщин в обществе, которое позволило бы им удовлетворить свои биологические и социальные потребности в мире ограниченных ресурсов, используя приемлемые формы кооперации и сотрудничества? Рассмотрим некоторые аспекты европейского опыта реализации системного подхода к планированию устойчивого или сбалансированного развития сложной социальной системы на региональном и местном уровне.

В резолюции № 1 о "Стратегии устойчивого развития в урбанизированных регионах Европы", принятой Европейской конференцией министров регионального планирования (Осло, 1994), говорится следующее: "Важно обозначать новые ценности и перспективы в процессе планирования, и по этой причине существенно, что в процессе планирования принимается во внимание опыт и мужчин, и женщин; городское планирование одобряет действия, способствующие устойчивому городскому развитию, и, если это необходимо, может изменять образ жизни людей; на региональное/пространственное планирование сильное влияние оказывают женский опыт и традиции".

Действительно, экономические образы женщин и мужчин 50, 20 или 10 лет назад значительно отличаются друг от друга. Изменяется степень и темпы социализации мужчин и женщин. Более того, подвержена изменениям сама культура и социальные ценности общества.

Изучение внешних и внутренних факторов дает системный подход к рассмотрению вопроса о том, как конкретное сообщество мужчин и женщин проживало на данной территории и какие условия следует предоставить или организовать для них для сбалансированного совместного проживания. Связь мужчина – женщина рассматривается здесь не случайно, поскольку отдельное рассмотрение роли женщины в местном сообществе, по нашему мнению, выглядит абстрактно. Роль женщины и мужчины необходимо рассматривать в рамках всей совокупности возникающих общественных отношений или их социальных ролей. Другое дело, каковы социальные ценности самих индивидов в данной экономике и какие приоритеты для них актуальны. Таким образом, сообщество мужчин и женщин, или социальная система, рассматривается нами как часть целого.

В Европе концепция пространственного развития ведет к устойчивому социально-экономическому развитию локальных систем – мыслим глобально, а действуем локально, поскольку граждане и органы регионального и местного самоуправления только в кооперации могут внедрить концепцию устойчивого сбалансированного социального развития. Управленцы на региональном и местном уровне должны мыслить глобально, а принимать управленческие решения целенаправленно и адресно, учитывая гендерные аспекты.

Это согласуется с основными положениями, принятыми в рамках системного подхода, который разрабатывали, в частности, А. А. Богданов, О. Тоффлер, И. Пригожин,

Е. Князева, С. Курдюмов и др. Некоторые выводы из их исследований в отношении управления в территориальном сообществе как в сложном социальном организме таковы:

- сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития, а надо понять их собственные тенденции эволюции (управляемое развитие – это самоуправляемое развитие);

- всякое управленческое решение должно учитывать возможности нескольких альтернативных путей развития сообщества;

- для эффективного управления важна не сила, а правильная система ее приложения, нужны малые, но правильно организованные воздействия.

По сути, решение проблемы развития социальных систем (В. Лапин, А. Харитонов) сводится к решению трех задач:

1. *Жизнеобеспечение системы*: сохранение и поддержание функций системы, ее элементов и структуры. В отношении государственного образования жизнеобеспечение сообщества мужчин и женщин – это работа инфраструктуры жизнедеятельности общества и государства для обеспечения их биологических и социальных потребностей.

2. *Адаптация системы к окружающей среде*. Под адаптацией понимается управляемый процесс изменения сложной системы (включая подсистему управления изменениями самой системы), направленный на поиск оптимальных траекторий ее развития, в каждой точке которой сложная система в своем движении стремится к точке гармонического равновесия между системой и окружающей средой по трем характеристикам: пространству, функциям и структуре.

3. *Воспроизводство системой самой себя*. Под воспроизводством социальной системы понимается управляемый процесс смены поколений, включающий подготовку новых

поколений к работе по жизнеобеспечению системы и ее адаптации к окружающей среде. Воспроизводство может служить базовым процессом, как точка отсчета для анализа и решения первых двух задач развития. Продуктом самовоспроизведения общества и самым ценным ресурсом общества является сам человек.

Человека в среднем характеризуют три агрегированных показателя, принятых в программах развития ООН 1994 г. (качество жизни):

- здоровье, измеряемое средней ожидаемой продолжительностью жизни;
- интеллектуальное качество, определяемое величиной валового продукта на душу населения;
- духовность, измеряемая уровнем образования или иным способом.

Эти показатели косвенно характеризуют уровень и качество жизни человека, будучи по существу критериями качества принимаемых управленческих решений.

Высокий уровень этих показателей желателен не только как олицетворение представлений о высоком уровне и качестве жизни, но и как свидетельство использования потенциала человека в целях жизнеобеспечения и адаптации.

Одновременное решение всех трех задач является необходимым условием устойчивого развития сложной социальной системы. Устойчивы только те системы, где эти задачи успешно решены.

Таким образом, европейский опыт реализации концепции устойчивого развития учитывает гендерные аспекты в развитии сложных социальных систем. Трудность состоит в том, чтобы преобразовать заявленные принципы в конкретные программы и проекты и совершить переход к устойчивому развитию.

Особая роль в достижении устойчивого развития при-

надлежит локальным экономическим системам. Здесь важен прямой контакт с населением, в том числе и через органы местного самоуправления: меньше территория, масштаб управления.

Все это может служить некоторой концептуальной основой для формирования и создания региональных проектов, направленных на изменение социальной политики. Учитывая основные положения европейской концепции устойчивого развития, общеметодологические положения системного подхода, основные мировые и российские нормативные и проектные документы в области улучшения положения женщин (Национальный доклад о положении женщин 2000 г., Проект гендерной стратегии РФ 2003 г., План действий по улучшению положения женщин в г. Краснодаре на 2001–2005 гг.), мы предлагаем проект "Гендерные аспекты региональной социальной политики".

Его цель – разработка гендерных технологий в региональной социальной политике, направленных на развитие социального партнерства в решении проблем женщин и на удовлетворение жизненно важных и социальных потребностей женщин в новых условиях техногенного развития общества.

Реализация проекта предполагает:

- анализ особенностей реализации социальной политики в Краснодарском крае и проведение ее гендерной экспертизы;
- выявление проблемных сфер и определение приоритетных направлений для осуществления социальной политики с учетом "запроса" целевой группы (установление обратной связи с целевой группой);
- сбор и систематизация данных по правовому, информационному, кадровому и организационному обеспечению выделенных приоритетных направлений.

Разработка гендерной технологии комплексного повышения качества жизни женщины в регионе предусматривает:

- правовое обеспечение,
- кадровое обеспечение;
- информационное обеспечение (связь с социальными институтами в обществе);
- институциональное обеспечение (в том числе проследивание динамики изменения социальных интересов женщин в естественном поиске самоопределения);
- консалтинговое обеспечение (поиск для клиента его новых социальных ролей в обществе);
- медицинскую помощь;
- социально-психологическую помощь (определение смысла жизни);
- образовательные услуги (в том числе по предпринимательству).

Перечисленный комплекс и есть гендерная технология, которая отвечает на вопрос, как следует учитывать гендерные аспекты при реализации социальной политики.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

О. С. Осипова

С точки зрения неравенства принципиальную важность имеет положение личности в обществе и перспективы развития ее способностей. Общество различает людей по гендерному основанию, предоставляя неравные образовательные, профессиональные и карьерные шансы. Механизмы социализации, обладая гендерной предзаданностью, навязывают определенные статусы, требуют соответствия нормативным требованиям и ожиданиям, заставляют следовать социально одобряемым образцам поведения, различным для

мужчин и для женщин. Предписанные статусы касаются нации, возраста, пола человека, и именно здесь пролегает основание для маскулинно-феминных противопоставлений. Предписанность гендерного статуса влияет на жизненные шансы в обществе, в котором патриархатные доминанты благоприятствуют именно мужчинам в достижении значимых позиций в профессиональной деятельности, карьере и образовании. При этом типизация гендерных позиций обычно тяготеет в сторону домашнего хозяйства для женщин и производственной деятельности для мужчин.

С социализацией личности и с презентацией ее статусных состояний непосредственно связаны процессы социальной стратификации и мобильности. История человечества показывает, что любая организованная социальная группа всегда стратифицирована: общество, развиваясь, обнаруживает не ослабление, а усиление неравенства. Согласно П. Сорокину, исторически величина получаемых индивидом социальных благ больше зависела от социального положения его группы – рода, касты, сословия – и определялась наследованием привилегий и религиозно-юридическим характером дифференциации общества. Современность в большей степени демонстрирует значимость индивидуальных заслуг и личностных свойств, а в будущем, согласно П. Сорокину, полнота труда, прав и социальных благ будет принадлежать всем.

Наиболее выражена экономическая и политическая стратификация общества. Экономическая стратификация нестабильна. В истории семьи, нации или социальной группы тенденции к обогащению или обнищанию не устойчивы, в стабильном состоянии общества со сложной структурой и институтом частной собственности изменение высоты и профиля экономической стратификации ограничено, а радикальные изменения катастрофичны. Силь-

ная дифференциация чревата разрушением социальной структуры и низвержением его верхних слоев. В то же время гендерные аспекты экономической стратификации отражают в ретроспективном анализе преимущественное патриархатное доминирование во владении крупной собственностью и финансами.

Политическая стратификация, согласно П. Сорокину, не обнаруживает жестких закономерностей при переходе от монархии к республике, от самодержавия к демократии, от правительственного невмешательства в жизнь общества к всестороннему государственному контролю и наоборот. Среди множества факторов большую роль играет увеличение размеров политического организма и разнородность состава населения. В любом обществе происходит борьба сил политического уравнивания и стратификации, их колебание стремится к равновесию. Политическая стратификация заметнее и имеет более широкую амплитуду и скорость, чем экономическая, в том числе и в гендерном отношении. Борьба за политическое равенство стала одним из ключевых элементов в женском движении.

В эпоху индустриализации и информатизации важную роль играет профессиональная стратификация. Одни классы профессий составляют верхние социальные страты, другие – нижние, феномен стратификации обнаруживается. В любом обществе на высшем уровне сосредоточены функции организации и управления, выполнение которых связано с интеллектуальными усилиями и привилегиями по сравнению с другими профессиональными группами. Именно этот – высший – уровень менее всего насыщен женским профессиональным трудом. Внутри профессий и профессиональных сфер выстраивается своя иерархия. В настоящее время происходит заметное выравнивание маскулинно-феминных позиций в профессиональной иерархии.

Социальная мобильность может быть горизонтальной и вертикальной. В первом случае мобильность достигается с сохранением профессионального статуса внутри социальной страты, а во втором – происходит переход в другую страту. В зависимости от направления различают восходящую и нисходящую вертикальную мобильность. Восходящая мобильность представляет собой перемещение индивида или целой социальной группы в более высокую страту, нисходящая – наоборот. В профессиональной стратификации вертикальный тип мобильности преобладает в мужской карьере, тогда как женской карьере более свойственна горизонтальная мобильность. В критические периоды истории женщины чаще, чем мужчины, перемещаются в низшие страты социальной иерархии по экономическим, политическим и особенно профессиональным параметрам.

Специфика гендерной социализации обусловлена историческими условиями и своеобразно проявляется в разных типах обществ. Д. Белл, Д. Гелбрейт, З. Бжезинский, О. Тоффлер, Ж. Фурастье и др. видели в становлении постиндустриального общества переход от товаропроизводящей к обслуживающей экономике, смену классового деления профессиональным и приоритетом интеллектуальных технологий (см.: Новая технократическая волна на Западе. М., 1986). Указанные социально-экономические изменения позволили женщинам активнее включиться в деловую активность.

Гендерный анализ применим и в концепции О. Тоффлера, выделившего в истории человечества три волны: аграрную, промышленную и информационную. Аграрный этап предполагал мужскую занятость в сельском хозяйстве и женскую работу в семейно-бытовой сфере. Промышленный этап, или "вторая волна", начался с возникновением фабричного производства, которое требовало мужского фи-

зического труда, силы и выносливости. В будущем О. Тоффлер предполагал наступление "третьей волны" – переход к информационной организации производства и появление новых профессий, развитие образования. Произошедшие изменения в характере труда привели к делению на стандартизированную рабочую силу, объединенную в профсоюзы, и работающих индивидуально интеллектуалов, относящихся к высшим слоям общества.

Изменился гендерный баланс в рабочей силе. Механизация и автоматизация тяжелого труда привела к его интеллектуализации, к большей гибкости в принятии решений, к усилению коммуникативного аспекта в управлении и организации взаимодействия между работниками, в результате увеличилась доля женского персонала. Однако и безработица имеет гендерное измерение: женщины чаще оказываются в ситуации поиска работы, обладая равным с мужчинами образовательным статусом, профессиональными навыками и опытом.

Происходящие социально-экономические изменения требуют переосмысления стереотипов женской этики, ее замкнутости семейно-бытовой сферой и преодоления фаллоцентрических предубеждений. Должна повыситься роль личного выбора женщины: самоограничение семейной жизнью или, напротив, самореализация в общественной научно-производственной деятельности. Любое навязывание женщине социальных ролей и статусов, будь то роль жены и матери с доминантной функций деторождения или производственницы, должно быть исключено. Плюрализм постмодерна подчеркивает собственное право женщины решать свою судьбу и выбирать личностно значимый и экзистенциально насыщенный жизненный путь. Дилемма "семья или карьера" слишком узка и не предполагает всего разнообразия вариаций личностных позиций при занятии

социальных статусов и выполнении социальных ролей, где роли жены, матери, домохозяйки, деловой женщины не взаимоисключаются, а складываются в индивидуально неповторимые наборы.

РОССИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА-УЧЕНЫЙ В XX ВЕКЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ

А. Н. Еремеева

Гендерная проблематика в отечественном гуманитарном знании за последние пятнадцать лет превратилась из экзотической в динамично развивающуюся область исследования. Роль своеобразного катализатора сыграли зарубежные научные фонды, финансировавшие подготовку специалистов в рамках университетского образования, летних школ, сессий, семинаров, создание научных трудов и учебных курсов.

Данная статья посвящена анализу состояния, перспектив изучения и трансляции в рамках учебных курсов истории женщин-ученых в условиях российского (советского) социума. Интерес к теме продиктован, с одной стороны, слабостью и односторонней разработкой ее в историографии, с другой – возможностью апробации новых подходов. В процессе разработки автором спецкурса "Российский ученый в условиях социально-политических трансформаций XX века" * необходимость изучения "женской составляющей" социальной истории российской (советской) науки стала еще более очевидной.

* Разработка спецкурса велась при финансовой поддержке Центральнo-Европейского университета.

Работы, так или иначе затрагивающие заявленную тему, можно условно разделить на несколько групп.

Социологические, психологические, философские исследования, осмысливающие феномен женщины в науке, ее социальное самочувствие в этой сфере, факторы, влияющие на научную продуктивность и статус женщин-ученых, различные аспекты взаимоотношений женщин и мужчин в современном научном сообществе, в том числе парадокс дискриминации женщин-ученых на фоне феминизации кадровой составляющей науки [2, 5, 12, 19, 21]. Теоретическим базисом большинства подобных исследований выступает феминистская критика науки, которая, используя различные подходы, рассматривает науку как маскулинизированную сферу деятельности [4, 10].

Исторические труды, рассматривающие историю женского высшего образования, дискуссии в российском обществе второй половины XIX – начала XX века об "ученой женщине", развитие феминизма в России, сущность и основные этапы феминизации отечественной науки [1, 3, 7, 17, 22, 24].

Биографии (научные, научно-популярные, реже – художественные) женщин-ученых. В последнее время получили распространение юбилейные брошюры, основу которых составляет биографический очерк, дополненный списком основных трудов и иногда воспоминаниями коллег, и сборники очерков о женщинах-ученых отдельных регионов и профессий.

Исследования по истории высшей школы, научных учреждений, науки и ее отраслей, где оценивается вклад конкретных женщин в науку и организацию научных исследований.

Дальнейшее изучение проблемы расширит диапазон возможных вариантов анализа вопроса в рамках универси-

тетских спецкурсов. Однако и сегодняшнее состояние позволяет предложить ряд направлений, которые представляют большой научный интерес и реально способствуют формированию исследовательских навыков студентов.

Одно из них, на наш взгляд, наиболее перспективное – феминистский анализ художественных текстов об ученых и тех произведениях, среди героев которых женщины-ученые. Данный вопрос еще не стал предметом специального изучения. В ряде работ американских ученых-славистов 1960–1980-х гг. дан краткий обзор отдельных произведений советской художественной литературы с позиций отражения в них положения женщин-интеллектуалок, женщин-руководителей, "карьерных" женщин в целом [20]. Дальнейшего развития тема не получила ни в отечественной, ни в зарубежной литературе, хотя представляет как научный, так и социальный интерес, поскольку связана с осознанием причин затрудненного доступа женщин к научной деятельности.

По степени репрезентативности, доступности, возможности тиражирования, воздействию на потребителя лидируют художественная литература и художественные фильмы. Последние иногда являются экранизацией популярных художественных произведений.

Безусловно, интерес представляют любые художественные тексты, репрезентирующие научное сообщество, независимо от количества и значимости для основной линии сюжета женских персонажей, а также тексты, репрезентирующие ученую женщину вне контекста научного сообщества. Они могут рассматриваться как полноправные участники дискурса о роли женщины в науке.

Особого же внимания требуют немногочисленные в общей массе произведения, где женщина-ученый предстает героиней "первого плана".

Насколько позволяют судить известные источники, первым опытом художественного представления темы стала вышедшая в 1947 г. на экраны СССР комедия знаменитого режиссера Г. Александрова "Весна" с всенародной любимицей Любовью Орловой в роли главных героинь – опереточной певицы Шатровой и "профессорши" Никитиной. Украинская исследовательница В. Суковатая не без основания рассматривает фильм как первую, хотя и робкую попытку изобразить успешную женщину-ученого, деконструировать стереотип профессии ученого как "антиженской" и "асексуальной" [14]. Однако Никитина – это в первую очередь комический персонаж; она выступает скорее не как отдельная личность, а как символ со всеми внешними и внутренними укоренившимися в общественном сознании атрибутами ученого вообще.

В 1950-е гг., когда тема НТР в советской литературе и искусстве приобретает особую актуальность (не последнюю роль здесь сыграл государственный заказ), ученые женщины в большей или меньшей степени "проникают" в пространство художественного текста. Хорошо осознавая условность предложенной далее классификации, попробуем выделить и прокомментировать основные варианты художественной репрезентации женщин-ученых.

1. Идеальный для исследователя и одновременно наименее распространенный вариант главной героини женщины-ученого, которая показана в контексте публичной и приватной сфер, причем на протяжении многих лет.

Сюда следует отнести прежде всего печатавшийся по частям и окончательно заверченный в 1956 г. роман известного писателя, автора "Двух капитанов", В.А.Каверина "Открытая книга". В центре романа – личностное и профессиональное становление талантливого микробиолога, образцового ученого новой формации Татьяны Власенковой.

Безусловно, в обращении В. А. Каверина к феномену женщины-ученого есть определенная закономерность. Она детерминирована следующими обстоятельствами жизни автора. Первое, брат В. А. Каверина – известный микробиолог Л. А. Зильбер. Второе, автора связывала многолетняя дружба с крупным ученым в области естественных наук З. В. Ермольевой, без которой, по признанию самого Каверина, романа бы не было. Наконец, думается, немаловажным фактором отторжения (по крайней мере, в романе) автором патриархатной модели стала атмосфера профессионального партнерства в семье Каверина: его женой была высокообразованная женщина, писательница, автор исторических повестей Л. Н. Тынянова.

Роман приобрел немалую популярность, чему способствовала на первых порах обширная критика, особенно после публикации первой части, в конце 1940-х гг. Тогда раздавалось немало критических голосов, в основном требующих не романтизировать дореволюционную действительность *. В 1970-е гг. "Открытая книга" была дважды экранизирована – как кинофильм (режиссер – В. Фетин) в 1974 г. и как многосерийный телефильм (режиссер – В. Титов) в 1979 г. Наиболее известна последняя экранизация с блестящим актерским составом (И. Савина, Е. Соловей, Н. Дикарева, Ю. Богатырев, Г. Тараторкин и др.). Вообще, многократность, многосерийность явлений персонажа зрителю удлиняет своеобразный диалог, позволяя вовлекать в дискурс все большее количество людей.

В 1982 г. на телеэкранах страны был показан шестисерийный художественный фильм "Солнечный ветер" (автор

* Такие отклики были вполне естественны для периода позднего сталинизма. Автор воспроизвел основные пункты критики в воспоминаниях [8].

сценария – И. Дворецкий, режиссер – Р. Горяев), в центре которого становление (с 17 до 32 лет) ученого-физика Надежды Петровской (актриса Анна Каменкова). Незаурядная самобытная личность, преданная профессии и жаждущая поиска, в публичной и частной сфере идущая против течения, она, в отличие от героини В. Каверина, не вписывалась в атмосферу времени. Борьба за самоосуществление в научном сообществе, семье, иных ситуациях, отторжение от традиционных и поощряемых на различных уровнях условия и фальши – все это вызвало полярные отклики зрителей *. Официальная же критика фильм практически не заметила.

С перерывом в 30 лет И. Шапиро (1956 г.) и А. Шахмалиева (1985 г.) экранизировали биографию Софьи Ковалевской. Несмотря на то что творчество выдающегося ученого хронологически не вписывается в изучаемый нами период, фильмы интересны трактовкой образа главной героини, отражающей соответствующий пласт мифологии советского общества.

2. Женщина-ученый – один из центральных персонажей – показана в конкретный, нередко переломный, период (длящийся от недели до нескольких лет). В данном случае экскурсы в историю предыдущей карьеры и личной жизни вводятся авторами для лучшего понимания происходящего. Повествование ведется, как правило, от имени женщины или же другими художественными средствами создается иллюзия осмысления происходящего сквозь призму ее ви-

* А. Каменкова утверждала, что никогда не получала столько писем, как после "Свежего ветра": "Это была особенная почта. Не та, когда пишут: "Пришлите автограф". Приходили письма исповедальные. Ко мне приезжали женщины из других городов, приходили советоваться, как жить дальше, как строить отношения в семье. Были и ругательные письма, обвинявшие мою героиню в аморальности..." [11, с. 46].

дения. К соотношению в жизни женщины-ученой профессиональной и личной сфер авторы подходят по-разному. Первая иногда прорисована лишь схематично. Личная жизнь героинь практически всегда представлена более подробно; так или иначе, обсуждается проблема семейного счастья.

К наиболее известным произведениям такого плана относятся повести И. Грековой. Автор (настоящее имя Елена Вентцель) – ученый-математик, образовавшая свой псевдоним от математического символа "игрек", создала плеяду литературных героинь, в том числе и своих коллег. Это директор НИИ Мария Владимировна Ковалева в рассказе "Дамский мастер" (1962), доцент Нина Игнатьевна Асташова в повести "Кафедра" (1977), Анна Кирилловна, Магда, Даная в романе "Пороги" (1981) и др.

Бурную дискуссию в прессе начала 1970-х гг. вызвал роман С. Залыгина "Южноамериканский вариант" (1973). Автор, до этого слышший как певец российской "глубинки" в переломные моменты истории (повести "На Иртыше", "Соленая Падь"), сделал героиней своего детища высококвалифицированную (на "ты" с новомодными вычислительными машинами) заведующую отделом информатизации и библиографии одного из московских НИИ. Сорокалетняя (а в конце романа ей сорок пять), внешне благополучная в семейной жизни Ирина Мансурова, как писал критик В. Камянов, "хочет идти вольным шагом к своей Большой любви" [9, с. 271], однако в итоге терпит фиаско.

Ученый-химик Ольга Васильевна, героиня повести Ю. Трифонова "Другая жизнь" (1975), – олицетворение здравого смысла, житейского прагматизма. О ее профессиональной деятельности автор сообщает вскользь (в руководимой Ольгой лабораторией изобретается биологический стимулятор совместимости). В центре повести – осмысле-

ние героиней причин преждевременной смерти мужа, которого она методично старалась защитить от заблуждений и стрессов.

Попытку почти по часам проследить жизнь на работе и в семье молодой сотрудницы НИИ предприняла Н. Баранская в повести "Неделя как неделя" (1969). Ее героиня Оля ведет постоянный диалог с окружающими и с самой собой. В ряду животрепещущих вопросов – возможность совмещать полноценную научную деятельность и обязанности жены и матери.

Несколько иные акценты расставлены героиней Е. Катасоновой Дашей в повести "Бабий век" (1985). Ученый-фольклорист, преподаватель МГУ размышляет о возможности счастливого брака как такового.

Важно отметить, что муж и дети (или одно из двух), как правило, присутствуют в жизни литературных и киногероинь-ученых. Одинокие женщины (за исключением совсем молодых) изображаются почти всегда по единому шаблону. Они преданы науке, с развитым чувством справедливости, чудакваты в своем бескорыстии и должны вызвать у читателя (зрителя) сострадание. Типичные примеры – Марина Борисовна из повести И. Грековой "Маленький Гарусов" (1969), Люба из романа Н. Катерли "Тот свет" (1999), Малаева (Лия Ахеджакова) из "Гаража" Э. Рязанова (1979) *. Своеобразным вызовом подобной трактовки стал фильм В. Григорьева "Поздние свидания" (1980). Его главная героиня, лингвист Вера (Л. Малеванная), когда-то приехав из деревни в Ленин-

* Кандидат наук, младший научный сотрудник Малаева хоть и имеет ребенка, но по статусу близка к названному типу. "Доброжелательные" коллеги, сомневаясь, что кто-то вообще мог позариться на такую женщину, с удовольствием муссируют тему возможной покупки "донора".

град, сама добилась и диплома, и ученой степени, и квартиры. В отличие от своих кино-предшественниц, "карьерных" женщин из культовых фильмов "Служебный роман" и "Москва слезам не верит", для которых замужество (причем основанное на мезальянсе) стало средством устранения комплекса неполноценности, для Веры одиночество – основа гармонии ее жизни. Именно замужество разбалансировало ее сложившийся уклад. В итоге Вера опять одна и опять "по собственному желанию" *.

Своеобразием отличается сказочный персонаж Шемаханской (Е. Васильева) из "Чародеев" К. Бромберга (1982) **. Директор Института волшебства, амбициозная, властная женщина, которой многое по силам (чего стоит одна фраза: "А погоду я обеспечу..."), оказывается уязвимой в сфере личных отношений.

В художественных текстах времен перестройки ("Апофеи" Ю. Полякова, "Не покупайте корову, если не умеете ее доить" Е. Каплинской и др.), как правило, актуализирован общественно-политический фон, его влияние на научное творчество и личную жизнь героинь.

3. Женщина-ученый – жена, возлюбленная или влюбленная в основного героя. Она может быть коллегой по работе, как Бета в повести А. Крона "Бессонница" (1977), Леся (Т. Лаврова) в фильме М. Ромма "Девять дней одного года" (1962).

Однако наиболее запоминающийся (благодаря частой

* Интерес, на мой взгляд, представляет трактовка образа Веры в критической статье Е. Стишовой "Несколько слов в защиту женской добродетели". Критик обозначила ряд идей, впоследствии ставших частью отечественного феминистского дискурса [13, с. 32–36].

** В повести-сказке А. и Б. Стругацких "Понедельник начинается в субботу", по мотивам которой поставлен фильм, данного персонажа нет.

повторяемости и популярности текстов) тип – это женщина, сосредоточенная на научном творчестве и поэтому оказывающаяся в положении обманутой жены. Именно такой образ тиражировался в фильмах 1980-х – начала 1990-х гг. "Забытая мелодия для флейты" Э. Рязанова и "Зимняя вишня-2" И. Масленникова. Речь идет о героинях, сыгранных И. Купченко и И. Мирошниченко. Несмотря на несколько иной статус в фильме, к этим героиням близка многоопытная в вопросах психологии любви и брака Сусанна (Т. Васильева) из комедии Г. Бежанова "Самая обаятельная и привлекательная". Поражение (пусть и не такое явное) терпит даже она.

4. Ученая женщина – источник зла, либо сознательно ему попустительствующая. Это, например, взяточница (и при этом нежная бабушка) – доктор наук, заместитель директора НИИ Аникеева (И. Савина) из "Гаража". Намеренно отстраняясь от реалий, фактически потворствует криминалу талантливый ученый-логопед Наташа в исполнении И. Мирошниченко в пятисерийном фильме А. Бланка "Профессия – следователь" (1982). Типичными можно считать образы карьеристок от науки, решающих свои проблемы, связанные с защитой диссертации, публикациями, поездками на конференции, получением престижных должностей и пр. за счет покровителей – мужей, любовников, родителей.

Итак, даже далеко не полный перечень основных тем и подходов, связанных с художественной репрезентацией российской женщины-ученого, приводит к выводу о наличии солидной базы данных, доступной и ценной для исследователя.

Исследовательская перспектива в этом направлении в условиях провинциальных университетов связана с пополнением источниковой базы за счет художественных тек-

стов, созданных и опубликованных на региональном уровне. Они приобретают особую ценность возможными репрезентациями провинциальных женщин-ученых. Ведь большинство текстов, в том числе и обозначенных в данной статье, представляют образы столичных (московских и санкт-петербургских-ленинградских) ученых, пусть даже выходцев из провинции.

Всестороннее исследование художественного текста, в том числе и его гендерная экспертиза, требуют выделения разнообразных критериев и методов, применяющихся в междисциплинарных областях знания. Эти вопросы уже не одно десятилетие широко обсуждаются учеными. В рамках данной статьи и заданного предмета изучения представляется возможным коснуться только вопросов интерпретации художественных текстов как *исторических источников*.

С точки зрения методологии использования художественного творчества в историческом исследовании немалый интерес представляют выводы Альмиры Усмановой, известного специалиста в области гендерной истории и визуальных искусств. На основе исследований предшественников она вычленила ряд принципов, конструирующих эпистемологическое ядро модели анализа фильма как исторического источника. Позволим себе изложить их тезисно. Это, прежде всего, вскрытие неявного содержания, того, что прочитывается между строк и представляет широкое поле деятельности для историка. Второе, опираясь на основы кинотеории, мы используем анализ фильма для собственно исторического анализа. Третье, кинематограф может рассматриваться и как "параллельная" история, тип исторического дискурса, противоположный официальному. Четвертое, отслеживание идеологии и бесцензурного пространства в фильме. Пятое, фильм по своему познавательному потенциалу и закодированной в нем информации

уникален как источник по истории ментальностей. Наконец, шестое, фильм кодирует мифологию современного ему общества, тот способ чтения истории, который данный социум предпочитает всем остальным [15, с. 45–47]. Думается, что данные принципы применимы не только к анализу кино и визуальных искусств, но и к художественному творчеству вообще, включая художественную литературу.

Важным дополнением представляется следующее. Учитывая, что опубликованная книга, выпущенный в прокат фильм начинают свою собственную жизнь в качестве текста культуры, необходимо пристально следить за сопровождающими его критическими материалами, в том числе и письмами в редакции, обзорами публичных дискуссий. Серьезной характеристикой являются периодичность показа фильма, издания книги в контексте конкретных исторических этапов.

Качественный анализ художественного текста маловероятен без интертекстуального прочтения – своеобразного диалога с другими источниками, в том числе с официальными текстами, воплощающими язык власти, фотографиями, литературной и кинокритикой, источниками личного происхождения, материалами устной истории. Вариантом интертекстуального анализа может быть работа с двумя художественными текстами: книгой (литературной основой экранизации) и визуальным воплощением – фильмом.

В заключение отметим, что полноценная реконструкция истории российских женщин-ученых XX в. является пока еще делом будущего. В ряду перспективных направлений ее изучения – исследование художественного текста как способа репрезентации и формирования гендерных практик в научном сообществе.

Библиографический список

1. Агамова Н.С., Аллаhverдян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вестник истории естествознания и техники. 2000. № 1.
2. Беляева Г.Ф., Горшкова И.Д., Костикова И.В. Университетские женщины: штрихи к портрету // Общественные науки и современность. 2000. № 2.
3. Веретенко В.А. "Ученая женщина": дискуссии в российском обществе (вторая половина XIX – начала XX вв.) // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001.
4. Виноградова Т.В. Феминистская критика науки: Научно-аналитический обзор. М., 2001.
5. Винокурова Н.А. Мужчины и женщины в науке // Социс. 1999. № 4.
6. Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001.
7. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999;
8. Каверин В.А. Вечерний день. М., 1982.
9. Камянов В. Любовь и кибернетика // Новый мир. 1973. № 7.
10. Клингер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 2000. Вып. 2.
11. Лындина Э. Линия судьбы. Интервью с Анной Каменковой // Телевидение и радиовещание. 1988. № 3.
12. Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вестник РАН. М., 1993. Т. 63. № 8.
13. Стишова Е. Несколько слов в защиту женской добродетели // Экран 81–82. М., 1984.
14. Суковатая В. Женское предпринимательство в советской и постсоветской истории // Иной взгляд: Междисциплинарный альманах гендерных исследований. Минск, 2002.
15. Усманова А. "Визуальный поворот" и гендерная история // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002.
16. Фрумкина Р. Внутри истории. Эссе. Статьи. Мемуарные очерки. М., 2002.
17. Юкина И.И. Формирование феминистской идеологии в пореформенной России // Женщины в истории: возможность быть увиденными / Гл. ред. И.Р. Чикалова. Минск, 2002.
18. Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы. Очерки гендерных исследований. М.; Саратов, 2001. Ч. 1.

19. Cowan R.S. Women and Science // Social Studies of Science. 1999. Vol. 25. № 2.
20. Gasirowska X. Women in Soviet Fiction, 1917–1964. Madison, 1968.
21. Keller E.F. Reflection on Gender and Science. New Haven, 1985.
22. Lapidus G.W. Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change. Berkeley, 1978;
23. Marsh R.J. Soviet Fiction Since Stalin: Science, Politics and Literature. L.; Sydney, 1986.
24. Women and Society in Russia and the Soviet Union / Ed. by L. Edmondson. Cambridge; N.Y., 1992.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ *

В. В. Игнатенко

К. Гиллиган утверждает, что система "мужских" нравственных ценностей основана на самоутверждении и справедливости. Мужчины в первую очередь озабочены карьерой и менее опасной для себя считают конкуренцию, чем межличностные отношения. Женская нравственность больше ориентирована на заботу о другом человеке и самоотречение. Женщины очень чувствительны к одиночеству, полагают, что успех в профессиональной конкуренции опасен разобщением с другими людьми, и поэтому установление межличностных отношений они относят к важнейшим жизненным целям.

В ходе опроса 50 работниц социальной сферы по методике Куна – Макпарленда (10 определений) на вопрос "Кто я такая?" всего было названо 26 социальных ролей, большинство из которых относится к сфере межличностных отношений (мать, подруга, жена, дочь, сестра, коллега, сосед-

* Научный руководитель работы – Л.М. Чепелева.

ка, подчиненная, бабушка, тетя, внучка, собеседник, хозяйственница, свекровь, племянница). Редко встречаются роли, характеризующие только "Я" (социальный работник, женщина, гражданка, человек, пенсионерка, русская, добросовестный и исполнительный человек). При этом такие социальные роли, как дачница, крестьянка, хозяйка и сестра милосердия, скорее ориентированы на отдачу себя другим, чем на удовлетворение лишь своих интересов.

Далее респондентам было предложено оценить себя по набору 12 качеств (ответственность, честность, внимательность, тактичность, терпимость, аккуратность и т.п.) в каждой из отмеченных ими ролей. При высокой идентификации с ролью матери респонденты оценили себя низкими показателями и наоборот. Низко идентифицируя себя с ролью социального работника, высоко оценили свои возможности.

В роли матери социальные работники высоко оценивали себя по таким качествам, как ответственность, милосердие, доброта, внимательность и честность, и значительно ниже по критериям терпимости, вежливости, тактичности и аккуратности. Этому можно дать две интерпретации: 1) последние качества для роли матери соцработники считают менее важными, чем первые; 2) качества важны, но фактически им не удастся соответствовать в полной мере.

Характеризуя себя как профессионалов, социальные работники оценили свои возможности высокими показателями по всем перечисленным качествам. Даже при наличии трудностей, связанных с выполнением семейных ролей, социальные работники отмечали, что в профессиональной деятельности им удастся быть вежливыми, тактичными, терпимыми и аккуратными. Они более ответственны и общительны в роли социального работника, чем матери. Характеризуя себя по параметру честности, респонденты наиболее часто

находили это качество в роли социального работника, затем в роли жены, подруги, матери и реже всего в роли дочери. Они отмечали, что им в одинаковой степени удастся быть милосердными и в роли матери, и в роли социального работника, но в меньшей степени это качество проявляется в роли дочери, подруги и еще реже в роли жены. Им также в одинаковой степени удастся быть добрыми, будучи матерью и социальным работником, и сложнее в роли жены, подруги и дочери.

Женщины – социальные работники не чувствуют противоречия между своей профессиональной деятельностью и гендерной ролью, а следовательно, не переживают ролевого конфликта и острого эмоционального напряжения оттого, что им необходимо согласовывать свои феминные и профессиональные качества.

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНЩИН В БИЗНЕСЕ *

Н. Н. Лупенко

В современном мире все больше женщин посвящают свою жизнь не только воспитанию детей и домашнему хозяйству, но и карьерному росту, занятию бизнесом. Однако высокая социальная активность и успехи в профессиональной деятельности часто даются женщинам нелегко. Занимаясь бизнесом, женщины сталкиваются с рядом препятствий, которые им необходимо преодолевать, чтобы выдержать жесткую конкуренцию делового мира. Причем в пространстве конкурентной борьбы проявляется часто такой феномен, как гендерное неравенство.

С позиции гендерного подхода проблема карьерного

* Научный руководитель работы – Л.Н. Ожигова.

роста мужчин и женщин рассматривается как неравенство возможностей, при декларируемом и конституционно закрепленном во многих странах праве на равенство.

Гендерное неравенство существенно тормозит развитие многих сфер жизни, нарушая внутриличностную гармонию. Изучению психологических проблем женщин-руководителей в ситуации гендерного неравенства и было посвящено наше исследование. Всего было опрошено 50 руководителей (25 мужчин и 25 женщин) высшего управленческого звена негосударственных и коммерческих учреждений г. Краснодара. Методом структурированного интервью исследовались психологические особенности респондентов – самооценка, уровень субъективного контроля, ценностные ориентации – и представления о качествах руководителя, о роли и месте мужчины и женщины в бизнесе.

Оказалось, что женщины имеют более низкий уровень самооценки, чем мужчины: они склонны ставить "менее высокие" и "более реальные" цели, менее уверены в их достижении и готовы отступить в трудный момент. Такие данные могут подтверждать распространенное в обществе представление о том, что женщины и на работе, в профессии склонны проявлять свою женственность. Действительно, неуверенность и готовность уступать – это качества, которые входят в "набор" гендерного стереотипа женского поведения. Однако можно предположить также, что более низкая самооценка – результат постоянного воспроизводства гендерного неравенства в социальных отношениях. Женщине приходится прикладывать больше усилий в выстраивании деловых отношений с партнерами, постоянно доказывать свою компетентность в бизнесе – мире "мужских" отношений. Поэтому она может терпеть больше неудач и быть более неуверенной в себе, считая что, не смогла проявить себя достаточно хорошо.

Эту мысль подтверждает и то, что у женщин был выявлен более высокий уровень субъективного (внутреннего)

самоконтроля. То есть женщины больше, чем мужчины ориентированы на управление внешними событиями. Они чувствуют ответственность за эти события и часто могут винить себя, свои качества и способности за происходящие события и неудачи в собственной жизни.

Таким образом, женщины, выстраивая свою карьеру в бизнесе в ситуации гендерного неравенства, проявляют повышенную требовательность к себе и большую ответственность.

Анализ интервью показал, что в целом женщины ориентированы на развитие и установление партнерских отношений в бизнесе, но преимущественно с мужчинами.

СКРЫТЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН В ШКОЛЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА *

Н. Ю. Рымарев

Образование – важнейший социальный институт, способствующий не только передаче знаний, умений, навыков от поколения к поколению, сохранению и передаче социального опыта, но и развитию личности, её становлению и самоактуализации. Школа, таким образом, выступает одним из основных институтов социализации. Как и другие социальные институты, школа активно воспроизводит существующие в обществе представления, в том числе представления о мужчине и женщине. Формирующая сила культурных ожиданий находит свое отражение в особенностях воспитания, обучения и развития как мужчин, так и женщин.

Но воспроизводство существующих в обществе представлений о мужчинах и женщинах, гендерная стратификация в образовательных учреждениях не включается в план открытого образования, а значит, оно осуществляется

* Научный руководитель работы – Л.Н. Ожигова.

скрыто. Для описания этого феномена используется понятие скрытого учебного плана.

Скрытый учебный план (скрытая программа) – поведение или установки, которые усваиваются в школе помимо официальной программы. Скрытая программа – неофициальная, латентная программа обучения, связанная, например, с усвоением гендерных различий (Э. Гидденс).

В структуру скрытого учебного плана входит, во-первых, организация самого учреждения, гендерные отношения на работе, гендерная стратификация учительской профессии, во-вторых, содержание предметов и, в-третьих, стиль преподавания (Е. Р. Ярская-Смирнова).

Социализирующая функция скрытого плана состоит в непроизвольном, латентном привитии социальных навыков исподволь, посредством неофициальных дискуссий, подразумевающих овладение ценностями организационной культуры школы, в ходе которого происходит неосознанное усвоение учащимися норм и ценностей общества (Э. Майнберг).

Сложность изучения скрытого учебного плана, заключается в том, что почти невозможно учесть все факторы и направления влияния скрытого учебного плана. Скрытый учебный план может реализоваться с помощью книг, через телевидение, граффити, ношение униформы, распорядок дня, поведение учителей. Кроме того, сложно измерить количественно, насколько интенсивно скрытый учебный план влияет на учеников.

Проведённые отечественными авторами исследования (И.С. Клецина, Л.В. Попова) показали, что учителя на уроках отводят больше времени мальчикам, их чаще привлекают для демонстрации каких-либо опытов, в случае если в классе не хватает учебных материалов, то чаще всего их получают именно мальчишки. То, что позволительно мальчикам в дисциплинарном отношении, непозволительно девочкам. Отмечается, что при оценивании знаний девочкам предъявляются более высокие требования, а оценки зани-

жаются, тогда как работа мальчиков не просто оценивается, ей даётся критическая оценка с указанием ошибок и подсказкой направления работы над ними. В учебниках и текстах для чтения мальчики участвуют в увлекательных приключениях и разнообразных переделках вне дома, требующих независимости и силы, а персонажи-девушки показываются пассивными и, как правило, ограниченными рамками домашних дел. Кроме того, количество персонажей мужского пола в десятки раз превышает количество персонажей женского пола.

Для изучения особенностей скрытого учебного плана было проведено исследование в одной из школ-гимназий г. Краснодара, которое включало методы анкетирования, наблюдения, анализ документов и классных коммат, гендерную экспертизу урока, контент-анализ учебных текстов. Данное исследование проводилось в четырех десятых классах, так как старшеклассники, обучаясь дольше других учеников, наиболее полно усваивают те нормы и ожидания, к которым стремится школа.

В ходе исследования взглядов учащихся на образование выяснилось, что:

- современная школа менее ориентирует девочек на занятость в приватной сфере;

- юноши и девушки не мотивируют свои выборы полом;

- девушки в процессе гендерной социализации в школе усваивают, что образование не даёт привлекательного статуса женщинам;

- к окончанию обучения в школе у юношей и девушек, обучающихся в одной и той же школе, формируются разные стратегии будущей взрослой жизни.

При анализе успеваемости десятиклассников было выявлено, что в среднем девушки учатся по всем предметам лучше, чем юноши. Гендерная экспертиза урока показала, что действия учителей на уроках различаются в отношении юношей и девушек: юношей оценивают как личность, а де-

вушек за выполнение инструкций, исполнительность. Экспертиза учебных помещений выявила, что в классах изображений женщин в восемь раз меньше, чем изображений мужчин. Кроме того, по результатам исследования можно сделать вывод, что девушки выбирают места за партами ближе к учителю, а юноши, наоборот, в отдалении от учителя. Контент-анализ учебных текстов показал, что мужчины упоминаются в них в 3,5 раза чаще, чем женщины. Вместе с тем каждое второе изображение женщины стереотипно, в то время как мужчины стереотипно изображаются лишь каждый десятый раз.

Таким образом, можно прийти к заключению, что реализация скрытого учебного плана в школе осуществляется через тексты учебников, организацию учебных помещений, поведение учителей на уроках; различия в гендерной социализации проявляются в выборе мест за партами на уроке, в успеваемости юношей и девушек, в различиях отношений к образованию и планов на будущее.

Реализация скрытого учебного плана, направленная на различия в социализации учащихся, несовместима с принципами равенства прав и возможностей для реализации личностью своего потенциала. Существование скрытого учебного плана необходимо учитывать при реформировании образования. Без подчинения скрытого учебного плана принципам равенства доступа к образовательным ресурсам или минимизации эффектов его проявления невозможно искоренить социальное (гендерное) неравенство в образовании.

ПСИХОЛОГИ КУБАНИ НА III СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

А. Н. Кимберг

25–28 июня 2003 г. в г. Санкт-Петербурге состоялся III съезд Российского психологического общества (РПО).

Съезд проходил под лозунгом "Психология и культура", что придало особый колорит как его оформлению, так и характеру дискуссии. В северную столицу съехались виднейшие психологи России, представлявшие главные научные центры страны. Открытие съезда происходило в переполненном зале Смольного института, где некогда Ленин принимал исторические декреты.

В связи с реорганизацией Российского психологического общества на съезде решались важные для развития отечественной психологии вопросы. С отчетом за предыдущие годы работы выступил Е.А. Климов – председатель РПО с 1995 по 2003 г. Он отметил актуальность обсуждения Устава Российского психологического общества; этического кодекса психолога, принятия положения об экспертном совете по сертификации психологических технологий. Делегаты съезда поддержали необходимость принятия данных документов, что несколько ограничит активность людей,

НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ

ПСИХОЛОГИ

КУБАНИ

НА III СЪЕЗДЕ

РОССИЙСКОГО

ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО

ОБЩЕСТВА

А. Н. Кимберг

не имеющих необходимой профессиональной компетентности, но интенсивно внедряющихся в психологическую проблематику. В последнее время достаточно просто зарегистрировать свою деятельность как частного предпринимателя, не имея при этом диплома или каких-либо свидетельств и сертификатов, подтверждающих профессиональную компетентность именно в этой сфере деятельности. Названные документы помогут ограничить излишний приток случайных людей в профессиональное психологическое сообщество.

Е. А. Климов предложил также переизбрать членов правления РПО и председателя, чтобы привлечь новые кадры для решения наболевших вопросов.

В качестве нового председателя Российского психологического общества была предложена кандидатура А. И. Донцова, декана психологического факультета МГУ. Делегаты съезда проголосовали за профессора Александра Ивановича Донцова единогласно.

Делегатами III съезда РПО от Краснодарского отделения РПО были З. И. Рябикина и А. А. Лузаков. Кроме них Кубань представляли: А. Н. Демин, А. Н. Кимберг, Г. Н. Князева, Л. Н. Ожигова и И. А. Сапогова (Кубанский госуниверситет), Г. Б. Горская (Краснодарская академия физической культуры), В. Г. Третьяк (Краснодарский юридический институт), И. Б. Шуванов (Сочинский университет курортного дела и туризма), С. В. Недбаева (Армавирский госпединститут).

Чтобы представить всё разнообразие деятельности психологов, организаторы съезда придали ему достаточно сложную структуру. В период заседаний симпозиумов работа шла одновременно в десяти-пятнадцати местах, иногда в разных точках города. Интересы кубанских психологов сосредоточились главным образом на методологических проблемах психологии (сопредседатели симпозиума "Методологические проблемы психологии субъекта" — профессор В. В. Знаков и профессор З. И. Рябикина), про-

блемах познания и общения, развития личности, теории отношений В. Н. Мясищева, организационной психологии и психологии в образовании. В дискуссиях по этим вопросам приняли участие Г. Б. Горская, А. Н. Дёмин, А. Н. Кимберг, А. А. Лузаков, З. И. Рябикина, Л. Н. Ожигова, И. А. Сапогова.

В пленарных выступлениях представителей различных направлений психологической деятельности (М. И. Марьина, Т. Ю. Базарова, Ю. М. Забродина, З. И. Рябикиной, С. В. Кошелевой, М. М. Решетникова и др.) отразилась проблематика, затрагивающая вопрос о профессиональной позиции и подготовке психолога, его ответственности за организуемую с людьми работу. Общий тон выступлений позволил обозначить важнейшую задачу, стоящую перед отечественной практической психологией: повышение личной профессиональной культуры психолога и формирование хорошо систематизированных образовательных подходов (школ) в деле подготовки психологов-практиков-консультантов и терапевтов.

Наибольшую остроту эти вопросы приобрели во время работы симпозиума "Психология бизнеса и организационное развитие" и круглого стола "Психология в организационном консультировании". Ученые, съехавшиеся со всей страны, обозначили актуальные проблемы, с которыми они столкнулись в своей деятельности, и поделились опытом решения этих проблем. И здесь центральное место занял вопрос о профессиональной позиции и компетентности психолога, об уровне психологических технологий, которые он использует в консультировании организаций. В ходе дискуссии каждый получил вполне конкретный результат – ответы на поставленные вопросы и профессиональные контакты.

На съезде, собравшем более тысячи психологов России, прошли дискуссии более чем на полусотне форумов, симпозиумов и круглых столов, принешие их участникам огромное удовлетворение от живого общения и многочисленных контактов, формирующих реальное тело психологической науки.

Сведения об авторах

Бабич Николай Сергеевич – студент V курса отделения социологии ФИСМО КубГУ

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ

Батыков Иван Владимирович – студент V курса отделения социологии ФИСМО КубГУ

Бурмистрова Яна Николаевна – выпускница отделения психологии КубГУ

Бунчук Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления КубГУ

Данилова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

Еремеева Анна Натановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств

Игнатенко Вероника Вячеславовна – аспирантка кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ

Лупенко Наталья Николаевна – аспирантка кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ

Мирошниченко Инна Валерьевна – аспирант кафедры политологии и политического управления КубГУ

Оберемко Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления КубГУ

Ожигова Людмила Николаевна – кандидат психологических наук, докторант кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ

Осипова Ольга Сергеевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории психологических проблем воспитания Государственного НИИ семьи и воспитания РАО и Минтруда РФ

Рымарев Николай Юрьевич – аспирант кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ

Савва Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления КубГУ

Сапогова Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ

Тартаковская Ирина Наумовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений

Трофимова Галина Юрьевна – старший преподаватель кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ

Улько Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления КубГУ

Черкашина Татьяна Юрьевна, старший преподаватель кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета

Идов Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

CONTENT

Batygin G.S. Producing Scientific Knowledge

SOCIAL IDENTITY: CONCEPTUALIZATIONS AND MEASUREMENT

Danilova E.N., Yadov V.A. Instable Social Identity Becomes Normal in Instable Society

Babich N.S., Batykov I.V. Social Distance Measurement

Oberemko O.A. Antonymous Analysis of We and They Identities

Baranov A.V. Academically Construing Regional Identities in the Southern Russia

Savva E.V. Hyper-Positive Ethnic Identity and Shaping Images of Strangers by Media

Ul'ko E.V., Bourmistrova Ya.N. Social factors of ethnic identity relevance

Miroshnichenko I.V. Professional Groups and Shared Political Values

Trofimova G.Yu. Images of Future by Adolescents Choosing a Profession

Sapogova I.A. A Youth Gender Patterns Analysis

Tartakovskaya I.N. Gender identity in social networks

Cherkashina T.Yu. Economical self-identities of spouses in Russia

GENDER STUDIES

Ojigova L.N. and Bunchuk S.N. Gender Aspects of sustainable Development Theory

Ossipova O.S. Gender Aspects of Social Stratification and Social Mobility

Yeremeyeva A.N. Woman-Scientist in the XX Century Russia

Ignatenko V.V. Female Social Workers: Values and Gender Roles Interpretations

Lupenko N.N. Women in Business: Gender Inequality and Psychological Misbalance

Rymarev N.Yu. "Hidden Curriculum" at School and Reproducing Gender Inequality

SUMMARY

Producing Scientific Knowledge by *Gennady S. Batygin* discusses the ethic bases of science *als Beruf* and a collective enterprise; a metaphor of sociology as a metatext ever being produced by a stratified and highly-specialized scientific community.

SOCIAL IDENTITY: CONCEPTUALIZATIONS AND MEASUREMENT

Instable Social Identity Becomes Normal in Instable Society by *Elena N. Danilova and Vladimir Yadov* tells that traumatic reforms have reduced the social identities in Russia to primary groups and pushed civil, political and other identities of the "big society" to the periphery. Perhaps, in transforming societies of high modernity situational and flexible identities are to be "normal".

Social Distance Measurement by *Nikolai N. Babich and Ivan V. Batykov* elaborates a technique of transforming the Bogardus scale of social distance into a metric scale with the data of a sample survey of ethnic Russians of Krasnodar Krai.

Antonymous Analysis of We and They Identities by *Oleg A. Oberemko* demonstrates a linguistic approach to classifying strategies of constructing intergroup oppositions in open questions data, reducible to the steps of self-categorization process by Tajfel-Turner.

Academically Construing Regional Identities in the Southern Russia by *Andrei V. Baranov* reflects dynamics of regionalism and forms of ethno-political mobilization.

Hyper-Positive Ethnic Identity and Shaping Images of Strangers by Media by *Elena V. Savva* explores power of media to shape in/tolerant attitudes to ethnic outgroups and to disseminate specific kinds of ethnic identity.

Social factors of ethnic identity relevance by *Elena V. Ul'ko and Yana N. Bourmistrova* compares the data of a pilot survey of two small sub-samples of Armenians and Russians.

Professional Groups and Shared Political Values by *Inna V. Miroshnichenko* argues that professional socialization among stable professional groups still determines shared political values.

Images of Future by Adolescents Choosing a Profession by *Galina Yu. Trofimova* hypothesizes that the type of school attended may determine the shaping of the prospective identity.

A Youth Gender Patterns Analysis by *Irina A. Sapogova* in her survey of 243 students of high school in Krasnodar reveals an intensive reproduction of traditional gender stereotypes despite influential theories on deep transformation of gender identities.